

Vol. 1, N 3-4

2018

ISSN 2618-7043 (Print)

ORIENTALISTICA



К Востоку! Ad Orientem

Государственному музею Востока – 100 лет

Этот мир земной –
Отраженное в зеркале
Мареву теней.
Есть, но не скажешь, что есть.
Нет, но не скажешь, что нет.

Минамото Санэтомо,
японский поэт (1192–1219)

Пер. В. Марковой



Набор сагэмоно:

инро с изображением сосны у входа в храм Касуга;

одзимэ (бусинка) – ограничитель шнурка;

нэцкэ с изображением хризантем

XIX в.

дерево, лак, инкрустация перламутром, коралл, слоновая кость, резьба, тонировка

В этом предмете сюжетом лаковой росписи, дополненной инкрустацией перламутром, послужила старая сосна, которая растет у ворот древнего синтоистского святилища Касуга и в которую, согласно поверью, по религиозным праздникам вселяются боги и будды.



Государственный

**МУЗЕЙ
ВОСТОКА**

© Государственный музей Востока
© The State Museum of Oriental Art



Будда Амиды

XIII в.

дерево, резьба, лак, позолота



Бодхисаттва

Фугэн

Кон. XII в.

дерево, лак, позолота, металл



Государственный музей Востока – Партнер журнала *Orientalistica* – является единственным музеем в России, специализирующимся на собирании, хранении, изучении, популяризации произведений искусства Востока. В его собрании представлены памятники художественной культуры более чем 100 стран народов Азии и Африки.

Vol. 1, N3-4
2018

ORIENTALISTICA

ISSN 2618-7043 (Print)
DOI 10.31696/2618-7043-2018-1-3-4



The papers published in this journal have passed expert selection and peer review procedures. Scholarly content of publications, the titles and content of sections meet the requirements for peer-reviewed scientific publications of the Higher Attestation Commission under Ministry of Education and Science of the Russian Federation. These regulations stipulate that main scientific results of dissertations for the academic degrees of both candidate and doctor of science in the following group of academic specialties are to be published:

07.00.00 History and Archaeology

- 07.00.02 National History
- 07.00.03 Universal History (of the corresponding period)
- 07.00.06 Archaeology
- 07.00.07 Ethnography, Ethnology and Anthropology
- 07.00.09 Historiography, Source study and Methods of historical research
- 07.00.15 History of international relations and foreign policy

09.00.00 Philosophical science

- 09.00.08 Philosophy of Science and Technology
- 09.00.11 Social philosophy
- 09.00.13 Philosophy and History of religion, Philosophical anthropology, Philosophy of culture
- 09.00.14 Philosophy of religion and Religious studies

10.00.00 Languages of the East

- 10.01.03 Foreign Literature
- 10.01.08 Theory of Literature, Textology
- 10.02.22 Languages of foreign countries peoples of of Europe, Asia, Africa, natives of America and Australia

Information about the journal

The *Orientalistica* is an international peer-reviewed academic journal, which is aimed to cover a wide range of Asian and Asia related subjects. It deals with the past history and culture of Eastern peoples who lived in the vast area from the West coast of Northern Africa up to the Pacific islands.

This new journal is designed as a forum for the Russian scholars and their colleagues from abroad where they can publish and openly discuss results of their research in diverse areas, which comprise the publications of the hitherto unknown texts, monuments of the material culture as well as the intellectual and spiritual heritage of the peoples of the East.

The *Orientalistica* is established in 2018 when the Institute of the Oriental Studies of the Russian Academy celebrates its 200 anniversary. Among its sponsors it proudly includes the State Hermitage (St. Petersburg), the State Museum of the East (Moscow) and the Institute of Oriental Manuscripts of the Russian Academy of Sciences (St. Petersburg).

Scientific peer-reviewed journal. Published since 2018, quarterly.

Roskomnadzor Certificate of mass media registration: ПИ № ФС77-72763 dated May 4, 2018.

Registered in the Russian Federation ISSN National Agency, ISSN registration number: ISSN: 2618-7043 (Print)

Founder



Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences
Address: 12, Rozhdestvenka str., Moscow, Russian Federation
Website: <https://www.ivran.ru>

Partners



The State Hermitage Museum
Address: 34, Dvortsovaya Naberezhnaya,
St. Petersburg, 190000, Russian Federation
Website: <http://www.hermitagemuseum.org>



Institute of Oriental manuscripts, Russian Academy of Sciences
Address: 18, Dvortsovaya Naberezhnaya,
St. Petersburg, 191186, Russian Federation
Website: <http://www.orientalstudies.ru>



The State Museum of Oriental Art
Address: 12a, Nikitskiy blvd.,
Moscow, 119019, Russian Federation

Publisher

Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences
Address: 12, Rozhdestvenka str., Moscow, Russian Federation
Website: <https://www.ivran.ru>

Contact information

Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences
Address: 12, Rozhdestvenka str., Moscow, 107031, Russian Federation
Website: www.orientalistica.com
E-mail: orientalistica@ivran.ru

© IOS RAS, 2018

© The State Museum of Oriental Art



Editor-in-Chief

Valery P. Androsov – Ph. D habil. (Hist.), Professor, Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russian Federation

International Advisory Board

Mikhail B. Piotrovsky – Co-chairman of the Board of Advisors, Ph. D habil. (Hist.), Member of the Russian Academy of Sciences, Professor, St. Petersburg University; Director, State Hermitage Museum, St. Petersburg, Russian Federation

Irina F. Popova – Co-chairman of the Board of Advisors, Ph. D habil. (Hist.), Professor, Director, Institute of Oriental manuscripts, Russian Academy of Sciences, St. Petersburg, Russian Federation

Alexander V. Sedov – Co-chairman of the Board of Advisors, Ph. D habil. (Hist.), Director, State Museum of Oriental Art, Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russian Federation

Vladimir M. Alpatov – Corresponding Member of the Russian Academy of Sciences, Ph. D habil. (Philol.), Professor, Institute of linguistics, Russian Academy of Sciences; Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russian Federation

Daniel Berounsky – Ph. D habil., Professor, Charles University, Prague, Czech Republic

Bayrmond Borjigiin – Ph. D habil. (Lang.), Professor, University of Inner Mongolia, Hohhot, People's Republic of China

Sebastian Paul Brock – Ph. D habil., Oxford University, London, United Kingdom

Burnee Dorjsuren – Ph. D habil. (Lang.), Professor, National University of Mongolia, Ulaanbaatar, Mongolia

Theodor Ithamar – Ph. D habil., Professor, University of Haifa, Israel

Karénina Kollmar-Paulenz – Ph. D habil. (Hist.), Professor, Institute of Religious Studies, Bern University, Bern, Switzerland

Rembert Lutjeharms – Ph. D (Theol.), Professor, Oxford Centre for Hindu Studies, University of Oxford, Oxford, United Kingdom

Takashi Matsukawa – Ph. D habil. (Hist.), Professor, Otani University, Kyoto, Japan

Chuluun Sampildondov – Ph. D habil. (Hist.), Professor, Institute of History, Mongolian Academy of Sciences, Ulaanbaatar, Mongolia

Vesna A. Wallace – Ph. D habil. (Hist.), Professor, University of California, Santa Barbara, United States of America

Editorial Board

Alikber K. Alikberov – Chairman Editorial Board, Deputy Editor-in-Chief, Ph. D (Hist.), Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russian Federation

Andrey S. Desnitsky – Deputy Editor-in-Chief, Ph. D habil. (Philol.), Professor, Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russian Federation

Apollinaria S. Avrutina – Ph. D (Philol.), Ass. Professor, Saint Petersburg State University, Saint Petersburg, Russian Federation

Irina Glushkova – Ph. D habil. (Hist.), Professor, Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russian Federation

Tawfik Ibrahim – Ph. D habil., Professor, Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russian Federation

Shamil R. Kashaf – Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russian Federation; Kazan (Volga region) Federal University, Kazan, Russian Federation

Artem I. Kobzev – Ph. D habil., Professor, Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences; Moscow Institute of Physics and Technology (State University); Russian State University for the Humanities, Moscow, Russian Federation

Anna S. Kovalets – Ph. D, Ph. D (Philol.), State Museum of Oriental Art, Moscow, Russian Federation

Alexey A. Khismatulin – Ph. D (Hist.), Institute of Oriental manuscripts, Russian Academy of Sciences, St. Petersburg, Russian Federation

Dmitry V. Mikulsky – Ph. D habil. (Hist.), Professor, Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russian Federation

Vladimir N. Nastich – Ph. D (Hist.), Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russian Federation

Victor M. Nemchinov – Ph. D (Econ.), Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russian Federation

Natalia I. Prigarina – Ph. D habil. (Philol.), Professor, Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russian Federation

Nikolaj I. Serikoff – Ph. D (Hist.), Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russian Federation

Airat G. Sitdikov – Ph. D habil. (Hist.), Professor, A. Kh. Khalikov Institute of Archaeology of the Tatarstan Academy of Sciences; Kazan (Volga region) Federal University, Kazan, Russian Federation

Shamil Sh. Shikhaliev – Ph. D (Hist.), Institute of History, Archaeology and Ethnography of the Dagestan Scientific Center of the Russian Academy of Sciences, Makhachkala, Russian Federation

Surun-Khanda D. Syrtyanova – Ph. D habil. (Hist.), Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russian Federation

Lola Z. Taneeva-Salomatshaeva – Ph. D habil. (Philol.), Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russian Federation



Т.1, №3-4
2018

ОРИЕНТАЛИСТИКА

ISSN 2618-7043 (Print)
DOI 10.31696/2618-7043-2018-1-3-4



Публикуемые в журнале материалы прошли процедуру рецензирования и экспертного отбора. Научное содержание публикаций, наименование и содержание разделов соответствуют требованиям к рецензируемым научным изданиям Высшей аттестационной комиссии при Министерстве образования и науки Российской Федерации, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук по следующей группе научных специальностей:

07.00.00 Исторические науки и археология

- 07.00.02 Отечественная история
- 07.00.03 Всеобщая история (соответствующего периода)
- 07.00.06 Археология
- 07.00.07 Этнография, этнология и антропология
- 07.00.09 Историография, источниковедение и методы исторического исследования
- 07.00.15 История международных отношений и внешней политики

09.00.00 Философские науки

- 09.00.08 Философия науки и техники
- 09.00.11 Социальная философия
- 09.00.13 Философия и история религии, философская антропология, философия культуры
- 09.00.14 Философия религии и религиоведение

10.00.00 Филологические науки

- 10.01.03 Литература народов стран зарубежья
- 10.01.08 Теория литературы, текстология
- 10.02.22 Языки народов зарубежных стран Европы, Азии, Африки, аборигенов Америки и Австралии

Информация об издании

Ориенталистика (Orientalistica) – международный научный рецензируемый журнал, охватывающий широкий спектр направлений, посвященных восточковедческой тематике. Ареал исследований классического периода истории Востока простирается от западного побережья Северной Африки до островов Тихого океана.

Научный журнал, учрежденный в год 200-летия Института востоковедения РАН при поддержке партнеров – Государственного Эрмитажа, Института восточных рукописей РАН и Государственного музея искусства народов Востока, предоставляет возможности российским и зарубежным ученым для публикации и обсуждения результатов оригинальных исследований, полученных в ходе изучения памятников письменности, объектов культурного и духовного наследия, а также материалов полевых изысканий.

Научный рецензируемый журнал. Издается с 2018 г., выходит 4 раза в год. Регистрационный номер и дата принятия решения о регистрации в Роскомнадзоре: ПИ № ФС77-72763 от 4 мая 2018 г.

Зарегистрировано в Национальном агентстве ISSN Российской Федерации, номер ISSN: 2618-7043 (Print)

Учредитель



Федеральное государственное бюджетное учреждение науки «Институт востоковедения Российской академии наук» (ФГБУН ИВ РАН).

Адрес: 107031, Российская Федерация, г. Москва, ул. Рождественка, д. 12, сайт: <https://www.ivran.ru>

Партнеры



Федеральное государственное бюджетное учреждение культуры «Государственный Эрмитаж».

Адрес: 190000, Российская Федерация, г. Санкт-Петербург, Дворцовая набережная, д. 34.

Сайт: <http://www.hermitagemuseum.org>



Федеральное государственное бюджетное учреждение науки «Институт восточных рукописей Российской академии наук».

Адрес: 191186, Российская Федерация, г. Санкт-Петербург, Дворцовая наб., д. 18. Сайт: <http://www.orientalstudies.ru>



Федеральное государственное бюджетное учреждение культуры «Государственный музей искусства народов Востока».

Адрес: 119019, Москва, Никитский бульвар, д. 12а
Сайт: <http://www.orientmuseum.ru>

Издатель

Федеральное государственное бюджетное учреждение науки «Институт востоковедения Российской академии наук» (ФГБУН ИВ РАН).

Адрес: 107031, Российская Федерация, г. Москва, ул. Рождественка, д. 12, сайт: <https://www.ivran.ru>

Редакция

107031, Российская Федерация, г. Москва, ул. Рождественка, д. 12.

Сайт: www.orientalistica.com

Тел.: +7 (495) 928-93-14, Моб.: +7 (495) 928-93-14,

E-mail: orientalistica@ivran.ru

© ФГБУН ИВ РАН, 2018

© Государственный музей Востока

Главный редактор

Андросов Валерий Павлович – доктор исторических наук, профессор, Институт востоковедения РАН, г. Москва, Российская Федерация

Международный редакционный совет

Пиотровский Михаил Борисович – сопредседатель редакционного совета, действительный член Российской академии наук, доктор исторических наук, профессор, Государственный Эрмитаж; Санкт-Петербургский государственный университет, г. Санкт-Петербург, Российская Федерация

Попова Ирина Федоровна – сопредседатель редакционного совета, доктор исторических наук, профессор, Институт восточных рукописей РАН, г. Санкт-Петербург, Российская Федерация

Седов Александр Всеволодович – сопредседатель редакционного совета, доктор исторических наук, Государственный музей искусства народов Востока, Институт востоковедения РАН, г. Москва, Российская Федерация

Алпатов Владимир Михайлович – член-корреспондент Российской академии наук, доктор филологических наук, профессор, Институт языкознания РАН, Институт востоковедения РАН, г. Москва, Российская Федерация

Беронски Даниэль – Ph. D habil., профессор, Институт Юго-Восточной и Центральной Азии, Карловский университет, г. Прага, Чехия

Борджигийн Баярмэнд – Ph. D habil. (Lang.), профессор, Университет Внутренней Монголии, г. Хух-Хото, Китайская Народная Республика

Брок Себастьян Пол – Ph. D habil., Оксфордский университет, г. Лондон, Великобритания

Веллес А. Весна – Ph. D habil. (Hist.), профессор, Университет Беркли, г. Санта-Барбара, Соединённые Штаты Америки

Доржсурэн Бурнээ – Ph. D habil. (Lang.), профессор, Монгольский государственный университет, г. Улан-Батор, Монголия

Ифамар Теодор – Ph. D habil., профессор, Хайфский университет, г. Хайфа, Израиль

Кольмар-Пауленц Каренина – Ph. D habil. (Hist.), профессор, Институт религиоведения, Бернский университет, г. Берн, Швейцария

Лутджехармс Ремберт – Ph. D (Theol.), Оксфордский центр индуистских исследований, Оксфордский университет, г. Оксфорд, Великобритания

Мацукава Такаси – Ph. D habil. (Hist.), профессор, Университет Отани, г. Киото, Япония

Сампилдондов Чулуун – Ph. D habil. (Hist.), профессор, Институт истории и археологии Академии наук Монголии, г. Улан-Батор, Монголия

Редакционная коллегия

Аликберов Аликбер Калабекович – председатель редакционной коллегии, заместитель главного редактора, кандидат исторических наук, Институт востоковедения РАН, г. Москва, Российская Федерация

Десницкий Андрей Сергеевич – заместитель главного редактора, доктор филологических наук, профессор РАН, Институт востоковедения РАН, г. Москва, Российская Федерация

Аврутина Аполлинария Сергеевна – кандидат филологических наук, доцент, Санкт-Петербургский государственный университет, г. Санкт-Петербург, Российская Федерация

Глушкова Ирина Петровна – доктор исторических наук, Институт востоковедения РАН, г. Москва, Российская Федерация

Ибрагим Тауфик – доктор философских наук, профессор, Институт востоковедения РАН, г. Москва, Российская Федерация

Кашаф Шамиль Равильевич – Институт востоковедения РАН, г. Москва; Казанский федеральный университет, г. Казань, Российская Федерация

Кобзев Артем Игоревич – доктор философских наук, профессор, Институт востоковедения РАН; Московский физико-технический институт; Российский государственный гуманитарный университет, г. Москва, Российская Федерация

Ковалец Анна Сергеевна – кандидат философских наук, кандидат филологических наук, Государственный музей искусства народов Востока, г. Москва, Российская Федерация

Микульский Дмитрий Валентинович – доктор исторических наук, профессор, Институт востоковедения РАН, г. Москва, Российская Федерация

Настич Владимир Нилович – кандидат исторических наук, Институт востоковедения РАН, г. Москва, Российская Федерация

Немчинов Виктор Михайлович – кандидат экономических наук, Институт востоковедения РАН, г. Москва, Российская Федерация

Пригарина Наталья Ильинична – доктор филологических наук, профессор, Институт востоковедения РАН, г. Москва, Российская Федерация

Сериков Николай Игоревич – кандидат исторических наук, Институт востоковедения РАН, г. Москва, Российская Федерация

Ситдиков Айрат Габитович – доктор исторических наук, профессор, Институт археологии имени А. Х. Халикова Академии наук Республики Татарстан; Казанский федеральный университет, г. Казань, Российская Федерация

Сыртыпова Сурун-Ханда Дашинимаевна – доктор исторических наук, Институт востоковедения РАН, г. Москва, Российская Федерация

Танеева-Саломатшаева Лола Зарифовна – доктор филологических наук, Институт востоковедения РАН, г. Москва, Российская Федерация

Хисматулин Алексей Александрович – кандидат исторических наук, Институт восточных рукописей РАН, г. Санкт-Петербург, Российская Федерация

Шихалиев Шамиль Шихалиевич – кандидат исторических наук, Институт истории, археологии и этнографии Дагестанского научного центра РАН, г. Махачкала, Российская Федерация



CONTENTS

From the Editor

- Nemchinov V. M.* Thinking about the future: discussion about the Humanism and Unity between East and West..... 363

HISTORY AND ARCHAEOLOGY

Buddhist Studies

- Grunin I. V.* Trinakirana mudra in Buddhist iconography of Myanmar and Thailand 371
- Vyrschikov Ye. G.* The Term “Tathagata” and the Situation of the Verbal Duel in Ancient India: Who is the Tathagata?..... 394

Oriental Epigraphy

- Nastich V. N.* «Sarybaghysh» Epitaphs from the Chu Valley 402

The 200th Anniversary of the Institute of Oriental Studies

- Chudodeev Yu. V.* The Chinese Studies, their origin and development at the Institute of Oriental studies of the Russian Academy 424

PHILOSOPHY

Philosophy of Religion and Religious Studies

- Ibn-Sina (Avicenna).* Al-Isharat wa-t-tanbihat [on metaphysics]. Part two. (Transl., foreword and comm. by *T. Ibrahim, N. V. Efremova*) 461

LANGUAGE

Text Critical Studies and History of Literature

- Prigarina N. I., Chalisova N. Y., Rusanov M. A.* Hafiz in poetic and philological translation..... 489

SCIENTIFIC LIFE

The 200th Anniversary of the Institute of Oriental Studies

- Goriaeva L. V., Prigarina N. I.* VIII International Conference “Written Monuments of the East. Translation and Interpretation Problems”513
- Mikulskiy D. V.* Two glorious centuries!534

PERSONALIA IN MEMORIAM

- Mossaki N. Z., Ravandi-Fadai L. M.* Dzhemshid Giunashvili: Georgian from Tehran 539

СОДЕРЖАНИЕ

Колонка редактора

- Немчинов В. М.* Угадать контуры грядущего: академические дискуссии о гуманистическом единстве Востока и Запада..... 363

ИСТОРИЧЕСКИЕ НАУКИ И АРХЕОЛОГИЯ

Буддология

- Грунин И. В.* Тринакирана мудра в буддийской иконографии Мьянмы и Таиланда..... 371
- Вырщиков Е. Г.* Термин «татхагата» и ситуация словесного поединка в Древней Индии (на палийском и санскритском материале)..... 394

Эпиграфика Востока

- Настич В. Н.* «Сарыбагышские» эпитафии из Чуйской долины... 402

К 200-летию Института востоковедения РАН

- Чудодеев Ю. В.* Становление и развитие китаеведения в Институте востоковедения РАН..... 424

ФИЛОСОФСКИЕ НАУКИ

Философия религии и религиоведение

- Ибн-Сина (Авиценна).* Указания и напоминания [Раздел по метафизике]. Часть вторая. (Перевод с арабского, предисловие и комментарии *Т. Ибрагима и Н. В. Ефремовой*) ... 461

ФИЛОЛОГИЧЕСКИЕ НАУКИ

Литературоведение и текстология

- Пригарина Н. И., Чалисова Н. Ю., Русанов М. А.* Хафиз в поэтическом и филологическом переводе..... 489

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

- Горяева Л. В., Пригарина Н. И.* VIII Международная конференция «Письменные памятники Востока. Проблемы перевода и интерпретации» 513
- Микульский Д. В.* Два века славы!..... 534

PERSONALIA IN MEMORIAM

- Мосаки Н. З., Раванди-Фадаи Л. М.* Джемшид Гиунашвили: грузин из Тегерана 539

From the Editor

Колонка редактора

DOI 10.31696/2618-7043-2018-1-3-4-363-368
УДК 93/94

Редакционная статья
Editorial

Угадать контуры грядущего: академические дискуссии о гуманистическом единстве Востока и Запада

В. М. Немчинов

*Институт востоковедения РАН, г. Москва, Российская Федерация,
ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-3505-838X>, e-mail: viators@mail.ru*

Thinking about the Future: discussion about the Humanism and Unity between East and West

V. M. Nemchinov

*Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russian Federation,
ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-3505-838X>, e-mail: viators@mail.ru*

Завершившийся в ноябре 2018 года 200-летний юбилей Института востоковедения Российской академии наук, ударно отмеченный международным Конгрессом и целой серией востоковедческих конференций, круглых столов, тематических собраний, а также специальной выставкой в Государственном музее Востока, наглядно показал широкий диапазон охвата разрабатываемой институтом-юбиляром востоковедной тематики и его уникальный уровень высокопрофессиональных гуманитарных исследований. Это дает серьезный повод для осмысления этапов пройденного пути и некоторых встающих перед отечественными специалистами научных задач, требующих особого внимания.

Первое, что обращает на себя внимание участников юбилейных мероприятий¹, это то, что публичное влияние Института востоковедения выходит далеко за пределы России. Сегодня он является значимым

¹ Юбилейные мероприятия, прошедшие с 27 октября по 7 ноября 2018 г. в Москве, собрали более 700 участников из 40 стран мира. В *Центре международной торговли* состоялся Международный конгресс 200-летия Института востоковедения Российской академии наук, в рамках которого прошли заседания пяти научных сессий; на восьми других дискуссионных площадках столицы были организованы в общей сложности еще 16 научных конференций. С приветственным словом к участникам Конгресса обратился Президент Российской Федерации В. В. Путин. Режим доступа: <http://ivran.ru/meropriyatiya-200-letiya-iv-ran?artid=11549>



субъектом гуманитарной науки и академическим центром притяжения для большого числа исследователей, общественных деятелей и политиков из стран ближнего и дальнего зарубежья. Сохранение этого реально существующего интеллектуального авторитета, наряду с текущей новаторской научной работой, должно оставаться одним из важнейших приоритетов Института. Именно в непрерывном поступательном развитии научной мысли, в укреплении герменевтической традиции углубленного, тонкого понимания древнего и современного Востока, в сопоставлении и сближении Востока с Западом и на этой основе в осмыслении места России в быстро меняющемся мире коренится, на наш взгляд, гуманитарная и интеллектуальная мощь отечественного востоковедного потенциала.

Для закрепления достигнутого научного уровня необходимо качественно увеличить масштаб представленности и доступности результатов научной деятельности Института в электронном информационном пространстве, в том числе на иностранных языках, включая языки народов Востока. Это пожелание вполне согласуется и с поставленной перед институтами Российской академии наук правительством РФ актуальной задачей обеспечить доступность корпуса научно-исследовательских работ сотрудников учреждений РАН зарубежному научному сообществу, активно используя для этого публикации на иностранных языках.

Выдающиеся ученые-востоковеды Института в силу самой специфики необыкновенно широкого спектра востоковедческих знаний, рождающих нетривиальные сопоставления и точные герменевтические ассоциации, всегда поддерживали междисциплинарные и, казалось бы, непрофильные профессиональные диалоги. Между тем именно они формируют механизмы нестереотипного понимания, позволяют плодотворно сопоставлять свой образ мира с картиной мира изучаемой восточной культуры. А. М. Пятигорский считал, что важен сам по себе разговор, ибо любая краткая беседа специалистов является базовым квантом зарождения новой мысли, толчком к развитию и уточнению разрабатываемых идей. Л. И. Рейснер и многие другие сотрудники Института славились своей открытостью и умением «включать» диалоговое мышление. Готовностью поделиться с коллегами были знамениты В. А. Яшкин и Г. К. Широков. Сборник, подготовленный А. М. Петровым к юбилею последнего, так и назывался: «Я хотел бы с тобой поговорить». С давней плодотворной отечественной традицией доброжелательного общения связана практика еженедельного проведения открытых профессиональных журфиксов, которой отличались наши крупные ученые, оставлявшие после себя важные открытия, интересные монографии и целые научные школы. Но сегодня очень многие недооценивают и даже не понимают системоформирующую важность диалога. Под ним обычно подразумеваются параллельные



монологи, сдобренные паузами политкорректности. Участие во всех 16 Мировых общественных форумах «Диалог цивилизаций» сделало для меня очевидной необходимость культивирования искусства бескорыстного диалога, поддерживающего и развивающего мысль собеседника. Для этого была разработана специальная разговорная программа «Диаверситет», которая уже шесть лет проводится по методически выверенному ритуалу общения в нескольких университетах, отказывающихся от агрессивной формы бойцовских конкурентных «баттлов», выстроенных на евроатлантической философии игр с нулевой суммой и безоглядной борьбы за лидерство.

Вернемся к напряженной повестке научных сессий, проходивших на самых разных столичных площадках. На юбилейном конгрессе в течение двух дней работы на пяти специальных сессиях было заслушано более 20 выступлений ключевых докладчиков, приняты поздравления многочисленных почетных гостей из разных стран и мировых научных центров, спонсоров². Был затронут весь комплекс исторических тем, относящихся к основным этапам жизни стран Востока, определены точки схождения и расхождения позиций колониальных и национальных востоковедческих школ, показана сопричастность судеб России и стран Востока как в непосредственно ближнем евразийском социокультурном пространстве, так и других, связанных революционно-освободительной практикой, регионах мира. На нынешнем этапе развития внимание докладчиков было обращено к проблеме грядущего гуманистического единства Востока и Запада, всей планетарной цивилизации. Здесь наибольший интерес вызвали вопросы социального расхождения между отдельными, впадающими в архаику странами с несостоявшимся государством и странами, чья резко усилившаяся экономическая мощь предполагает неизбежное возрастание роли Востока в глобальной политике и мировой экономике.

Для отечественного востоковедения естественным было традиционное обращение к проблемам регионального и двухстороннего сотрудничества. Конференция «Россия и Индия в региональном и глобальном контексте» обсуждала весь комплекс актуальных для дружественных стран вопросов, начиная с проблемы сохранения нашего привилегированного партнерства, включая оценку общих позиций в урегулировании внутрирегиональных конфликтов с ближайшими соседями, и кончая задачами укрепления взаимодействия России и Индии с международными организациями в многостороннем формате, включая РИК, ШОС и БРИКС.

² Спонсорскую помощь мероприятиям Института оказали Благотворительный фонд А. Б. Усманова «Искусство, наука и спорт», доктор Амаль Абу Зейд, Республика Татарстан, АО АКБ «Международный финансовый клуб», ПАО «Юнипро».



Такой многосторонний ракурс рассмотрения региональных вопросов был воспринят и на международной конференции «Геополитика, ядерные проблемы и Ближний Восток», организованной ИВ РАН в сотрудничестве с Международным институтом стратегических исследований. Проблема «расползания» расщепляемых ядерных материалов остается одной из самых трудно решаемых глобальных проблем. Ввиду сложностей в сохранении СВПД (Совместного всеобъемлющего плана действий), по решению организаторов конференция прошла в неофициальном, закрытом режиме.

О том, в каких конкретных формах изменяются национальные традиции исповедания веры и с какими острыми противоречиями сегодня сталкиваются вероучительные практики интерпретации и инструментализации современного ислама, говорилось на конференции «Ислам в современном мире: вероучение и община». Близкой по охвату ключевого региона, но более фундаментальной по диахронической тематике, по охвату фольклорного материала и по лингвистике семитской языковой семьи стала международная конференция «Языки и фольклор народов юга Аравии: основные направления отечественных и зарубежных исследований на современном этапе». На этой конференции встретились и плодотворно общались представители трех основных мировых школ изучения современных южноаравийских языков – британской, российской и французской, и особенно стоит отметить важное для всех участие квалифицированного носителя обоих региональных языков (мехри и джиббали). Объединила участников всех этих встреч сводная XIII конференция арабистов ИВ РАН.

Переходя к другому региону, отметим четыре важные конференции, посвященные исследованию традиционных дисциплин и современного Востока. Первая – «Тибетология и буддология на стыке науки и религии» – разбирала мировоззренческие, философские и религиозные аспекты этого динамично развивающегося цивилизационного пространства. Вторая – «Современное состояние конфликта в Южно-Китайском море» – сосредоточила свое внимание на растущем тихоокеанском геостратегическом противостоянии непосредственных участников давних территориальных споров, в которых немалую роль играет вмешательство третьей стороны под предлогом защиты прав мореплавания в проливах. Третья конференция – «Монгольская цивилизация в фокусе российского востоковедения» – как бы объединила страны участницы – трансконтинентального евразийского пространства, поставив в центре внимания роль Монголии в исторических и грядущих взаимоотношениях современных России, Монголии и Китая. Завершала работу всех этих региональных научных сессий мощная обобщающая конференция «Прошлое и настоящее российской синологии».



Комплексный анализ макрорегиональных и межстрановых отношений был бы, пожалуй, неполным без присущего отечественному востоковедению внимания к немасштабным, но крайне интересным местным явлениям. Особенно это актуально, когда речь идет о территории Российской Федерации. Такому историко-социальному исследовательскому подходу была посвящена узкоспециальная конференция «Кавказская Албания в историко-культурном пространстве Евразии». Тем не менее ее тематика затронула три ключевые проблемы, непреходящее значение которых выходит далеко за пределы мест и времен изучаемых явлений. К ним относятся: политогенез раннегосударственных образований на территории России, история начального распространения автокефального восточного христианства и роль эллинистической эпохи в развитии взаимодействия кавказских племен и этносов на стыке влияния Парфии, Рима, Ирана, Палестины и Византии.

Семидесятилетие образования независимого израильского государства была посвящена конференция «Израиль: проблемы и перспективы развития». С ней соседствовала конференция «Мир и государство – строительство будущего на Ближнем Востоке», которую ИВ РАН провел в партнерстве с Центром проблем безопасности и развития МГУ им. М. В. Ломоносова. Несмотря на интереснейшие и напряженные дебаты, разрешить проблемы, поставленные в повестку дня, не удалось во многом из-за привычного международного терминологического аппарата, уже утратившего к настоящему моменту свою когнитивную значимость. Говорить применительно к странам, пораженным внутренними и внешними вооруженными конфликтами, о государственном строительстве, об общенациональной безопасности и к тому же думать о привлечении на эти цели частных инвестиций и средств международных организаций представляется голословным дезориентирующим игнорированием фактической ситуации. Сегодня разрушены по живому суверенные государства Ближнего Востока и Северной Африки, где попытки навязывания псевдоуниверсальной модели западной демократии извне провалились. В итоге, эти страны оказались жертвами национального крушения. На выжженном поле привычные политические термины-клише уже не работают. Территории, впадающие в архаику, раздробленные на мельчайшие клановые фракции, не способные к внутреннему объединению и примирению, трудно считать государствами, хотя они продолжают оставаться на политических картах мира. Конференция показала, что здесь нужно заново искать адекватные термины и вырабатывать совершенно иной научный язык, необходимый для понимания глубины и масштабов случившегося.

В современных благополучных странах Востока одна из составных частей, необходимых государственному управлению развитием, относится к теме «Развитие экономики инноваций в странах Ближнего



Востока». Так называлась конференция, посвященная путям решения острых проблем перенаселения, нехватки пресной воды, продовольствия, истощения запасов добываемых природных ресурсов и растущему экологическому неблагополучию в регионе. Состоявшиеся обсуждения в основном были посвящены технологическим, инфраструктурным и инвестиционно-финансовым аспектам догоняющего и прыжкового развития.

Завершился всеохватный осенний блиц-марафон академических востоковедных дискуссий ставшей традиционной комплексной конференцией «Классическое востоковедение: источниковедение, архивистика, археология», в трех составных частях которой приняли участие исследователи, специалисты и ученые из востоковедных учреждений 15 стран мира. Наш журнал с нетерпением ожидает большой приток статей, откликов и материалов, которые позволят закрепить результаты достигнутого международного научного обмена и продвинуть вперед перспективные исследования по всему фронту изучения стран Востока.

Для цитирования: Немчинов В. М. Угадать контуры грядущего: академические дискуссии о гуманистическом единстве Востока и Запада. *Ориенталистика*. 2018;1(3-4):363–368. DOI: 10.31696/2618-7043-2018-1-3-4-363-368.

For citation: Nemchinov V. M. Thinking about the Future: discussion about the Humanism and Unity between East and West. *Orientalistica*. 2018;1(3-4):363–368. (In Russ.) DOI: 10.31696/2618-7043-2018-1-3-4-363-368.

Информация об авторе

Немчинов Виктор Михайлович, кандидат экономических наук, старший научный сотрудник Института востоковедения РАН, директор Музея исторического сознания, основатель и руководитель международной образовательной-поисковой платформы «Диаверситет», член редколлегии журнала «Orientalistica», г. Москва, Российская Федерация.

About the author

Victor M. Nemchinov, Ph. D (Econ.), Senior Research Fellow, Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences, Director of the Museum of Historical Consciousness, Founder and head of international life-long educational study platform “Diaversity”, member of “Orientalistica” Editorial Board, Moscow, Russian Federation.

HISTORY AND ARCHAEOLOGY

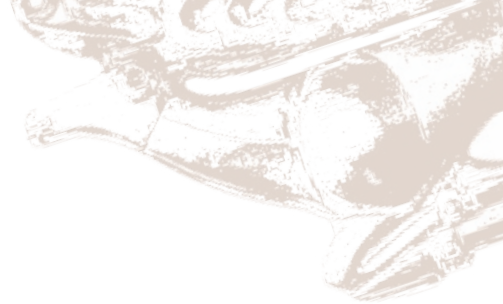


- **Buddhist Studies**
- **Oriental Epigraphy**
- **The 200th Anniversary
of the Institute of Oriental Studies**

ИСТОРИЧЕСКИЕ НАУКИ И АРХЕОЛОГИЯ



- **Буддология**
- **Эпиграфика Востока**
- **К 200-летию Института востоковедения РАН**



Тринакирана мудра в буддийской иконографии Мьянмы и Таиланда

И. В. Грунин

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-9289-4309>, e-mail: ig.grunin@gmail.com

Резюме: принято считать, что в иконографии Тхеравады воплощены реальные или легендарные события жизни Будды Гаутамы (Готамы). На примере эпизода встречи Бодхисаттвы (Бодхисатты) с Соттхией в статье проводится анализ устойчивости иконографического кода, отражающего жизнь основателя буддийского учения. Развитие воплощения эпизода в буддийской иконографии прослеживается начиная с искусства Гандхары через образцы государства монов Дваравати, бирманского Пагана, настенные росписи храмов Бирмы и Сиам XVII–XVIII вв. вплоть до современной иконографии Мьянмы и Таиланда.

Ключевые слова: иконография Тхеравады; подношение травы; Соттхия; тринакирана мудра

Для цитирования: Грунин И. В. Тринакирана мудра в буддийской иконографии Мьянмы и Таиланда. *Ориенталистика*. 2018;1(3-4):371–393. DOI: 10.31696/2618-7043-2018-1-3-4-371-393.

Trinakirana mudra in Buddhist iconography of Myanmar and Thailand

Igor V. Grunin

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-9289-4309>, e-mail: ig.grunin@gmail.com

Abstract: it is considered to be that the iconography of Theravada embodies the real or legendary events of the life of the Buddha Gautama (Gotama). Using the episode of the Bodhisattva (Bodhisatta) meeting with Sotthiya as an example, the article analyzes the stability of the iconographic code that reflects the life of the founder of Buddhism. The development of the episode in Buddhist iconography is traced from the art of Gandhara through the samples of Dvaravati Mons, Burmese Pagan, temple wall paintings of Burma and Siam 17–18th centuries up to the modern iconography of Myanmar and Thailand.

Keywords: Offering of Grass; Sotthiya; Theravada iconography; trinakirana mudra

For citation: Grunin I. V. Trinakirana mudra in Buddhist iconography of Myanmar and Thailand. *Orientalistica*. 2018;1(3-4):371–393. (In Russ.) DOI: 10.31696/2618-7043-2018-1-3-4-371-393.



Статуи и изображения Будды, которые мы находим как объекты почитания в храмах, дворцах и частных домах везде, где исповедуется буддизм, демонстрируют эпизоды реальной или легендарной жизни основателя, описанные в священных книгах. Считается актом, увеличивающим заслуги, вспоминать, глядя на статуи и картины, черты Будды, и они рассматриваются «как образы и отпечатки его личности, созданные с целью сохранения у последователей памяти о нем и, следовательно, порождающие чувства радости и восторга в их сердцах при мысли о бесконечном познании его». Отсюда следует, что эти статуи не рассматриваются как объекты поклонения в том смысле, что обращенная к ним мольба или просьба будет исполнена.

О. Франкфуртер

Введение

Вынесенные в эпиграф слова принадлежат профессору Оскару Франкфуртеру [1, р. 1], специалисту в области палийского языка и литературы, главному хранителю Национальной библиотеки в Бангкоке, одному из основателей Сиамского общества. Его статья, написанная в начале XX в., была, вероятно, первой попыткой открыть для европейской науки иконографическую символику, содержащуюся в изображениях Будды в Сиаме и странах южного буддизма в целом. Пристальное внимание к жизненному пути Будды характерно для Тхеравады, где личность Учителя остается центральной фигурой иконографической системы, в отличие от других ветвей буддизма, где она фактически оттесняется на второй план и находится в тени обширного пантеона. Закономерно поэтому, что именно в рамках Тхеравады сформировалось максимальное разнообразие иконографических моделей изображения собственно Будды. Однако в силу исторических и культурологических причин символика этой системы изучена явно недостаточно в западной и особенно в русскоязычной литературе.

Канонической основой для иконографии Будды в рамках палийской традиции служат, прежде всего, тексты «Буддхавамса» («Buddhavamsa», хроника 24/27 Будд, предшествовавших Готаме¹) и «Нидданакатха» («Niddanakatha», предисловие к джатакам). Наибольшее внимание в священных текстах и комментариях уделяется периоду жизни, соседствующему с моментом Пробуждения (Просветления). Мы намеренно выбрали предметом исследования эпизод, иконографическое воплощение которого практически не изучено, что помимо прочего позволяет избавиться от груза сложившихся стереотипов и шаблонов, зачастую сопровождающих описание этого периода жизни Учителя. Целью данной работы является выяснение на примере данного эпизода того, можно ли говорить о более или менее устойчивом и едином для традиции Тхеравады иконографическом коде, отражающем жизнь Будды.

¹ Здесь и далее используется транскрипция имен и терминов, соответствующая палийской традиции: Готама (санскр. Гаутама), Бодхисатта (санскр. Бодхисаттва), Соттхия (санскр. Свастика) и т. п.



Иконографическая символика встречи Бодхисатты Готамы с Соттхией: от Гандхары до Бирмы и Сиам

В соответствии с палийскими текстами, Бодхисатта, направляясь к дереву Бодхи, встречает на своем пути коща Соттхию (пали *Sotthiya*), который, узнав Великого Человека, жертвует ему восемь связок травы для обустройства сидения под деревом Пробуждения. Согласно «Буддхавамсе», каждый из Будд прошлых исторических периодов также встречает на своем пути человека или божество, жертвующих ему восемь связок травы, что не позволяет рассматривать это событие просто как малозначительный эпизод. Культ священных трав, уходящий своими корнями в ведические времена, был широко распространен в древнеиндийских религиях. Не случайно Соттхия, как правило, определяется в литературе как брахман (брамин) или даже «еретик» (т. е. человек, придерживающийся ложных взглядов), жертвующий Будде связки священной травы Куша, которая используется как в ведических церемониях, так и в качестве материала для трона индуистских божеств. Несмотря на то что такая версия не имеет прямых канонических подтверждений, она выглядит вполне правдоподобной. Будда предстает в ней как духовный наследник развития индийской мысли, а момент передачи священной травы выступает символом этого духовного наследия.



Рис. 1. Подношение травы Куша Соттхией. Рельеф на вотивной ступе из Сикри, Пакистан. II в. Центральный археологический музей, Лахор, Пакистан. Фото Дж. Хантингтона. Архив фотографий буддийского и азиатского искусства

Fig. 1. Offering of Kusa Grass by *Sotthiya*. Relief of votive stupa. Sikri, Pakistan. 2nd century CE. Central Archaeological Museum, Lahore, Pakistan. Photo by John C. Huntington, Courtesy of the Huntington Photographic Archive of Buddhist and Asian Art

Исследование отражения в иконографии Тхеравады эпизода встречи Бодхисатты с Соттхией невозможно без обращения к индийским первоисточникам. Эпизод этот был хорошо известен скульпторам Гандхары, создавшим, пожалуй, наиболее полное жизнеописание Будды, воплощенное в камне. В рельефе на вотивной ступе из Сикри (*Sikri*), находящейся в археологическом музее Лахора (Пакистан), эта сцена решена в необыкновенно реалистичной манере. Сиддхартха, избраженный в монашеском одеянии, протягивает правую руку с открытой ладонью, обращенной к Соттхии, который держит вязанки травы (рис. 1).

Хотя скульптор использует традиционные иконографические приемы (увеличение размера



главного персонажа сцены, поза *трибханга*, ореол вокруг головы), в целом фигура Будды лишена нарочитой символичности. Он выглядит как человек, естественным образом протягивающий руку, чтобы взять предлагаемый ему в дар предмет. То же самое можно сказать и о рельефе из Пешаварского музея, где будущий Будда изображен сжимающим в правой руке связку травы, почтительно переданную ему Соттхией (рис. 2).

Завершение сюжета представлено на рельефе, хранящемся в Индийском музее в Калькутте, где Бодхисатта показан кладущим связки травы на трон под деревом Бодхи (рис. 3).

И вновь мы можем констатировать естественность позы и жеста Будды. Следует отметить, что в искусстве Гандхары трон под деревом Бодхи понимается буквально покрытым подушкой из травы для удобства сидения и изображается соответствующим образом (рис. 4) [2, pp. 30–31; 3, pp. 105–107, 110, 115, 126–128, 130–131, 227–228].

За пределами Гандхары, а также в более поздних буддийских иконографических школах Индии, этот эпизод не встречается. Воплощаемые в скульптурных композициях сцены из жизни Будды теряют свое многообразие и в основном концентрируются на восьми великих событиях с некоторыми вариациями [4, pp. 148–150].

Проникновение буддизма из Индии на территорию современного Индокитая привело к формированию там собственных систем иконографии и художественных школ. В их развитии можно условно выделить два пика многообразия иконографических форм и средств художествен-



Рис. 2. Сиддхартха принимает подношение травы Куша от Соттхии. Хайбер-Пахтунхва, Пакистан. I–III вв. Пешаварский музей, Пешавар, Пакистан. Фото Дж. Хантингтона

Fig. 2. Siddhartha accepts the offering of Kusa grass from Sotthiya. Khyber Pakhtunkhwa, Pakistan. 1st–3rd centuries CE. Peshawar Museum, Peshawar, Pakistan. Photo by John C. Huntington



Рис. 3. Сиддхартха устилает травой трон под деревом Бодхи. Фрагмент рельефа. Лориан Тангай, Пакистан. II в. Индийский музей, Калькутта (Колката). Фото автора

Fig. 3. Siddhartha covers with a grass the throne under the Bodhi tree. Relief (fragment). Loriyan Tangai, Pakistan. 2nd century CE. Indian museum, Kolkata. Foto by the author



Рис. 4. Приближение Сиддхартхи к дереву Бодхи. Рельеф. Джемаль Гархи, Пакистан. II в. Индийский музей, Калькутта (Колката). Фото автора

Fig. 4. Siddhartha's approach to the Bodhi tree. Relief. Jamal Garhi, Pakistan. 2nd century CE. Indian museum, Kolkata. Foto by the author

ного выражения идей новой религии. Первый связан с периодом первичной ассимиляции буддизма и во многом основан на заимствовании индийских образцов, второй является результатом формирования специфических национальных форм, очищенных от иностранного влияния.

Самые ранние свидетельства существования буддийской цивилизации на территории современных Мьянмы и Таиланда связаны с государствами пью и монов. К сожалению, среди дошедших до нас сравнительно немногочисленных иконографических образцов пью и бирманских монов отсутствуют памятники, относящиеся к исследуемой теме. Однако известны примеры воплощения эпизода встречи Сиддхартхи с Соттхией в искусстве Дваравати, крупнейшего государства монов Сиама. Рельеф на камне *сима*², датируемый IX–XI вв. (рис. 5), композиционно перекликается с индийскими аналогами. Фигура Соттхией, заметно меньшая по размеру по сравнению с Бодхисаттой, расположена слева. Брахман держит в руках пучок травы, почтительно предлагая ее будущему Будде. Однако жесты Бодхисатты здесь подчеркнута символичны и существенно отличаются от рассмотренных выше примеров. Правая рука показана в *vitarka mudra*, а левая, согнутая в локте, поддерживает на уровне груди край монашеского облачения (*чиварахаста*, *civarahasta*). Такая комбинация жестов, характерная для индийских образцов стиля Амаравати и ланкийских статуй Анурадхапуры и Поллонарувы, получила широкое распространение в Дваравати.

² *Bai sima* – знак, обозначающий границы сакральной территории храма. Подробнее см.: [5; 6].



Показательно, что эта же комбинация жестов в точности воспроизводится на рельефах камней *сима*, иллюстрирующих другие эпизоды жизненного пути Будды. Так, сцена, посвященная обращению Рахулы с просьбой о наследстве (рис. 6), по композиции представляет собой зеркальную копию сцены встречи с Соттхией, причем изображения Будды совпадают даже в деталях. То же можно сказать и про сцену обращения



Рис. 5. Брахман Соттхия преподносит связки травы. Пограничный камень Сима со сценой из жизни Готамы. Mueang Fa Daet Songyang, Таиланд. IX–XI вв. Национальный музей, Бангкок, Таиланд. Фото автора

Fig. 5. Brahman Sotthiya presenting bundles of grass. Sima boundary stone with a scene from Gotama's life. Mueang Fa Daet Songyang, Thailand. 9th–11th centuries. National Museum, Bangkok, Thailand. Foto by the author

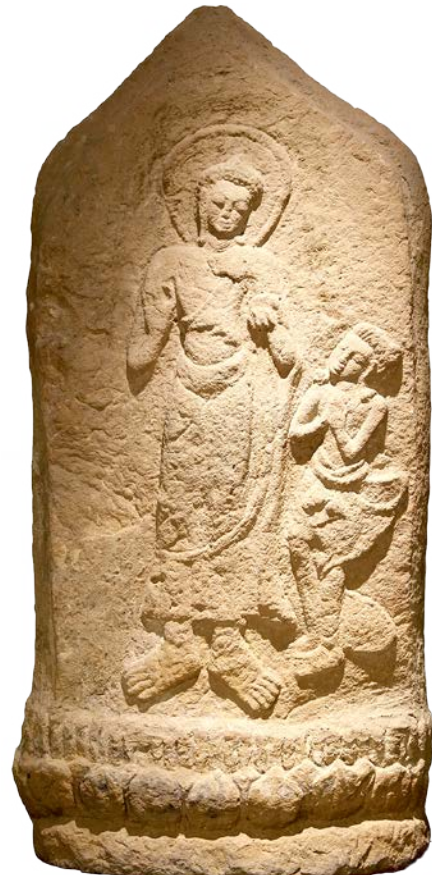


Рис. 6. Рахула обращается к Будде с просьбой о наследстве. Пограничный камень Сима. Mueang Fa Daet Songyang, Таиланд. IX–XI вв. Национальный музей, Ххонкэн, Таиланд. Фото автора

Fig. 6. Rahula ask the Buddha for his inheritance. Sima boundary stone. Mueang Fa Daet Songyang, Thailand. 9th–11th centuries. National Museum, Khon Kaen, Thailand. Foto by the author



Рис. 7. Обращение Ангулималы. Пограничный камень Сима. Район Кучинарай провинции Каласин, Таиланд. IX–X вв. Национальный музей, Ххонкэн, Таиланд. Фото автора

Fig. 7. Conversion of Angulimāla. Sima boundary stone. Kuchinarai district, Kalashin province, Thailand. 9th–10th centuries. National Museum, Khon Kaen, Thailand. Foto by the author

разбойника Ангулиманы (рис. 7), в которой Будда показан с идентичной комбинацией жестов. Таким образом, в данном случае мудра не является неким маркером, позволяющим понять смысл изображаемого, а ассоциируется с фигурой собственно Будды, характеризуя его как Учителя, тогда как идентификация сцены осуществляется при помощи фигур других персонажей.

С подобным подходом мы сталкиваемся в рельефах Боробудура, где поза и жесты Бодхисаттвы в сцене встречи с Соттхией (рис. 8) идентичны любой другой сцене, где будущий Будда принимает подношение (рис. 9).

В бирманском Пагане эпизоду со связками травы уделено беспрецедентное внимание. Ему посвящено пять из восьмидесяти горельефов внешнего коридора храма Ананда, иллюстрирующих жизнь Будды Готамы и датируемых концом XI в.³ Первый рельеф изображает встречу с Соттхией, фигура которого гипертрофированно уменьшена (рис. 10).



Рис. 8. Сиддхартха принимает в дар траву от Соттхии. Фрагмент рельефа. VIII–IX вв. Боробудур, Ява, Индонезия. Фото автора

Fig. 8. Siddhartha accepts the gift of grass from Sotthiya. Fragment of relief. 8th–9th centuries. Borobudur, Java, Indonesia. Photo by the author



Рис. 9. Подношение Сиддхартхе. Фрагмент рельефа. VIII–IX вв. Боробудур, Ява, Индонезия. Фото автора

Fig. 9. Offering to Siddhartha. Fragment of relief. 8th–9th centuries. Borobudur, Java, Indonesia. Photo by the author

³ О серии из 80 рельефов храма Ананда см.: [4, p. 167; 7, pp. 108–114; 8, pp. 275–276; 9].



Сам Будда показан с жестом, определяемым в современной бирманской иконографии как *дана мудра* (*dana mudra*) и часто ошибочно ассоциируемым только с актом дарования, а не принятия дара. Последующие четыре рельефа серии педантично иллюстрируют комментарии к «Будхавамсе», где в подробностях описывается, как после встречи с Соттхией будущий Будда, неся в руках полученные от брамина восемь связок травы, приближается к дереву Бодхи в поисках места для Трона Просветления. Встав к югу от дерева лицом на север (рис. 11), Бодхисатта видит, как противоположная часть Вселенной поднимается вверх, стремясь достигнуть высшей точки мироздания (*Bhavagga*), тогда как южная часть, потеряв равновесие, опускается, достигая низших уровней ада (*Maha Avici*).

Комментатор поясняет сказанное при помощи аналогии с положенным набором на центральную ступицу колесом телеги, один край которого поднимается вверх, если надавить на противоположный край обода. Такую же картину будущий Будда наблюдает, обходя дерево по часовой стрелке и останавливаясь с западной и северной сторон (рис. 12 и 13).



Рис. 10. Рельеф 293. Соттхия преподносит связки травы Готаме. Конец XI в. Храм Ананда, Баган, Мьянма. Фото автора

Fig. 10. Relief 293. Sotthiya presenting bundles of grass to Gotama. Late 11th century. Ananda temple, Bagan, Myanmar. Foto by the author



Рис. 11. Рельеф 294. Конец XI в. Храм Ананда, Баган, Мьянма. Фото автора

Fig. 11. Relief 294. Late 11th century. Ananda temple, Bagan, Myanmar. Foto by the author



Рис. 12. Рельеф 295. Конец XI в. Храм Ананда, Баган, Мьянма. Фото автора

Fig. 12. Relief 295. Late 11th century. Ananda temple, Bagan, Myanmar. Foto by the author



Рис. 13. Рельеф 296. Конец XI в. Храм Ананда, Баган, Мьянма. Фото автора

Fig. 13. Relief 296. Late 11th century. Ananda temple, Bagan, Myanmar. Foto by the author

И только встав к востоку от дерева Бодхи, Бодхисатта находит точку равновесия Вселенной, единственное место, где может находиться «непоколебимый трон» (пали *Aparajita Pallanka*) и где все Будды достигали просветления (рис. 14).

Именно там он бросает на землю восемь связок травы, и они превращаются «в большой драгоценный трон размером в четырнадцать локтей (*cubit*), который был настолько великолепен, что ни один художник или скульптор не мог бы нарисовать или изваять его подобие» [10, p. 303; 11, pp. 95–96]. Таким образом, связки травы здесь уже не просто несут утилитарную функцию обустройства комфортного сиденья, а становятся важным символом самого момента Просветления. Они мистическим образом превращаются в трон Бодхи, который сам по себе являлся объектом поклонения в раннем буддизме⁴.

⁴ Согласно комментариям к «Будхавамсе», различие в высоте Трона Пробуждения (*Pallanka vematta*) является одним из восьми важнейших признаков, отличающих Будд прошедших исторических периодов. Если у Готамы высота трона составляла скромные 14 кубит, то у его предшественников трон мог достигать 60 кубит в высоту. См.: [10, p. 210].



На четырех рельефах, иллюстрирующих поиск Ботхисаттой нужного места под деревом Бодхи, паганским скульптором используются два вида жестов – пучок травы (1) обхватывается двумя руками, находящимися на уровне груди или живота (рис. 11 и 12), и (2) располагается в правой руке, опущенной вдоль корпуса (рис. 13 и 14). Создание этих образов явилось несомненным новаторством. Говоря о паганском скульпторе, создававшем серию иллюстраций жизни Будды, Г. Люс замечает: «У него не было ни книг, ни галерей произведений искусства, на которые можно было бы опереться. Он знал старые буддистские символы, мудры, асаны, Восемь сцен. Там, где он мог вписаться в эту схему, он делал это с мастерством, легкостью и уверенностью. Но ни его глаз, ни его рука не имели должного опыта... У него не было прецедентов, которым можно было бы следовать, и не было понятных текстов для руководства» [4, р. 182]. Именно отсутствие примеров для подражания позволило в данном конкретном случае создать новые иконографические образцы, пожалуй, впервые пытающиеся связать данное событие с определенным символическим кодом⁵. Парадоксально, но столь подробное изображение эпизода встречи с Соттхией средствами скульптуры сочетается в Пагане с полным игнорированием этой сцены в настенной живописи, фокусирующейся, прежде всего, на восьми великих событиях в жизни Будды [12].

Длительный период междоусобиц, последовавший после падения Пагана, не оставил иконографических образцов, относящихся к теме нашего исследования. Своеобразный ренессанс буддийского искусства, наступивший к XVII–XVIII вв. во время правления династии Ньяун Ян (Nyaung Yan) (поздняя Ава) и становления династии Конбаун (Konbaung), породил иконографические формы, облаченные в национальную оболочку



Рис. 14. Рельеф 297. Конец XI в. Храм Ананда, Баган, Мьянма. Фото автора
Fig. 14. Relief 297. Late 11th century. Ananda temple, Bagan, Myanmar. Foto by the author

⁵ Во многих других случаях используется шаблонное воспроизведение известных по индийским образцам мудр с идентификацией сцены при помощи других персонажей или символов, часто размещенных в пределе.



ку, свободную от прямых иностранных заимствований. Множество настенных росписей, выполненных в этом самобытном стиле, сохранилось в храмах центральной Мьянмы, расположенных в окрестностях города Монъяо (Монywa). Ярким примером такого рода является пещерный комплекс По Вин Таун (Po Win Taung). Датированные второй половиной XVIII в. [13, pp. 14–17; 14, pp. 27–29] росписи пещерного храма Пэйя Козу (Peya Kozu) (пещера №100/478) наследуют характерную для Багана традицию изображения жизненного пути 28 Будд прошлого. Однако в отличие от Багана, где росписи содержат лишь основные события, живописная летопись По Вин Таун чрезвычайно подробна и включает развернутое описание эпизода встречи Бодхисатты Готама с Соттхией (рис. 15).

Рисунок 15 детально описывает события начиная от процесса заготовки связок травы, встречи, подношения и заканчивая превращением травы в прекрасный Трон Победы. Поза и жесты будущего Будды удивительным образом напоминают образцы из Гандхары. Однако маловероятно, что бирманский ремесленник был знаком с ними. Причина сходства, вероятно, заключается в том, что в обоих случаях художник не вкладывает какого-либо символизма в положение рук, а изображает Готаму как человека, естественным образом держащего некий предмет, в данном случае связки травы. Гораздо в большей степени художника волнует точность соответствия рисунка каноническим подробностям, в частности, то обстоятельство, что связок травы должно быть именно восемь и они должны превратиться в трон необыкновенной красоты под деревом Бодхи. Это же можно сказать и о росписи в пещере № 97/472, где сцена

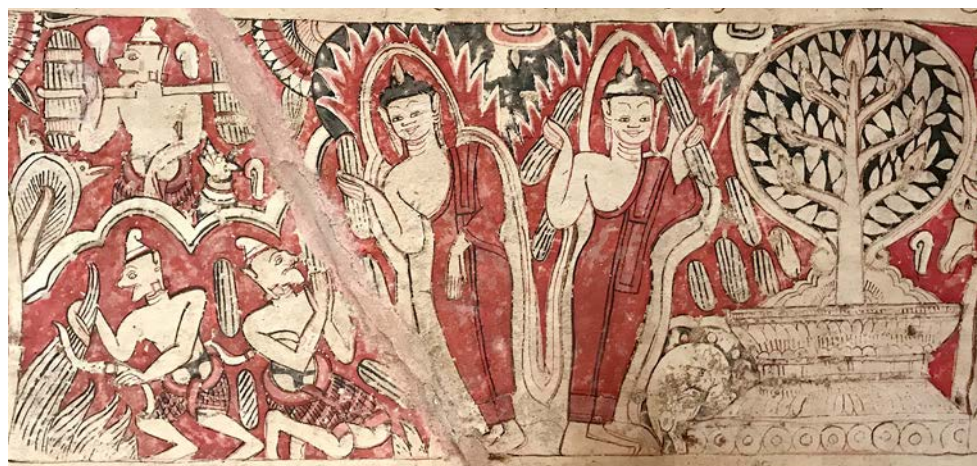


Рис. 15. Настенная роспись. Вторая половина XVIII в. Пещерный храм Пэйя Козу (пещера №100/478), По Вин Таун, Монъяо, Мьянма. Фото автора

Fig. 15. Mural painting. Late 18th century. Cave temple Peya Kozu (cave № 100/478), Po Win Taung, Monywa, Myanmar. Foto by the author

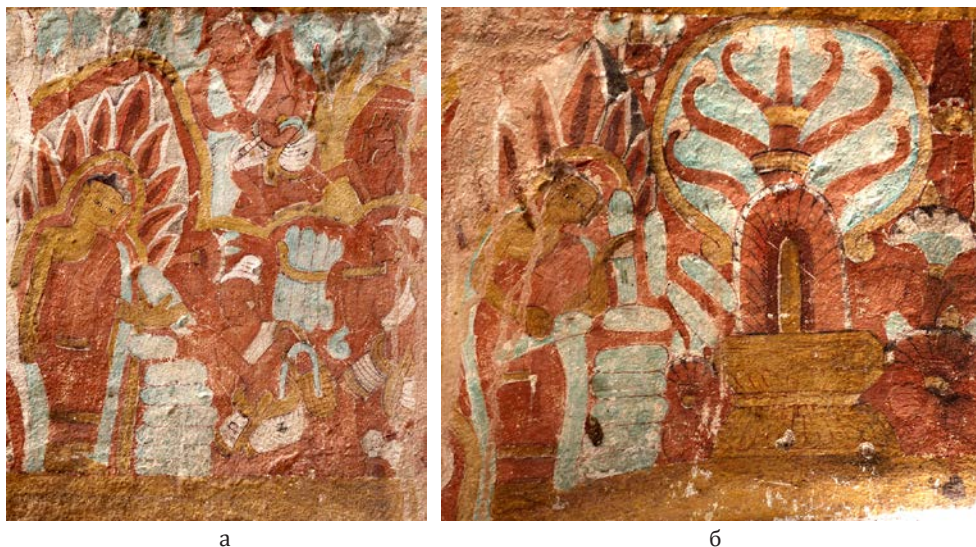


Рис. 16. Настенная роспись. Фрагмент. Вторая половина XVIII в.
Пещера № 97/472, По Вин Таун, Монъюа, Мьянма. Фото автора

Fig. 16. Mural painting. Late 18th century. Cave № 97/472,
Po Win Taung, Monywa, Myanmar. Foto by the author

композиционно зеркальна и Ботхисатта принимает подношение левой рукой (рис. 16а). Такое положение тела Готамы, вероятно, кажется художнику более логичным, поскольку соответствует движению Бодисаттвы по направлению к дереву Бодхи слева направо. Лента росписи продолжается дальше сценой превращения связок травы в трон Бодхи, где фигура будущего Будды завершает движение к цели (рис. 16б).

Эпизод встречи с Соттхией неоднократно встречается в буддийских сооружениях периода Ньяун Ян, в частности храмовом комплексе деревни Анэйн (Anein). Роспись одного из храмов (рис. 17) точно повторяет композицию пещеры Пэйя Козу⁶.

Встреча с Соттхией иллюстрируется при помощи двух фигур Готамы, развернутых спиной друг к другу. Одна из фигур, ориентированная против направления движения персонажей ленты в целом, принимает связки травы у брахмана, после чего Ботхисатта разворачивается к дереву Бодхи, бросая траву к его подножию, где возникает Трон Победы. Возможно, что такое положение фигур призвано символизировать описанный выше поиск точки равновесия Вселенной, где должно располагаться место Пробуждения. Любопытно, что в соседнем храме, вероятно, в силу нехватки места, автор росписи как бы совмещает две фигуры в одной, символи-

⁶ Подобная роспись обнаружена также в комплексе храмов г. Салинчжи (Salingyi). См.: [15, pp. 44–45].



чески обозначая направление движения при помощи ступней Бодхисатты, но разворачивая его фигуру в противоположную сторону, лицом к Соттхьи (рис. 18). Поразительно, но ситуация периода Ньяун Ян противоположна Пагану – невероятно подробное изложение жизни Будды Готамы средствами живописи сочетается с достаточно однотипными статуями, тиражируемыми с однообразными позами и жестами.



Рис. 17. Настенная роспись. XVIII в. Комплекс храмов в деревне Анэйн, Монъюа, Мьянма.
Фото автора

Fig. 17. Mural painting. 18th century. Complex of temples in the Anein village, Monywa, Myanmar.
Foto by the author



Рис. 18. Настенная роспись. XVIII в. Комплекс храмов в деревне Анэйн, Монъюа, Мьянма.
Фото автора

Fig. 18. Mural painting. 18th century. Complex of temples in the Anein village, Monywa, Myanmar.
Foto by the author



Конец XVIII в. знаменует собой период своеобразного религиозного возрождения и в Сиаме. Становление династии Чакри, укрепление позиций буддизма Тхеравады в качестве государственной религии, проводившаяся под патронажем королевской власти работа по систематизации канонических текстов и реформы в сангхе привели к формированию современной национальной формы тайского буддизма. Закономерным следствием этого процесса стало пристальное внимание к иконографии, выразившееся, в частности, в попытках создания серий изображений, подробно описывающих жизненный путь Будды. Ярким примером такого рода могут служить росписи конца XVIII в. павильона Буддхаисаван (Buddhaisawan) в Бангкоке, находящегося ныне на территории Национального музея. Сцена с Соттхией здесь предельно лаконична (рис. 19). Брахман изображен справа, коленапреклоненным, с символическим пучком травы в руках. Бодхисатта же протягивает для подношения не правую, а левую руку. И вновь мы видим, что особенности положения тела и жесты будущего Будды не следуют жестко каноническим предписаниям, а зависят от композиции росписи в целом, в частности, от направления движения персонажей.

Подобные зеркальные композиции встречаются и в более поздних росписях XIX в. как в Таиланде, так и в Бирме (рис. 20–22). При этом как композиция, так и стилистика изображений не вызывают сомнения во взаимном влиянии двух стран.



Рис. 19. Настенная роспись. Конец XVIII в. Павильон Буддхаисаван. Национальный музей, Бангкок, Таиланд. Фото автора

Fig. 19. Mural painting. Late 18th century. Buddhaisawan Chapel. National Museum, Bangkok, Thailand. Foto by the author



Рис. 20. Настенная роспись. Конец XIX в. Храм Махамуни, Западный коридор, Мандалай, Мьянма. Фото автора

Fig. 20. Mural painting. Late 19th century. Mahamuni temple, West Corridor. Mandalay, Myanmar. Foto by the author



Рис. 21. Настенная роспись. Первая половина XIX в. Wat Buak Khrok Luang, Чиангмай, Таиланд. Фото автора

Fig. 21. Mural painting. Early 19th century. Wat Buak Khrok Luang, Chiang Mai, Thailand. Foto by the author



Рис. 22. Настенная роспись. Ват Пхрасиратана Махатхат, Пхитсанулок, Таиланд. Фото автора

Fig. 22. Mural painting. Wat Phra Si Ratana Mahathat, Phitsanulok, Thailand. Foto by the author

30-е годы XIX в. явились очень важным этапом в развитии современной тайской буддийской иконографии. Король Рама III поручил буддийскому патриарху Сиаму, сыну Рамы I принцу Параманучиту Чинороту (Paramanuchit Chinorot) проделать работу по систематизации текстов Канона и ассоциации определенных эпизодов жизни Учителя с иконографическими моделями, представляющими собой некие комбинации поз и жестов. Результатом этой работы явился список, призванный стать основой иконографической системы бангкокского периода развития тайского буддизма [16, pp. 35–38; 17, с. 79; 18; 19, pp. 322–328]. Первой европейской работой, основанной на эссе принца Параманучита, стала упомянутая выше статья О. Франкфуртера 1913 г., где были опубликованы 34 рисунка, иллюстрирующие позы и жесты Будды, сопоставленные с событиями его жизни. Тайский историк принц Дамронг Ратчанубхаб (Damrong Rajanubhab) обобщает работу О. Франкфуртера и тайские источники, публикуя в 1926 г. на тайском языке описание 40 типов изображений Будды⁷. Нас интересует изображение под № 4 (рис. 23).



Рис. 23. Иллюстрация из [1, p. 7]

Fig. 23. Illustration of [1, p. 7]

⁷ Опубликовано впервые на английском языке в 1962 г.



О. Франкфуртер следующим образом описывает встречу Бодхисатты с Соттхией: «Вечером он получил 8 связок травы из рук брахмана (чтобы приготовить сиденье). Он получает их стоя, протягивая правую руку» [1, р. 7]. Так же описывает данный тип скульптуры Дамронг Ратчанубхаб – положение «стоя с правой рукой, направленной вперед, чтобы получить подношение, и левой рукой, опущенной вниз» [16, р. 35]. На рисунке в статье О. Франкфуртера кисть правой руки показана с полусогнутыми пальцами, удерживающими пучок травы, что соответствует моменту, когда подношение уже принято. Важно, что, в соответствии с каноническими текстами, трава держится за концы, и такая позиция непосредственно предшествует моменту, когда брошенная под дерево Бодхи трава превращается в трон. Несомненно сходство такого типа изображений с горельефами храма Ананда. И хотя вопрос о влиянии и заимствовании остается открытым, о неслучайности этого сходства говорит тот факт, что в истории буддизма Сиам Дамронг Ратчанубхаб выделяет период, в течение которого, по его мнению, произошла «имплантация» паганской формы буддизма на значительной территории современного Таиланда [16, р. 3]. При всей спорности этой концепции с современной точки зрения важно то, что паганские образцы были не только хорошо известны в Сиаме на рубеже XIX–XX вв., но их влияние считалось несомненным. Наряду с этим в современной тайской иконографии правая рука часто изображается с открытой ладонью, символизируя готовность к принятию пожертвования. В этом случае показан момент, предшествующий подношению⁸. Две указанные вариации присутствуют в коллекциях статуй в галерее ступы Пхра Патхом (Phra Pathom) в Накхонпатхоме (рис. 24) и музее Вата Кратхум Суэпла (Wat Krathum Suepla) на востоке Бангкока (рис. 25).



Рис. 24. Принятие подношения связок травы. Современная статуя. Ступа Пхра Патхом, Накхонпатхом, Таиланд. Фото автора

Fig. 24. Accepting an offering of grass bundles. Modern statue. Phra Pathom Chedi, Nakhon Pathom, Thailand. Foto by the author

⁸ Напрашивающиеся аналогии с гандхарскими и баганскими образцами также, вероятнее всего, объясняются не только естественностью такой позы, но и знакомством с историей вопроса. Иконографическая система, созданная в Таиланде в середине XIX в., содержит как прямые цитаты гандхарского искусства (образ Будды-аскета), так и переработанные варианты. В частности, по инициативе Рамы V в число иконографических типов была включена статуя *gandharagarattha*, название которой прямо указывает на источник заимствования. Как отмечает тайский исследователь Промсак Джермсаватди, «образ Будды стиля Гандхары стал основным источником изображений Будды в период Бангкока, особенно во времена короля Рамы V или Чулалонгкорна, а также в дни короля Рамы VI». См.: [20, р. 102].



Рис. 25. Жест получения в дар связок травы. Современная статуя. Ват Кратхум Суэпла, Бангкок, Таиланд. Фото автора

Fig. 25. Receiving of grass bundles gesture. Modern statue. Wat Krathum Sueapla, Bangkok, Thailand. Foto by the author

травы в современной буддийской практике Таиланда говорит не только то, что он положен в основу организации храмового пространства, но и то, что отсылка к нему постоянно присутствует в ежедневных церемониях. В частности, окропление водой при помощи пучка травы всегда завершает обряд обращения мирян к монаху за наставлением [22, fig. 23].

Статуи Будды такого типа достаточно редко встречаются в Таиланде за пределами музеев *sasana* (пали *sasana*). Однако примеры такого рода существуют. Зал собраний Вата Суан Док (Wat Suan Dok) в Чиангмае содержит две гигантские статуи Будды, уникальным образом расположенные спиной друг к другу. Сидящая статуя в *бхумиспарша мудре* обращена лицом на восток, стоящая к ней спиной – на запад (рис. 26).

Опущенная правая рука стоящей статуи удерживает связку прутьев, символизирующих священную траву. Прутья не являются частью статуи. Они вставляются в согнутые пальцы кисти в ходе специальной церемонии подношения и периодически обновляются. В целом сцена иллюстрирует финальную часть описанного выше сюжета поиска Ботхисаттой точки равновесия Вселенной, единственно пригодной для Трона Победы. Стоящая фигура со связкой травы в руке символически предшествует сидящей фигуре с жестом, свидетельствующим о достижении Пробуждения. Композиция наглядно демонстрирует принцип пространственной ориентации тайского буддийского храма, всегда обращенного входом на восток [21, p. 270]. О важности эпизода со связками священной



Рис. 26. Статуя Будды со связкой травы. Первая половина XX в. Ват Суан Док, Чиангмай, Таиланд. Фото автора

Fig. 26. Buddha image with a bundle of grass. Early 20th century. Wat Suan Dok. Chiang Mai, Thailand. Foto by the author



В отличие от Сиам, естественное развитие Бирмы было прервано в XIX в. утратой независимости и разрушением института королевской власти. Хотя в период Яданабон ряд используемых иконографических образцов был существенно расширен, развернутая система иконографии, сопоставимая с тайской, в стране сформирована не была. Попытки создания современных иконографических классификаций предпринимались в XX в. Примером такого рода может служить собрание картин, иллюстрирующих 36 мудр Будды из музея Маха Буддхавамса (Maha Buddhavamsa) в Мандалае и аналогичная коллекция статуй в пещере Шве У Мин (Shwe Oo Min) близ города Пиндая (Pindaya). К сожалению, авторство этой классификации установить не удалось. В отличие от тайской системы, изображения Будды здесь не привязаны к определенным событиям его жизни, а скорее иллюстрируют совершенства Просветленного, демонстрируют его особые качества. Одним из немногих исключений является эпизод, являющийся предметом нашего исследования. Будда изображен удерживающим двумя руками на уровне груди пучок травы (рис. 27-29).



Рис. 27. Тринакирана мудра. Фрагмент картины в музее Маха Буддхавамса, Мандалай, Мьянма. Фото автора

Fig. 27. Trinakirana mudra. Painting in Maha Buddhavamsa Museum, Mandalay, Myanmar.
Foto by the author



Рис. 28. Тринакирана мудра. Современная статуя, Мандалай, Мьянма. Фото автора

Fig. 28. Trinakirana mudra. Modern statue. Mandalay, Myanmar.
Foto by the author



Рис. 29. Тринакирана мудра. Современная статуя. Пещера Шве У Мин, Пиндая, Мьянма. Фото автора

Fig. 29. Trinakirana mudra. Modern statue. Shwe Oo Min Cave, Pindaya, Myanmar. Foto by the author



Рис. 30. Соттхия преподносит связки травы Сиддхартхе. Современная статуя. Пагода Чайтанлан, Моламьяйн, Мьянма. Фото автора

Fig. 30. Sotthiya presenting bundles of grass to Siddhartha. Modern statue. Kyaikthanlan Paya, Mawlamyine, Myanmar. Foto by the author

Несомненное заимствование этой позиции из рельефа храма Ананда сочетается с необъяснимым, исходя из канонических текстов, изображением Будды в положении сидя. Можно лишь предположить, что, так же как и в остальных картинах серии, здесь используется не иллюстративный подход к событию, а пучок травы выступает неким символом Трона Пробуждения. Впрочем, изображения такого типа появляются в Мьянме не ранее второй половины XX в. и соседствуют с традиционной для Сиам и Бирмы иконографической трактовкой XIX в. (рис. 30).

Термин *тринакирана мудра* (*trinakirana mudra*)⁹, используемый для обозначения таких образов, вероятно, сформирован путем соединения санскритских слов *trina* – трава и *kirana*, в данном случае – пучок. Этот термин используется нами в качестве рабочего названия для обозначения иконографической символики, связанной со встречей Бодхисатты с Соттхией.

⁹ Бирманский исследователь буддийской иконографии Сао Тхун Хма Вин использует этот термин наряду с термином «трина хаста» (*trina hasta*) в описании данного жеста на рельефе храма Ананда. См.: [23, p. 54].



Предварительные итоги

Подводя итог нашему краткому исследованию, можно констатировать, что устойчивого и единого для традиции Тхеравады иконографического кода, отражающего события жизни Учителя, вероятно, не существует. Иконографические модели, призванные проиллюстрировать тот или иной эпизод, изменчивы и варьируются в широких пределах не только в различных, хотя и близких в религиозном отношении странах, но и в рамках одного государства и даже одной школы и периода. Причины такой ситуации коренятся прежде всего в особенностях палийской традиции, канонические тексты которой не содержат четких и однозначно понимаемых жизнеописаний основателя учения, а структура сангхи децентрализована и состоит из общин, обладающих значительной степенью автономии. В этих условиях даже непререкаемый авторитет королевской власти в Сиаме не позволил создать иконографическую систему, лишенную существенных вариаций и принятую всем буддийским сообществом. Кроме того, вопреки распространенному заблуждению, процесс создания иконографических образцов осуществляется не искусственными в тонкостях монахами, а ремесленниками-мирянами по заказу других мирян с целью получения заслуги, что неизбежно привносит элементы творчества, вкусовых предпочтений заказчиков (дарителей), религиозной «моды» и пр. Этот сложный живой процесс, относительно недавно, в XVIII–XIX вв., получивший новый импульс развития, весьма далек от состояния завершенности. Думается, не будет преувеличением сказать, что западной и российской науке еще только предстоит его исследовать.

Литература

1. Frankfurter O. The Attitudes of the Buddha. *Journal of Siam Society*. 1913;10.2:1–35.
2. Hargreaves H. *Handbook to the Sculptures in the Peshawar Museum*. Calcutta: Government of India Central Publication Branch; 1930. 111 p. Available at: <https://archive.org/details/in.gov.ignca.22478>
3. Ihsan Ali, Muhammad Naeem Qazi (eds) *Gandharan Sculptures in the Peshawar Museum (Life Story of Buddha)*. Pakistan: Hazara University Mansehra NWFP; 2008. 309 p. Available at: <https://archive.org/details/GandharanSculpture/sInPeshawarMuseum>
4. Luce G. H. *Old Burma – Early Pagan. Vol. 1: Text*. New York: J. J. Augustin Publisher for Artibus Asiae and the Institute of Fine Arts, New York University; 1969. 422 p.
5. Kieffer-Pulz P. Rules for the sima Regulation in the Vinaya and its Commentaries and their Application in Thailand. *Journal of the International Association of Buddhist Studies*. 1997;20(2):141–153.
6. Murphy S. A. *The Buddhist Boundary Markers of Northeast Thailand and Central Laos, 7th–12th centuries CE: Towards an Understanding of the Archaeological, Religious*



and Artistic Landscapes of the Khorat Plateau. Ph. D Diss. London: University of London; 2010. 479 p.

7. Stadtner D. M. *Ancient Pagan. Buddhist Plain of Merit*. Bangkok: River Books; 2005. 286 p.

8. Galloway C. K. *Burmese Buddhist Imagery of the Early Bagan Period (1044–1113)*. Ph. D Diss. Canberra: The Australian National University; 2006. 307 p.

9. *80 Scenes of the Life of Buddha*. Yangon: Myanmar Heritage Publications; 2016. 184 p.

10. Bhaddanta Vicittasarabhivamsa, Venerable Mingun Sayadaw. *The Great Chronicles of Buddhas. Singapore edition*. Singapore; 2008. 1697 p. Available at: <https://ru.scribd.com/doc/192541334/The-great-chronicles-of-Buddhas-Singapore-edition>

11. Fausboll V (ed.), Rhys Davids. T. W. (transl.) *Buddhist Birth Stories; Or, Jataka Tales. The oldest Collection of Folk-lore Extant: Being The Jatakathavannana. Vol. I, Translation*. London: Trubner & Co.; 1880. 347 p. Available at: <https://archive.org/details/buddhistbirthst00fausgoog/page/n7>

12. Green A. Deep Change? Burmese Wall Paintings from the Eleven to the Nineteenth Centuries. *Journal of Burma Studies*. 2005/06;10:1–50. DOI: 10.1353/jbs.2005.0002.

13. Chew Anne-May. *The Cave-temples of Po Win Taung, Central Burma. Architecture, Sculpture and Murals*. Bangkok: White Lotus Press; 2005. 311 p.

14. Munier C., Myint Aung. *Burmese Buddhist Murals. Vol. 1: Epigraphic Corpus of Powin Taung Caves*. Bangkok: White Lotus Press; 2007. 451 p.

15. Munier-Gaillard C., Kirichenko A., Aung K. *La vie du Bouddha: Peintures murales de Haute-Birmanie*. Editions Findakly Suilly-la-Tour; 2017. 144 p.

16. Damrong Rajanubhab. *Monuments of the Buddha in Siam*. 2nd ed. Bangkok: The Siam Society; 1973. 60 p.

17. Корнев В. И. *Буддизм и общество в странах Южной и Юго-Восточной Азии*. М.: Наука; 1987. 220 с.

18. Matics K. I. *Gestures of the Buddha*. 3rd ed. Bangkok: Chulalongkorn University Press; 2004. 295 p.

19. Bunce F. W. *Mudras in Buddhist and Hindu Practices: an iconographic consideration*. 2nd ed. New Delhi: D. K. Printworld; 2009. 346 p. Available at: <https://archive.org/details/MudrasInHinduAndBuddhistPracticesAnIconographicConsiderationFredrickBunceW.D.K.PrintWorld/page/n1>

20. Promsak Jermsawatdi. *Thai Art with Indian Influences*. New Delhi: Abhinav Publications; 1979. 158 p.

21. Songyot Weerataweemat. *Royal Buddhist Architecture of the Early Bangkok Period. Investigations in Symbolic Planning*. Ph. D Diss. York: University of York; 1999. 365 p.

22. Leidecker K. F., Hampe R., Vanarat S. P. *The Life of the Buddha according to Thai Temple Paintings*. Bangkok: Literary Licensing, LLC; 1999. 184 p.

23. Sao Htun Hmat Win. *Burmese Buddhist Iconography (in Burmese)*. Rangoon, 1977.



References

1. Frankfurter O. The Attitudes of the Buddha. *Journal of Siam Society*. 1913;10.2:1–35.
2. Hargreaves H. *Handbook to the Sculptures in the Peshawar Museum*. Calcutta: Government of India Central Publication Branch; 1930. Available at: <https://archive.org/details/in.gov.ignca.22478>
3. Ihsan Ali, Muhammad Naeem Qazi (eds) *Gandharan Sculptures in the Peshawar Museum (Life Story of Buddha)*. Pakistan: Hazara University Mansehra NWFP; 2008. Available at: <https://archive.org/details/GandharanSculpturesInPeshawarMuseum>.
4. Luce G. H. *Old Burma – Early Pagan. Vol. 1: Text*. New York: J. J. Augustin Publisher for Artibus Asiae and the Institute of Fine Arts, New York University; 1969.
5. Kieffer-Pulz P. Rules for the sima Regulation in the Vinaya and its Commentaries and their Application in Thailand. *Journal of the International Association of Buddhist Studies*. 1997;20(2):141–153.
6. Murphy S. A. *The Buddhist Boundary Markers of Northeast Thailand and Central Laos, 7th–12th centuries CE: Towards an Understanding of the Archaeological, Religious and Artistic Landscapes of the Khorat Plateau*. Ph. D Diss. London: University of London; 2010.
7. Stadtner D. M. *Ancient Pagan. Buddhist Plain of Merit*. Bangkok: River Books; 2005.
8. Galloway C. K. *Burmese Buddhist Imagery of the Early Bagan Period (1044–1113)*. Ph. D Diss. Canberra: The Australian National University; 2006.
9. *80 Scenes of the Life of Buddha*. Yangon: Myanmar Heritage Publications; 2016.
10. Bhaddanta Vicittasarabhivamsa, Venerable Mingun Sayadaw. *The Great Chronicles of Buddhas. Singapore edition*. Singapore; 2008. Available at: <https://ru.scribd.com/doc/192541334/The-great-chronicles-of-Buddhas-Singapore-edition>
11. Fausboll V (ed.), Rhys Davids. T. W. (transl.) *Buddhist Birth Stories; Or, Jataka Tales. The oldest Collection of Folk-lore Extant: Being The Jatakathavannana. Vol. I, Translation*. London: Trubner & Co.; 1880. Available at: <https://archive.org/details/buddhistbirthst00fausgoog/page/n7>
12. Green A. Deep Change? Burmese Wall Paintings from the Eleven to the Nineteenth Centuries. *Journal of Burma Studies*. 2005/06;10:1–50. DOI: 10.1353/jbs.2005.0002.
13. Chew Anne-May. *The Cave-temples of Po Win Taung, Central Burma. Architecture, Sculpture and Murals*. Bangkok: White Lotus Press; 2005.
14. Munier C., Myint Aung. *Burmese Buddhist Murals. Vol. 1: Epigraphic Corpus of Powin Taung Caves*. Bangkok: White Lotus Press; 2007.
15. Munier-Gaillard C., Kirichenko A., Aung K. *La vie du Bouddha: Peintures murales de Haute-Birmanie*. Editions Findakly Suilly-la-Tour; 2017.
16. Damrong Rajanubhab. *Monuments of the Buddha in Siam*. 2nd ed. Bangkok: The Siam Society; 1973.
17. Kornev V. I. *Buddhism and Society in South and Southeast Asia*. Moscow: Nauka; 1987. (In Russ.)
18. Matics K. I. *Gestures of the Buddha*. 3rd ed. Bangkok: Chulalongkorn University Press; 2004.



19. Bunce F. W. *Mudras in Buddhist and Hindu Practices: an iconographic consideration*. 2nd ed. New Delhi: D. K. Printworld; 2009. Available at: <https://archive.org/details/MudrasInHinduAndBuddhistPracticesAnIconographicConsiderationFredrickBunceW.D.K.PrintWorld/page/n1>

20. Promsak Jermsawatdi. *Thai Art with Indian Influences*. New Delhi: Abhinav Publications; 1979.

21. Songyot Weerataweemat. *Royal Buddhist Architecture of the Early Bangkok Period. Investigations in Symbolic Planning. Ph. D Diss.* York: University of York; 1999.

22. Leidecker K. F., Hampe R., Vanarat S. P. *The Life of the Buddha according to Thai Temple Paintings*. Bangkok: Literary Licensing, LLC; 1999.

23. Sao Htun Hmat Win. *Burmese Buddhist Iconography (in Burmese)*. Rangoon, 1977.

Информация об авторе

Грунин Игорь Викторович, кандидат философских наук, независимый исследователь, г. Пермь, Российская Федерация.

Information about the author

Igor V. Grunin, Ph. D (Philos.), independent researcher, Perm, Russian Federation.

Раскрытие информации о конфликте интересов

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Conflicts of Interest Disclosure

The author declares that there is no conflict of interest.

Информация о статье

Поступила в редакцию: 12 сентября 2018 г.

Одобрена рецензентами: 3 октября 2018 г.

Принята к публикации: 17 октября 2018 г.

Article info

Received: September 12, 2018

Reviewed: October 3, 2018

Accepted: October 17, 2018



Термин «татхагата» и ситуация словесного поединка в древней Индии: кто такой татхагата?

Е. Г. Вырщиков

Институт востоковедения РАН, г. Москва, Российская Федерация,

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-5240-8871>, e-mail: bimbisara@yandex.ru

Резюме: в данной статье на основе палийского и санскритского материала исследуется происхождение раннебуддийского термина *татхагата*. Это слово, если судить по данным палийского канона, имеет древнее добуддийское происхождение. Сутры «Дигха-никая» (ДН) предоставляют нам ряд нетривиальных контекстов употребления этого слова, позволяющих достаточно точно установить его этимологию и буквальное значение. Кроме того, эти контексты позволяют предполагать особую связь *татхагаты* (как ипостаси Будды) с «говорением правды».

Ключевые слова: брахманы; буддизм; палийский канон; татхагата; упанишад; шраматы

Для цитирования: Вырщиков Е. Г. Термин «татхагата» и ситуация словесного поединка в древней Индии: кто такой татхагата? *Ориенталистика*. 2018;1(3-4):394–401. DOI: 10.31696/2618-7043-2018-1-3-4-394-401.

The Term “Tathagata” and the Situation of the Verbal Duel in Ancient India: Who is the Tathagata?

Yevgeniy G. Vyrschikov

Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russian Federation,

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-5240-8871>, e-mail: bimbisara@yandex.ru

Abstract: this article concerns the origin of the early Buddhist term *tathagata* (on Pali and Sanskrit material). This way, if you judge according to the Pali Canon, is of ancient pre-Buddhist origin. The “Digha-Nikaya” Sutras provides us with a number of nontrivial contexts of the use of this word, allowing us to accurately establish its etymology and literal meaning. In addition, these contexts suggest a special connection of Tathagata (as an image of the Buddha) with “truth telling”.

Keywords: brahmanas; Buddhism; Tathagata; shramanas; the Pali Canon; Upanishads

For citation: Vyrschikov Ye. G. The Term “Tathagata” and the Situation of the Verbal Duel in Ancient India: Who is the Tathagata? *Orientalistica*. 2018;1(3-4):394–401. (In Russ.) DOI: 10.31696/2618-7043-2018-1-3-4-394-401.



Введение

Термин *tathagata* (санскр. *tathāgata*) известен еще из древнебуддийской литературы. Происхождение и раннее бытование его неясно. В поздней древности это был по преимуществу метафорический синоним Будды. К настоящему моменту термин тщательно исследован и имеет три толкования.

Первое связано с разбиением составного слова *tathā-gata* ‘*так (к таковому) пошедший*’. Такое разбиение согласуется с разбиением термина *su-gata* ‘*к благому ушедший*’, что может говорить о синонимичности терминов. Из современных исследователей эту гипотезу поддерживает В. П. Андросов [1, с. 170].

Прочие толкования связаны с разбиением *tathā-ā-gata*. Третье будет рассмотрено ниже; второе же толкование наиболее популярно и следует старой традиции, в европейской науке идущей еще от Т. Рис-Дэвидса: “he who has won through to the truth” [2, p. 296], буквально ‘*к таковому*» *пришедший*’. Этот термин получил в махаянской традиции, где «таковость» (санскр. *tathatā*) отождествляется с «совершенной мудростью» (санскр. *praññā*) в праджняпарамитской традиции и с «пустотностью» (санскр. *śūnyatā*) в мадхьямаке. Однако, говоря о раннем буддизме, корректно обратиться к раннебуддийским источникам, поэтому вслед за Т. Рис-Дэвидсом и его единомышленниками будем опираться на палийский канон. В палийском каноне понятия *tathagata* и *budda* не тождественны и не обозначают исключительно Будду Шакьямуни. Встречаются, правда, эпизоды, где Татхагата – это просто другое наименование для Будды, например, в «Брахмаджаласутте» (ДН, I.1). Однако и в этой сутре Будда высказывается о Татхагате несколько отстраненно, как будто обозначения *Tathagata* и *шраман Готама* пересекаются, но не тождественны. Усложняет дело и то, что сам термин *buddha* – как таковой в палийском каноне присутствует нечасто и в строго определенном контексте. Самого Будду в палийском каноне обычно называют, в зависимости от ситуации, или *Бхагаван* (пали *bhagavant*-), или просто *шраман Готама* (пали *samaṇa Gotama*). Только позднее, в ашокинской эпиграфике (III в. до н. э.) *будды* (и Будда Шакьямуни, и будды прошлых времен) называются именно *budha*. Основа *-buddha-* присутствует в палийском каноне по преимуществу в составном термине *samma-sam-buddha* (= санскр. *samyak-sam-buddha*), который употребляется, как уже говорилось, в специфическом контексте. Это список-клише – перечисление основных «качеств»-*гун* (пали *guṇa*), или, иначе, *варн* (пали *vaṇṇa*), свойственных Бхагавану в противовес *гунам* (*варнам*), свойственным уважаемому брахману – его сопернику/будущему ученику (это также клише). Есть несколько подобных клише, отличающихся и объемом текста, и составными частями, но их содержательная основа едина.



Это не единственное клише такого рода, но самое объемное из них содержат «Сонаданда-сутта» (ДН, I.4, 6) и «Кутаданта-сутта» (ДН, I.5, 7). Кратко набор основных «качеств» таков.

Рожденный в достойном (кшатрийском) роду – имеющий приятный облик – вежлив и добр ко всем – заслуженный шраман – архат – сугата – будда – наставник богов и людей.

Если не учитывать контекст перечисления, можно подумать, что перед нами – биография человека (и действительно, Ашвагхоша составит позднее «биографию» – знаменитую «Буддхачариту»). Однако здесь контекст не оставляет сомнений: перед нами именно набор качеств, отличающих Будду от прочих людей. По-видимому, своим субстратом он имеет «перечисление имен Будды» и «перечисление имен будд» – гипотетический древнейший вид буддийской литературы, развившийся в махасангхике и махаяне в несколько ином направлении¹. Жанр «перечисление имен» и «перечисление качеств» впоследствии получит распространение в индуизме, он имеет многочисленные исторические и этнокультурные параллели, в том числе древнеиндоарийские (ср. 1-й гимн 1-й мандалы Ригvedы, посвященный богу Агни).

Возвращаясь к палийскому канону, заметим, что термин *татхагата* в указанном списке не фигурирует, что удивительно, учитывая, насколько список пространный. А теперь рассмотрим другое «перечисление», куда более лаконичное, но представляющее для нас больший интерес².

Assosum kho Khāṇumatakā brāhmaṇa-gahapatikā – “Samaṇo khalu, bho, Gotamo Sakya-putto Sakya-kulā pabbajito Magadhesu cārikaṃ caramāno mahatā bhikkhu-saṅghena saddhiṃ pañca-matthehi bhikkhu-satehi Khāṇumataṃ anuppatto Khāṇumate viharati Ambalaṭṭhikāyaṃ. Taṃ kho pana Bhavantaṃ Gotamaṃ evaṃ kalyāṇo kittisaddo abbhuggato – ‘itipi so Bhagavā arahaṃ sammā-sambuddho vijjā-caraṇa-sampanno sugato lokavidū anuttaro purisa-damma-sārathi satthā deva-manussānaṃ buddho bhagavā’ti. So imaṃ lokaṃ sadevakaṃ samārakaṃ sabrahmakāṃ sassamaṇabrāhmaṇiṃ pajaṃ sadevamanussaṃ sayāṃ abhiññā sacchikatvā pavedeti. So dhammaṃ deseti ādikalyāṇaṃ majjhekalyāṇaṃ pariyosāna-kalyāṇaṃ sātthaṃ savyañjanaṃ, kevala-paripuṇṇaṃ parisuddhaṃ brahmacariyaṃ pakāseti. Sādhu kho pana tathārūpānaṃ arahataṃ dassanaṃ hoti’ti. Atha kho Khāṇumatakā brāhmaṇa-gahapatikā Khāṇumatā nikkhamitvā saṅghasaṅghī gaṇibhūtā yena Ambalaṭṭhikā ten’ upasaṅkamanti.

Перевод

Прослышали тут брахманы-гахапатики (1) из Кхануматы: ‘Воистину, почтенный шраман Готама, сын шакьи, из племени шакьев паривраджак (2), бродящий в Магадхе по окрестностям с большой монашеской сангхой

¹ Подробнее об этом см.: [3; 4].

² ДН, I.5, 2.



в пятьсот (3) учеников, достигши Кхануматы, в Кханумате остановился, в Амбалаттхике. И о том Бхагаване Готаме, воистину, такая чудесная слава разнеслась: «Он, Бхагаван, мол – архат; должным образом все-просветленный будда; [владеющий] соединением знания и правильного действия; сугата (4); знаток мира; непревзойденный объездчик людей, нуждающихся в обуздании, [подобно боевым коням]; наставник богов и людей; будда; Бхагаван». Он [наставляет всю] эту вселенную: мир, где бытуют боги, мир Мары, мир Брахмы, мир шраманов и брахманов; сам, лично, путь к просветлению [в жизнь] претворив – [все] живые существа, богов и людей, [тому же] учит. Он устремляет [учащихся к] дхарме, великолепной в начале, великолепной в середине, великолепной в [ее] окончании, в соответствии с духом [ее] и буквой; являет [всем] едино-завершенную [и] чистую брахмачарью (5). Воистину, прекрасно лицезреть архата с чертами татхагаты.' И вот эти брахманы-гахапатики из Кхануматы, покинув Кханумату, община с общиной [соединившись и] собравшись толпой, где Амбалаттхика – туда приближаются.

Комментарий

(1) *Брахманы-гахапатики* (пали *brāhmaṇa-gaḥapatikā*) – особая социальная группа, брахманы, кормящиеся от управления наделами, пожалованными царем³.

(2) *Шакьи* (пали *sakya*) – одно из пригималайских племен; *паривраджачи* (пали *paribbajita*, *paribbajaka*) – бродячие аскеты, как шраманы, так и брахманы; *сын шакьи, из племени шакьев паривраджак* (пали *Sakya-putto Sakya-kulā paribbajito*) – не исключено, что клише ...сын <родовое имя>, из рода (племени) <родовое имя>... – это не тавтология, а указание на происхождение как по отцу (*kula* 'род, племя'), так и по матери (*putta* 'сын'), ведь эти родовые маркеры могли и не совпадать; в пользу этого говорит присутствие в древней Северной Индии матрилинейной составляющей-маркера схожего вида в царской титулатуре, как в эпиграфике, так и в палийском каноне (ср. *Ajatasattu Vedehiputto 'Аджаташатру, сын видехийки'*⁴); заметим, что при перечислении *варн-качеств* как Будды, так и брахманов порядок упоминания о происхождении остается тот же (ДН, I.4, 5–6; I.5, 6–7).

(3) *Пятьсот* – вовсе не подразумевается, что сангха насчитывала ровно пятьсот бхикшу; данный оборот означал лишь, что сангха была очень велика, но число учеников было *счетно*.

(4) *Сугата* (пали *sugata*) – букв. 'к благу (или благим образом) ушедший', контексты, позволяющие говорить о сколько-нибудь точном значении данного термина, пока не известны; принято полагать, что

³ Подробнее см.: [5, с. 43–52].

⁴ ДН, II.3, 1.



речь идет о благом посмертии, но одна лишь этимология не дает надежных интерпретаций, сообщения комментаторов также ненадежны.

(5) *Брахмачарья* (пали brahmacariya) – здесь имеется в виду, судя по контексту, не только целомудрие, как нередко переводится, а весь явленный образ жизни в его целостности; ведь для шрамана *брахмачарья* – не временное соблюдение определенных обетов на период ученичества, а вся его жизнь.

Этот отрывок – также клише, он повторяется в «Сонаданда-сутте» (ДН, I.4, 2), с той лишь разницей, что меняются предлагаемые обстоятельства: деревня Кханумата вместо города Чампа, царство Магадха вместо царства Анга, Амбалаттхика вместо рощи у лotosового пруда Гаггара.

Между этим списком и упоминавшимся (ДН, I.5, 7 и ДН, I.4, 6) есть небольшое пересечение, отмеченное в тексте и переводе (см. выше). Это, в сущности, самая важная часть обоих списков, и не только потому, что там перечислены наиболее значимые качества Будды, но и потому, что они выделены самими авторами канона прямой речью внутри прямой речи. Это «слава» о Будде, разносящаяся в мире (а точнее, во всех мирах Вселенной), так называемая *киттисадда*, пали kitti-sadda, букв. ‘звуки славы’ (=санскр. kīrti-śabda). Судя по контексту употребления, это нечто объективное, не зависящее от мнения ни отдельных субъектов, ни групп; ее, как описываются события в сутрах, не может поколебать злопыхательство недоброжелателей.

Возвращаясь к сказанному выше, заметим, что данное клише по сравнению с отрывками из «Сонаданда-сутты» (ДН, I.4, 6) и «Кутаданта-сутты» (ДН, I.5, 7) обладает важным отличием – в нем упоминается «татхагатовость» как качество Будды: *Воистину, прекрасно лицезреть архата с чертами татхагаты* (“Sādhū kho pana tathā-rūpānaṃ arahataṃ dassanaṃ hotī”ti). Буквально здесь говорится об архате, обладающем «такими» формами» (пали tathā-rūpa). О том, что категория tathā ‘так, такое, то’ в составных словах палийского канона обозначает именно татхагату, свидетельствует следующий отрывок из «Махапариниббана-сутты» (ДН, II.3, 1):

Evaṃ me sutāṃ. Ekaṃ samayaṃ bhagavā Rājagahe viharati Gijjhakūṭe pabbate. Tena kho pana samayena rājā Māgadho Ajātasattu Vedehiputto Vajjī abhiyātukāmo hoti. So evamāha – “ahaṃ hime Vajjī evaṃmahiddhike evaṃmahānubhāve ucchecchāmi Vajjī, vināsessāmi Vajjī, anayabyasanaṃ āpādessāmi Vajjī”ti. Atha kho rājā Māgadho Ajātasattu Vedehiputto Vassakāraṃ brāhmaṇaṃ Vagadhamahāmattaṃ āmantesi – “ehi tvam, brāhmaṇa, yena bhagavā tenupasaṅkama; upasaṅkamitvā mama vacanena bhagavato pāde siraṣā vandāhi, appābādhaṃ appātaṅkaṃ lahuṭṭhānaṃ balaṃ phāsuvihāraṃ puccha – ‘rājā, bhante, Māgadho Ajātasattu Vedehiputto bhagavato pāde siraṣā vandati, appābādhaṃ appātaṅkaṃ lahuṭṭhānaṃ balaṃ phāsuvihāraṃ pucchati’ti. Evañca vadehi – ‘rājā, bhante, Māgadho Ajātasattu Vedehiputto Vajjī



abhiyātukāmo. So evam āha – “ahaṃ hime Vajjī evaṃmahiddhike evaṃmahānubhāve ucchecchāmi Vajjī, vināsessāmi Vajjī, anayabyasanaṃ āpādessāmi”ti; yathā ca te bhagavā byākaroti, taṃ sādhukaṃ uggahetvā matam āroceyyāsi, na hi tathāgatā vitathaṃ bhaṇantī”ti.

Перевод

Так мной услышано. Раз Бхагаван останавливается в Раджагрихе (1), на горе Гиддждакута. Тем временем, [царствующий в] Магадхе раджа Аджатасатту, сын видехийки (2), желает захватить ваджей (3). Он так говорит: «Должны быть уничтожены ваджи, большой магической силой (4) [владеющие, столь] заносчивые – перебью [я] ваджей, погублю [я] ваджей, неотвратимую погибель принесу ваджам!»

Тогда [царствующий в] Магадхе раджа Аджатасатту, сын видехийки, к брахману Вассакаре, главному советнику царства Магадха, обращается: ступай[-ка] ты, брахман – где Бхагаван [пребывает], туда подойди, подойдя – с моим приветствием к ногам припади, пожелай [ему жить] без болезней и слабости, [пожелай ему] легкости, силы, приятной жизни: мол, «[царствующий в] Магадхе раджа Аджатасатту, сын видехийки, о почтенный, к ногам твоим припадает, желает [тебе жить] без болезней и слабости, [желает] легкости, силы и приятной жизни», и еще так скажи: «О почтенный, [царствующий в] Магадхе раджа Аджатасатту, сын видехийки, желает захватить ваджей. Он так говорит: «Должны быть уничтожены ваджи, большой магической силой [владеющие, столь] заносчивые – перебью [я] ваджей, погублю [я] ваджей, неотвратимую погибель принесу ваджам!»; и как Бхагаван тебе разъяснит, [ты], хорошенько это осознав, мне перескажешь, ведь «татхагаты не-татхагатое не говорят»».

Комментарий

(1) *Раджагриха* (пали Rājagaha) – город южнее Ганги, на тот момент столица царства Магадха; то есть путь Вассакары к Будде был не слишком далеким.

(2) *Видеха* – племя (царство), располагавшееся в древности в северо-восточной Индии, севернее Ганги; ...сын *видехийки* (пали vedehiputto) – матрилинейная царская титулатура бытовала в древней Северной Индии даже в поздней древности.

(3) *Ваджи* (пали Vajjī, санскр. Vṛjji) – большое племя (или союз племен), жившее в древности в северо-восточной Индии, севернее Ганги.

(4) *Иддхика* (пали iddhika) – здесь: сила сверхъестественной природы, овладение которой не вело, однако, к просветлению.

Здесь особый интерес представляет выражение «*татхагаты не-татхагатое не говорят*» (“na hi tathāgatā vitathaṃ bhaṇantī”ti; букв. *ведь «татхагаты “не таковое” не говорят*»). Судя по контексту в палийском тексте, это крылатое выражение, построенное на противопоставлении



tathā ‘таковое’ : vitatha ‘не-таковое’ и игре слов: ...tathāgatā vitatham... По всем признакам *татхагата* неразрывно связан с категорией «таковости». Но что она означает?

Во-первых, надо заметить, что категория tathā не имеет отрицательного измерения, «таковости» противопоставляется не другая, отрицательная сущность, а все «не-таковое» (в отличие от, например, оппозиции частиц su- : dur- ‘благое : дурное’; ср. санскр. sukha : duhkha ‘счастье : несчастье’). Во-вторых, контекст указывает на то, что «таковость» как свойство связана с говорением правды, *татхагата* – прежде всего носитель истины. Именно за истиной как к *татхагате* посылает к Будде брахмана Вассакару царь Аджатакатту. В этом смысле интересно дальнейшее повествование. Дело в том, что Будда встречает Вассакару довольно невежливо (единственный случай в «Дигха-никая»!): заданный вопрос игнорирует, как и самого гостя, вместо его приема демонстративно затеяв беседу с Анандой. Но даже в этом положении он не утаивает правды.

Заключение

В свете вышесказанного представляет интерес третье толкование термина *татхагата*, предложенное В. В. Вертоградской (в частной беседе). По ее мнению, tathāgata надо переводить как ‘в «таковом» (незыблемо) пребывающий’. Действительно, глагол ā-gam-, кроме значения ‘приходить, приближаться’, имеет значение ‘находиться, пребывать (в каком-либо месте)’. Человек, сознанием своим пребывающий в «таковом», не может не являться источником правдивой речи. Именно такое истолкование термина tathāgata – ‘в «таковом» (незыблемо) пребывающего’ – позволяет нам непротиворечиво понять указанную выше игру слов, да и весь данный эпизод (ДН, II.3.1). Вспомним также обнаруженные выше «такие» формы (пали tathā-gūpa) *татхагаты*; упоминание «таковости» и «татхагатности» везде определенно указывает на качество состояния, а не на процесс прихода к нему. В свете сказанного (и особенно в свете выражения “na hi tathāgatā vitatham bhaṇanti”ti ‘в-том-пребывающие не-то не говорят’) толкование В. В. Вертоградской выглядит убедительнее, чем толкование Т. Рис-Дэвидса. Однако здесь в связи с этой же палийской поговоркой встает вопрос, который будет рассмотрен в следующей публикации, об особой связи *татхагаты* с говорением правды. Важные материалы по данной проблеме содержат палийский канон и «Брихадараньяка-упанишада».

Литература

1. Андросов В. П. *Словарь индо-тибетского и российского буддизма (главные имена, основные термины, доктринальные понятия)*. М.: Вестком; 2000. 200 с.
2. Rhys-Davids T., Stede W. *Pali-English Dictionary*. Oxford: The Pali Text Society; 1998. 808 p.



3. Жутаев Д. И. Индийские корни литературы сутр об именах будд: к истории формы. В: Иванов В. В. (ред.) *Древние культуры Восточной и Южной Азии*. М.: Издательство МГУ; 1999. С. 54–76

4. Жутаев Д. И. Размышления о структуре раннебуддийского доктринального текста. В: Вертоградова В. В. (ред.) *Индия – Тибет: текст и вокруг текста. Рериховские чтения 2002 (юбилейные) в Институте Востоковедения РАН*. М.: Институт востоковедения РАН; 2004. С. 99–134.

5. Выршиков Е. Г. Социальные классификации и сакральное пространство в палийском каноне. В: Вертоградова В. В. (ред.) *Индия-Тибет: текст и феноменология культуры. Рериховские чтения 2006–2010 в Институте востоковедения РАН*. М.: Институт востоковедения РАН; 2012. С. 41–56.

References

1. Androsov V. P. *Dictionary of Indo-Tibetan and Russian Buddhism (main names, basic terms, doctrinal concepts)*. Moscow: Vestkom; 2000. (In Russ.)

2. Rhys-Davids T., Stede W. *Pali-English Dictionary*. Oxford: The Pali Text Society; 1998.

3. Zhutaev D. I. Indian roots of literature of the sutras on the names of the Buddhas: the history of the form. In: Ivanov V. V. (ed.) *The ancient cultures of East and South Asia*. Moscow: Izdatelstvo MGU; 1999, pp. 54–76 (In Russ.)

4. Zhutaev D. I. Reflections on the structure of the early Buddhist doctrinal text. In: Vertogradova V. V. (ed.) *India-Tibet: text and around text. Roerich readings 2002 at the Institute of Oriental studies of RAS*. Moscow: Institut vostokovedeniya RAN; 2004, pp. 99–134. (In Russ.)

5. Выршиков Е. Г. Social classifications and sacred space in the Pali Canon. In: Vertogradova V. V. (ed.) *India-Tibet: text and around text. Roerich readings 2006–2010 at the Institute of Oriental studies of RAS*. Moscow: Institut vostokovedeniya RAN; 2012, pp. 41–56. (In Russ.)

Информация об авторе

Выршиков Евгений Геннадиевич, кандидат философских наук, старший научный сотрудник Отдела истории и культуры Древнего Востока, Институт востоковедения РАН, г. Москва, Российская Федерация.

Раскрытие информации о конфликте интересов

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Information about the author

Yevgeniy G. Vyrshikov, Ph. D, Senior Research Fellow, Department of History and Culture of the Ancient East, Institute of Oriental studies, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russian Federation.

Conflicts of Interest Disclosure

The author declares that there is no conflict of interest.

Информация о статье

Поступила в редакцию: 7 октября 2018 г.
Одобрена рецензентами: 8 ноября 2018 г.
Принята к публикации: 14 ноября 2018 г.

Article info

Received: October 7, 2018
Reviewed: November 8, 2018
Accepted: November 14, 2018

Oriental Epigraphy

Эпиграфика Востока

DOI 10.31696/2618-7043-2018-1-3-4-402-423
УДК 94(55)+929

Оригинальная статья
Original Paper

«Сарыбагышские» эпитафии из Чуйской долины

В. Н. Настич

*Институт востоковедения РАН, г. Москва, Российская Федерация,
ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-3519-8734>, e-mail: vladimir@nastich.net*

Резюме: в публикации рассматривается и впервые вводится в научный оборот малоизвестная группа тюркоязычных эпиграфических памятников начала XX в. из центральных районов Семиречья (совр. Кыргызстан, Чуйская долина, нижнее течение р. Чон-Кемин), относящихся к обитавшему в тех местах роду тынай киргизского племени сарыбагыш. Прочитаны, переведены на русский язык и подробно анализируются тексты эпитафий на каменных надгробниках, посвященных знаменитому манапу Шабдану сыну Джантая, двум его братьям и двум несовершеннолетним дочерям, умершим и похороненным между 1904 и 1912 гг.

Ключевые слова: арабская графика; Кыргызстан; манап; мулла Балдак; надгробник; погребальная надпись; сарыбагыш; стела; тынай; Чон-Кемин; Чуйская долина; Шабдан Баатыр Джантаев; эпиграфика; эпитафия

Для цитирования: Настич В. Н. «Сарыбагышские» эпитафии из Чуйской долины. *Ориенталистика*. 2018;1(3-4):402–423. DOI: 10.31696/2618-7043-2018-1-3-4-402-423.

«Sarybaghysh» Epitaphs from the Chu Valley

Vladimir N. Nastich

*Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russian Federation,
ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-3519-8734>, e-mail: vladimir@nastich.net*

Abstract: the paper deals with a little-known and virtually unexplored group of early 20th century epigraphic monuments from central Semirechye (the lower course of Chon Kemin river), belonging to the clan of *Tynai* of the *Sarybaghysh* tribe. A detailed analysis is carried out with regard to the sepulchral inscriptions on stone tombs (stelae) dedicated to the renowned Qyrghyz (Kyrgyz) manap Shabdan son of Jantaï, his two brothers and two underage daughters, all deceased and buried between 1904 and 1912.

Keywords: Arabic writing; Chon Kemin; Chu Valley; epigraphy; epitaph; Kyrgyzstan; manap; mullah Baldaq; Sarybaghysh; Shabdan Baatyr Jantaev (Djantaev, Zhantaev); sepulchral inscription; stela; tomb; Tynai

For citation: Nastich V. N. «Sarybaghysh» Epitaphs from the Chu Valley. *Orientalistica*. 2018;1(3-4):402–423. (In Russ.) DOI: 10.31696/2618-7043-2018-1-3-4-402-423.



Введение

В 2015 г. исполнилось 130 лет первой публикации эпитафических памятников арабского письма с территории Киргизии [1, с. 171]. За это время отечественная, а вместе с ней и мировая наука обогатилась солидным списком работ многих авторов – как изданных, так и оставшихся в рукописях (общим числом до полутысячи), посвященных лапидарному наследию мусульманского прошлого Средней Азии.

До недавнего времени о каких-либо исследованиях в области кыргызстанской эпиграфики XIX – начала XX в. вообще не было известно. Впервые две поздние надписи с берегов р. Кегеты близ г. Токмака изданы во 2-м выпуске альбома «Эпиграфика Киргизии» [2, с. 160–164, таб. CXIV–CXVIII]. Эта публикация, до недавнего времени остававшаяся единственной в своем роде, не лишена недостатков в теоретическом и методическом плане: чтения и переводы надписей грешат ошибками, в них имеются необъясненные пропуски слов; язык эпитафий определен просто неграмотно – как «арабо-персидский» (?!), «в отдельных местах» (?) – киргизский, но «с примесью ломаного (?) казахского языка с чагатайским книжным (?) влиянием» [2, с. 160]. Не проведен даже самый общий текстологический анализ, отсутствуют комментарии к неясным и сомнительным местам в текстах эпитафий.

10 лет назад в Бишкеке вышел в свет объемистый сводный том эпиграфики Кыргызстана [3]. В нем собраны изображения и объективные данные почти о 200 памятниках с надписями на камнях и скалах из разных мест республики – как изданных ранее, так и вновь выявленных и неизвестных по публикациям, относящихся к различным историческим эпохам и составленных на разных языках. В частности, поздние стелы из Чон-Кемина и других мест кыргызстанского Семиречья изданы в указанном альбоме [3] на с. 157–159, 178–181 и 184–185. К сожалению, качество подготовки и публикации издаваемых материалов, особенно сопровождающих авторских описаний и комментариев, оставляет желать много лучшего.

Как и следовало ожидать, основной интерес специалистов в этой области был и остается сфокусированным почти безраздельно на памятниках развитого, в меньшей степени – позднего Средневековья. До сих пор «по умолчанию» считается, что информативная ценность надписей X–XVII вв. несравнимо выше той, которую могут иметь, скажем, эпитафии с казахских и киргизских кладбищ XIX – начала XX в. – периода, обеспеченного документальными, публицистическими, литературными, эпистолярными и другими источниками с определенной полнотой. Но даже на фоне такого обилия «рабочего материала» по новой истории слишком явное пренебрежение таким специфическим источником, как погребальная эпиграфика, не может не вызвать удив-



ления. Разумеется, наивно ожидать от поздних надгробий из бывшего Русского Туркестана радикально новой и подробной информации о событиях этой недавней эпохи; в лучшем случае они могут дополнить уже известную историческую картину лишь несколькими, может быть, далеко не самыми важными штрихами. Но так же очевидно, что если эти дополнительные штрихи сохранились только в скупых строках намогильных надписей, то без них, каким бы широким и развернутым ни было воссозданное историческое полотно, оно все равно останется менее полным, чем с ними.

Поздние каменные намогильники из Чуйской долины

В декабре 1983 г. мне довелось осмотреть и снять на пленку 7 памятников с надписями 1891–1921 гг. (в том числе оба изданных Ч. Джумагуловым), свезенных в Буранинский музей-заповедник из разных пунктов Токмакского района. Из этих 7 надгробий 5 представляют собой довольно узкие длинные, до 1 метра и более, гранитные стелы подпрямоугольных или «листовидных» очертаний, поставленные вертикально и покрытые с двух (реже с трех) сторон крупными надписями некаллиграфическим, но ровным и уверенным почерком, в основе которого чувствуется поздний среднеазиатский «канцелярский» *наста'лиқ*. Из 2 остальных, более плоских и приземистых камней, один – из темного песчаника, с отбитой верхней частью, сохранивший только конец эпитафии, выполненной таким же почерком, как и на упомянутых стелах, второй – хорошо обработанный блок светло-серого гранита с фигурно закругленным навершием, надписи на котором из-за отсутствия в момент съемки контрастного освещения оказались почти неразличимы.

Кроме того, в январе 1984 г. мною получены от В. М. Плоских¹ фотографии двух намогильников из Чон-Кемина, с родового кладбища сарыбагышских манапов Джантаевых. Эти надгробия, вместе с музейным № 2, составляют наиболее интересную «семейную» группу во всем описанном комплексе и поэтому рассматриваются ниже подробно.

«Кегетинские» надгробия, изданные Ч. Джумагуловым, отнесены им предположительно к району пос. Быстровка (местность Берик-Таш-Ата). По словам директора музея-заповедника Э. Тюрканова², из Быстровки привезены и две другие стелы – кроме одной (ниже под № 2), доставленной из Чон-Кемина, а также упомянутая выше дефектная

¹ Плоских Владимир Михайлович – доктор исторических наук (1979), профессор (1990), в то время заместитель директора Института истории Академии наук Киргизской ССР, ныне действительный член (1997) Национальной академии наук Кыргызской Республики. Подробнее о нем см.: <http://naskr.kg/index.php/ru/chleny-nan-kr/dejstvitelnye-chleny-nan-kr/72-ploskikh-vladimir-mikhajlovich-istoriya>

² Личная беседа в Буранинском музее-заповеднике, 12 декабря 1983 г.



плита из песчаника. Происхождение памятника из светло-серого гранита, уже давно находящегося возле башни Бурана, в документах музея не зафиксировано.

Язык всех обследованных надписей можно определить как среднеазиатский тюрки, сложившийся на основе староузбекского («чагатайского») наречия и бытовавший в качестве *koivŋ* среди грамотных узбеков, киргизов и южных казахов вплоть до 30-х годов прошлого столетия. Отдельные благочестивые изречения и цитаты из Корана по традиции воспроизведены на арабском языке; кроме того, многие значащие слова и личные имена имеют арабское или таджикское происхождение. Между прочим, именно в этой части особенно много орфографических ошибок, характерных для тюркоязычного населения Средней Азии, владевшего традиционной «мусульманской» книжной грамотностью не в полной мере и изображавшего на письме заимствованные слова, отступая от этимологического начертания в пользу их реального произношения в родной языковой среде. В начертании некоторых тюркских слов и имен можно усмотреть киргизское фонетическое влияние. Что же касается отмечаемой Ч. Джумагуловым «примеси ломаного казахского языка», то его наблюдение, очевидно, слишком тонкое, чтобы эту «примесь» можно было заметить, объективно оценить и надежно отличить от киргизского или «чагатайского» субстрата.

Вследствие специфики тюркского синтаксиса в приводимых переводах надписей невозможно сохранить оригинальный порядок лексических частей текста, поэтому разделение на строки сохранено только в графическом воспроизведении эпитафий. Обозначение долготы гласных в транскрипции персо- и тюркоязычных слов условно и передает только особенности начертания в арабской графике. В литературных индексах комментариев не используются буквы *ë, з, й, о, щ, ь, ы, ь*.

Чтение и перевод надписей

1. Эпитафия Мамыта Аджи, 1910 г.

Содержит две надписи на разных гранях камня (рис. 1).

Надпись 1-А. 12 строк, разделенных двойными линиями, внизу орнамент. Начала нескольких строк на фото, по которому читался текст, скрыты под слоем лишайника. Очевидно, по той же причине пропущены отдельные знаки в публикуемой прорисовке из альбома [3, с. 157]; впрочем, практически все из них удалось восстановить по контексту.

Текст

É½A ÜA É»A Ü [1]
É½A ¾½mi fÅŠ [2]
¹ ÅÅ ÓUE OĪ¿B¿ [3]



ÓÇ 1910 ÓMāi Bík [4]
 j IB ı İe ÓÇ 28 ÊFÁMÍ [5]
 ÊFÁMÍ · ÊJÁq Ém Êe [6]
 ÓUE ÓT;B; [7]
 Ó%ŞÉA ÓBŕÁBU [8]
 ÊFÁqBÍ ÓÇ 70 [9]
 ÆAeBÁ°A iAe ÌI [10]
 Ó%Yi Ê«B'J»A iAe [11]
 ÓeYÍ[A] [12]

Перевод

Нет бога, кроме Аллâха, Муḥаммад – посланник Аллâха. Могила^а Мамыта аджй^б. В. 1910 году, 28 декабря, во вторник^в Мамыт аджй сын Джант̄я в возрасте 70 лет из этого бренного мира в мир вечный отправился.

Комментарий

а) Передано араб.-перс. Rıvık ziyārat (букв. ‘посещение’) в сопряженном состоянии и с лишним алифом после rā.

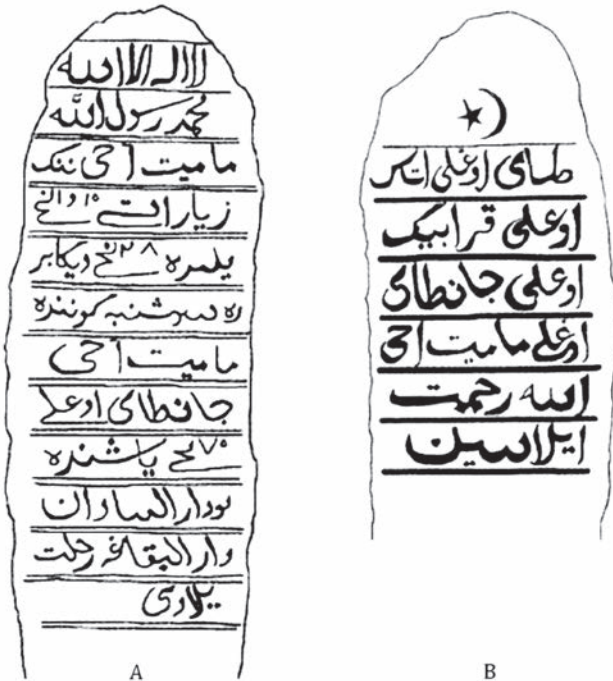


Рис. 1. Эпитафия Мамыта Аджи. Прорисовка заимствована из [3, с. 157]

Fig. 1. Epitaph of Mamyt Aji. The drawing is borrowed from [3, p. 157]



б) Форма имени *Мамыт* (граф. ОӢѳѳ *māmīt*), очевидно, образована от араб. *elĀṢ Maḥmūd* и передает местное (киргизское) произношение этого имени; то же явление отражено и в слове *аджи* (искаж. араб. *ḪBY ḫādjǰ* < тадж. *ОУВУ ḫādjī* ‘паломник’).

в) 28 декабря 1910 г. по «старому» (юлианскому) стилю действительно приходилось на вторник.

Надпись 1-В. 6 строк в технике «оброна» (выпуклые буквы на заглубленном фоне), разделенных линиями, сверху – изображение звезды и полумесяца.

Текст

É·BMA Ó¼SÉA ÖBÄ• [1]
¹ TIAj ³ Ó¼SÉA [2]
 ÖBñABU Ó¼SÉA [3]
 ÓUA OŢѳѳ Ó¼SÉA [4]
 O> i É¼A [5]
 ÄmÝĪA [6]

Перевод

Мамйт аджи сын Джантӳя сына Қарӳбека сына Атаке сына Тынӳя. Да помилует^г [их всех] Аллӳх!

Комментарий

г) В слове " *mÝĪA* пропущен зубец для предпоследней буквы *Ī*, на месте которой внизу проставлены только относящиеся к ней две диакритические точки.

2. Эпитафии Бюби Г<...>ан и Джамалган Биби, 1911 г.

Памятник дефектный: верхняя часть с первыми строками стесана, в средней части – два сквозных отверстия, в одно из которых вставлен железный штырь с прямоугольными шайбами. Содержит три надписи на разных гранях камня (рис. 2). Приведенные здесь прорисовки из книги [3, с. 179] не вполне точны, поэтому чтение надписей скорректировано по моим снимкам, вполне разборчивым для изучения, но, к сожалению, недостаточно четким для воспроизведения в публикации.

Надпись 2-А. 12 строк, разделенных линиями, из которых полностью утрачена строка 1 и сильно повреждены средние части строк 3–4 и 6–7; внизу – растительно-геометрический орнамент.

Текст

[É¼A ÜA É¼A Ü] [1]
 É¼A ¾Īmi fĀS [2]
 ÉfĀMÍ ÓCE (?) 1911 [3]



(?)...@ ÓE 11 [4]
 ÆI· ÉJÁqËe [5]
 ÆB[...]« ÓI|I [6]
 Æ[ÆFI]Bq [7]
 ÓI³ ÓUBY [8]
 ÉFÁqBÍ ÓE 13 [9]
 ÆFÁMí Ì U BÍÁe ÌI [10]
 É« ÓMí Ì U Pja Æ [11]
 ÔeÝIA j°m [12]

Перевод

Нет бога, кроме Аллâха, Муḫаммад – посланник Аллâха. В 1911 году, 11 м[арта?]^д, в понедельник, Бўбй Г<...>ан^е (?) дочь Шâбдâна ḫâджй в возрасте 13 лет отправилась из обители этого мира в обитель мира последнего.

Комментарий

д) Либо 'м[ая]', или же (что гораздо менее вероятно, но в целом не исключено) араб. м[уḫаррама].



Рис. 2. Эпитафии Бюби Г<...>ан и Джамалган Биби. Прорисовка заимствована из [3, с. 179]
 Fig. 2. Epitaphs of Bübi Gh<...>an and Jamalghan Bibi. The drawing is borrowed from [3, p. 179]



е) Судя по орфографии (*vāv* после первого *bā* определенно указывает на лабиальность гласного ряда), первая часть имени – $\text{Ó}|\text{I}|\text{I}$, скорее всего, произносилась как *Бюбю* (кирг. *бүбү*). О форме второй его части, поврежденной пробитым через это слово отверстием, можно только гадать: по созвучию с именем сестры (надпись 2-В, стк. 4) здесь могло быть, например, *Ғамзахāн* или *Ғунчахāн* [ср.: 4, с. 138, 141].

Надпись 2-В. 12 строк, разделенных линиями, первая из которых полностью утрачена; внизу – растительно-геометрический орнамент.

Текст

<...> [1]
 ÊFMI ÓE 1911 Êe ÉÍjVÇ [2]
 Æ|· É·š ÊFM B; 11 [3]
 | I ÓI ÆB→Bš [4]
 Æ[AFI]Bq [5]
 ÓI³ ÓUBY [6]
 ÊFÁqBÍ ÓE 8 [7]
 ÓMi Ì U BÍÆe Ì I [8]
 PjaA ÆAe [9]
 j °m É-ÍM Ì U [10]
 O> i É¼A ÓeÝÍA [11]
 " ¿E " mÝÍA [12]

Перевод

<...> хиджры, в 1911 году, в марте, в пятницу, ДжамālҒāн бйбй дочь Шāбдāна хāджй в возрасте 8 лет отправилась из обители этого мира в обитель мира последнего. Да помилует [ее] Аллāх! Аминь.

Надпись 2-С. На боковой грани, состоит из 7 коротких строк, в последней из которых всего одна буква (окончание имени из стк. 6). Слово в начале стк. 4 повреждено и однозначно не читается.

Текст

Ì JqÉA [1]
 ÓĀ t BM [2]
 t BN, ÍjI [3]
 ÓqBM (?)É→ [4]
 AI³ ÓUI «KBÍ [5]
 AF»BI Ý; ¶I [6]
 ¶I [7]

Перевод

Этот камень [уроженец] Берйктāша [...] (?), [на] камне пишущий, – казахский муллā Бāлдāк.



3. Эпитафия Шабдан-батыра хаджи, 1912 г.

Памятник дефектный: верхняя часть с первыми строками отбита. Две надписи на противоположащих гранях камня, вторая из которых состоит из 3 самостоятельных частей. Фотографии памятника, по которым выполнено чтение, остались в Институте истории АН Кыргызстана, у меня сохранилась только графическая фиксация текста, поэтому данная эпитафия публикуется без иллюстраций.

Надпись 3-А. 14 строк крупным почерком в технике «оброна» (выпуклые буквы на заглубленном фоне). Первая строка утрачена в результате откола, но восстанавливается по контексту. Строки подчеркнуты выпуклыми прямыми линиями с двойными закруглениями на концах наподобие киргизского национального орнамента «кочкор муйуз». Строки 10–14 высечены более мелким почерком без разделителей.

Текст

- [1] [كل من عليها فان ويبقى]
- [2] وجه ربك ذو الجلال والاكرام
- [3] صارباغش ايلنيك الحاج الحرمين
- [4] شابدان باطر حاجى جانتاي
- [5] او على سنة ١٣٣٠هـ سنة ٣ جمادى الاولى جمعه
١٩١٢م
- [6] كون ٧٣ نجى ياشنده بودار
- [7] الفنادن دار البقاغه رحلت
- [8] ايلادى مرحوم قرغز قزاقنيك
- [9] ايك معتبرلرندن بولدغى كى روسيه
- [10] حكومتنك اسبابى وسطى فتح دورنده
- [11] يك بيوك خدمتلىر ايتوب حكومت
- [12] و ايسكاواى اصطرشنه
- [13] لوازمين المش ايدى جناب الله
- [14] نيك [ر]حمته ابدية سينه مظهر بولقاي (?) ايدى

Перевод

[Всякий, кто на ней, исчезнет, и останется] лик Господа твоего со славой и достоинством*.

Сарыбагышского племени^к, паломник в оба священных (города)^л Шабдан батыр хаджи сын Джантая в 133[0]^м году х[иджры] / 1912 м[иләдй]^н, 3 джума[да] ал-ула, в день пятницы, в возрасте 73 лет отправился из этой обители бренности в обитель вечности. Покойный^н в числе самых достойных из киргиз-казаков^р за великие заслуги во время завоевания русскими властями Средней Азии^с получил от властей должность войскового старшины^т. (Теперь же) он вечной милости Господа Бога удостоился(?)^у.



Комментарий

*–ж) То есть на земле.

и) Коран, 55:26–27. Перевод И. Ю. Крачковского.

к) Букв. ‘народа’; соответствует многозначному *эл* в совр. киргизском [5, с. 946].

л) Неудачная перефразировка арабского «развернутого» синонима ‘паломника в Мекку и Медину’ – “ $\text{ج} \text{†} \text{آ} \text{ع} \text{خ} \text{ب} \text{†} \text{ا} \text{ب} \text{ب} \text{ن} \text{ا} / \text{j} \text{b}^-$, довольно употребительного в средневековой погребальной эпиграфике; ср., напр.: [6, с. 159–160, 182; 7, с. 226]: отказавшись от первого слова и приняв следующее $\text{خ} \text{ب} \text{†} \text{ا}$ за обычное ед.ч. ‘паломник’, автору надписи следовало поставить его в *status constructus* без определенного члена *ал*.

м) Пропуск нуля в датах (кстати, очень часто передаваемого в поздних надписях не точкой, а маленьким кружком) – вполне обычное явление в среднеазиатской палеографии, нередко наблюдаемое в «провинциальных» документах и на монетах Коканда и Бухары, а также соседнего Афганистана.

н) Сокр. из $\text{OeYI} \text{z}$ «от рождества [Христового]», по европейскому летоисчислению – в данном случае, очевидно, по «старому» (юлианскому) стилю.

п) $\text{آل} \text{Yj} \text{z}$ – араб. *мархум*, букв. ‘помилованный’ (совр. кирг. *маркум*, *маркун*) – распространенный в Средней Азии метоним понятия «скончавшийся, покойный»; этимологически связан со ставшей почти канонической при упоминании усопшего (как устно, так и в надписях) инвокацией «да помилует его Аллах!» (араб. $\text{E} \text{آ} \text{E} \text{i}$, тюрк. $\text{Al} \text{r} \text{Al}^3 / \text{Al} \text{mY} \text{Al} \text{O} > \text{i} \text{E} \text{آ}$).

р) В досоветской России этим этнонимом обычно именовались казахи (иначе «киргиз-кайсаки» или просто «киргизы»), в отличие от собственно киргизов, называвшихся «бурутами» или «дикокаменными киргизами»: ср. хотя бы [8, с. 7, *passim*].

с) Любопытно, что это название передано не общетюркским *орта асия* (узб. *ўрта осие*, кирг. *орто асия*), а в арабо-таджикском «гибриде» – с изафетом и араб. ж.р. *āсийā-и вустā*.

т) Передано по-русски в арабской графике: обе графемы для [в] (начальной и суффиксальной) в слове ‘войсковой’ изображены буквой *vāv* с точкой сверху, все фонемы [о] показаны буквой *алиф* (ср. лабиализацию долгого [ā] в таджикском), а недопустимое в тюркских языках двухслогное начало слова ‘старшина’ «устраняется» протетическим *алифом*, произносившимся как полугласный [ы].

у) Графика последнего слова на снимке не вполне ясна; я читаю здесь $\text{Of} \text{Al} \text{Ov} \text{†} \text{I}$.

Надпись 3-В. Врезная, на противоположащей неровной грани, состоит из 3 самостоятельных частей, помеченных ниже как 3-В1; 3-В2 и 3-В3. Вся композиция завершается внизу орнаментом из 3 окружностей с изо-



бражением в средней из них 4-лепесткового «цветка», в крайних – вихревых розеток из 6 (слева) и 3 (справа) завитков; нерегулярность этих рисунков заставляет предполагать в них какой-то сакральный смысл.

Часть 3-B1 – справа вверху, на выпуклой части камня, 3 строки углом вправо, первая из них сбита, но восстанавливается по смыслу контекста (имя покойного).

Текст

[ÖBNÄBU ÖUBY ÆAFIBq] [1]
 1 ÄÄ ÖYSÉÄ [2]
 ÖMi BÍk [3]

Перевод

Могила [Шабдана хаджй] сына [Джантай].

Часть 3-B2 – ниже первой, 3 строки по диагонали вверх налево, одна из них частично утрачена, две другие продолжают вертикально на выпуклой части слева, разделенные врезными линиями.

Текст

[ÖBNÄBU] ... Æej Í JqÉÄ [1]
 j • BI ÖBÄ • ÖmBMA j • BI É • BMA [Öi ÜBMA] 1 Iaj³ Öi ÜBMA [2]
 ÆÆe Ö³ÉiÉÄ s «BliBu ... I«j³ ÖYnÄ [3]

Перевод

На этой земле <...>^ф [Джантай], его отец^х – Қарā-бөк, <...>^ч – Атāке бāтыр, его отец – Тынай бāтыр, народность его^и – қирғиз <...> из племени сāрыбāгыш.

Комментарий

ф) Предполагаемая конъектура утраченного слова – что-то наподобие ‘похоронен’, ‘покоится’ и т.п., указание на родовую принадлежность земель по Чон-Кемину [ср.: 8, с. 329–330; 9, с. 91, 93, 102; 10, с. 484 сл.].

х) Öi ÜBMA аталары, букв. «отцы; предки» (мн.ч.) – очевидно, просто в качестве «вежливого» plur. ethic.

ц) По контексту и с учетом размера сбитого участка здесь должно быть такое же аталары (см. комм. у), в крайнем случае – атасы, как перед именем Тыная.

ч) Насл (из араб. ½رأس) – ‘род, порода’; ‘происхождение’.

Часть 3-B3 – внизу справа под чертой, 9 строк, доходящие до неровного выступа с вертикальными концами надписи 3-B2.

Текст

А ÉNÄU ÖB' M ÉYÄ [1]
 ÖÄIBU Æe p Æej ° [2]
 " ¿E ÖFIA ÖeYÄ [3]



Ÿ; ¶AI³ ÆB«kBÍ i a [4]
 j íF¶I³ XBY ÛIM ¶AF»BI [5]
 i Ÿ¶AiBÍ L ÝÍÉA ÆÍ ÌM Öe [6]
 ÉÍAj m ÆBU BÍÆe ÌJqÉA [7]
 Ém ½· ÖN³É ÖeBN· [8]
 ١٣٣٣هـ Á1912 LAF»A ÆÍ· jI [9]

Перевод

Да устроит Аллâх всевышний место его [упокоения] в райских садах! Аминь. *Написав (эту) надпись^ш, казахский муллâ Балдâқ [как бы] полный хâджж совершил, размышляя о сущности. Друзья^з, дворец души^о сей мир покидает, когда придет время, однажды изменив^а. 1912 м[ÿlâdÿ]^и, 1330 год х[иджры].

Комментарий

*–ш) Отсюда и до указания даты приведен текст на староузбекском языке, синтаксис которого изменен с целью придания ему «стихоподобности»; композиционно делится на две части, заканчивающиеся рифмой на – аб (стк. 6 – ÿйлаб, стк. 9 – алдаб).

э) Любопытная форма редуцированного множественного числа: персидское ÿâr ‘друг’, уже оформленное суффиксом мн.ч. –ân, «умножается» еще раз добавлением тюркского суффикса мн.ч. – лар.

ю) То есть сам человек, его телесная оболочка.

я) LAF»A алдаб – букв. ‘обманув’. Конец фразы неясен; возможно, здесь скрыта какая-то игра слов: слово кун ‘день’ имеет также значения ‘солнце’, ‘час, пора, срок’, и отсюда иносказательно ‘смертный час’.

4. Эпитафия Иман-'Али хаджи, год утрачен ([13]22/1904?)

Дефектный. Содержит две надписи на разных гранях камня (рис. 3).

Надпись 4-А. 10 строк, разделенных двойными линиями, первые 5 из которых практически утрачены, очевидно, в результате обширного механического повреждения. Отсутствует также конец текста (1 или 2 строки).

Текст

<...> [1]
 (?) حى <...> | [2]
 <...> حا [3]
 <...> زيا [4]
 <...> ٢٢ (?) [5]
 6] شه رسد[به] بر (?) يونده [6]
 7] ايمان علي حاجي [7]
 8] جانظاي او علي [8]
 9] ٥٧ ياشنده دار الفنا [9]
 10] دن دار البقاغه [10]
 <...> [11]

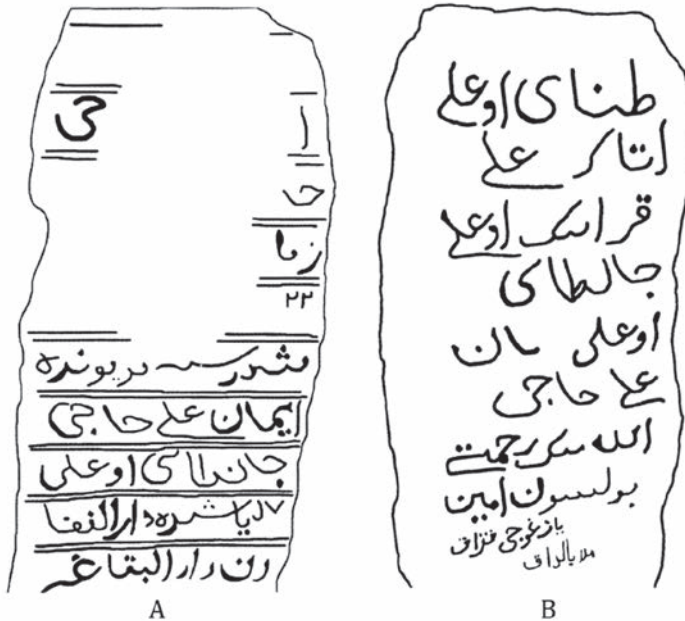


Рис. 3. Эпитафия Иман 'Али хаджи. Прорисовка заимствована из [3, с. 158]
 Fig. 3. Epitaph of Iman 'Ali Haji. The drawing is borrowed from [3, p. 158]

Перевод

<...>. Могила^{аа} <...> [13]22 (?) [в] среду^{аб} (?), первого (?)^{ав} июня, Йман 'Али хаджи сын Джант'ая в возрасте 57 лет из этого брэнного мира в мир вечный <...>.

Комментарий

аа) Очевидно, испорченное сколом $\text{Om}i\text{B}ik$ или $\text{Om}i\text{B}ik\ ziy\bar{a}[rati]$; ср. 1-A, комм. а

аб) Графика слова искажена, но чтение его как $\text{E}j\bar{A}mi\ \bar{E}q$ не вызывает сомнений – это «усредненное» между тадж. *чоршанбе*, кирг. *шаршенби* и каз. *сәрсенбі* 'среда'.

ав) Скорее всего, «обесточенное» $j\bar{a}\ bir$ 'один' (вместо $\bar{i}\text{E}j\bar{a}\ birinchi$ 'первый').

Надпись 4-В. 8 строк крупным неровным почерком, внизу – 2 строки мелким письмом.

Текст

$\text{O}^{\wedge}\text{S}\bar{E}\bar{A}\ \bar{O}\bar{B}\bar{A}\cdot$ [1]
 $\text{O}^{\wedge}\text{S}\bar{E}\bar{A}\ \bar{E}\cdot\text{B}i\bar{M}$ [2]
 $\text{O}^{\wedge}\text{S}\bar{E}\bar{A}\ ^1\bar{T}i\bar{A}j\ ^3$ [3]



ÖBŋĀBU [4]
 ÆB[^{MA}] ÖVŠĒA [5]
 ÖUBY ÖVŠ [6]
 ÖN> i ¹ ĀĀ ÉVĀ [7]
 " ĵA ĒĪ n»Ī [8]
 ¶ĀI³ ÖUĪ «kBĪ [9]
 ¶ĀF»BI Ýĵ [10]

Перевод

[Йм]ān 'Али хаджи сын Джантāя сына Қарāбēка сына Атāке сына Тынāя, да будет [над ним] милость Аллāха! Написал казахский муллā Балдāк.

Другие памятники комплекса

В эпиграфических альбомах [2, с. 161–164, 292–296; 3, с. 178, 180–181, 184–185] опубликованы довольно слабые фотоснимки и не всегда точные прорисовки еще нескольких надмогильных камней, происходящих из того же региона и в большинстве относящихся к тому же типу памятников, что и рассмотренные выше, и в таком качестве тоже заслуживающих подробного исследования и адекватной публикации. Это стелы для захоронений Мурад 'Али-батыра (ум. в 1309/1892 г.), Биби Фахринисы дочери Халилуллы (1318/1901 г.), юного Мухаммада Сапарбая сына Адына (умер в 5-летнем возрасте 10 февраля 1906 г.), Марзи Шакир кызы (1340/1921 г.) и дефектный памятник 1324/1906 г. с утраченным именем усопшей. Все эти памятники, судя по характерному почерку, в двух случаях «подкрепленному» и личной подписью, были изготовлены тем же муллоу Балдаком (он же Балдакбай).

«Сарыбагышские» эпитафии как исторический источник

Рассмотренные эпитафии, наряду с другими погребальными надписями втор. пол. XIX – нач. XX в., отмеченными в ряде мест Северной Киргизии и выполненными на казахском, киргизском или узбекском языках (иногда с заметным влиянием татарского, что объясняется появлением здесь казанских и оренбургских миссионеров), можно рассматривать как позднейшую реминисценцию мусульманской похоронной обрядности, вызванную новым оживлением городской культуры под влиянием капиталистических элементов в хозяйстве и быте, принесенных русским завоеванием и присоединением Южного Казахстана и Киргизии к России.

Среди этих поздних памятников весьма интересный и ценный в историческом отношении комплекс представляют собой т.н. «сарыбагышские» стелы – надмогильные памятники, происходящие из Чон-Кемина и окрестных мест, где обитал род *тынай* племени *сарыбагыш*.



Хотя от этого периода сохранилось достаточно документальных (архивных) и других письменных источников, как русских, так и киргизских, «сарыбагышские» эпитафии удачно дополняют их данные новыми, подчас неожиданными нюансами.

Как показывает анализ содержания рассмотренных эпитафий, все они посвящены близкородственным членам одной семьи – родным братьям Шабдану, Мамыту и Иман-‘Али, сыновьям Джантая из племени *сарыбагыш*, рода тынай или *атеке* (*атаке*) [ср.: 11, с. 83], а также двум дочерям Шабдана, скончавшимся одна за другой весной 1911 г. (возможно, от какой-то скоротечной заразной болезни) в возрасте 13 и 8 лет.

В погребальной надписи, изготовленной для установки на могиле Шабдана Джантаева (1839–1912) – знаменитого киргизского манапа (главы рода) и военачальника – приводится его родословная до 4-го колена, сообщается, что он «отправился из этой обители бренности в обитель вечности» в пятницу, 3 *джумада I* 1330 г. х. (соотв. 6/19 апреля 1912 г.) на 73-м году жизни, а также говорится, что «покойный в числе самых достойных из *кыргыз-казаков* за великие заслуги во время завоевания русскими властями Средней Азии получил от властей должность войскового стар-



Рис. 4. Шабдан Джантаев в кругу семьи. Фото 1908 г.

(Источник: РГАКФД, сайт «Кыргызский фотоархив», режим доступа: <http://www.foto.kg/galereya/2235-istoricheskie-lichnosti-shabdan-dzhantaev-v-krugu-semi.html>)

Fig. 4. Shabdan Jantaev in the bosom of his family. Photo taken in 1908.

(Source: <http://www.foto.kg/galereya/2235-istoricheskie-lichnosti-shabdan-dzhantaev-v-krugu-semi.html>)



шины». Любопытно, что упомянутая должность передана в арабской графике, но практически в русской орфографии – $\text{É}\Lambda\text{qj}\ \tilde{\text{n}}\text{u}\Lambda\ \text{Ó}\Lambda\text{É}\text{B}\ \text{r}\Lambda\text{I}\Lambda\text{É}$; даже русское смычное [в] специально выделено точкой над арабской буквой $\text{É}\ \text{v}\dot{\text{a}}\text{v}$, обычно передающей щелевую билабиальную фонему [w]. Участие Шабдана в «завоевании Средней Азии», надо полагать, выразилось в его помощи русским войскам против Кокандского ханства [ср.: 9, с. 249]; термин же *кыргыз-казак*, безусловно, следует понимать как принадлежность киргизского батыра к казачьему сословию – в данном случае в пожалованном ему высоком офицерском чине, после 1885 г. соответствовавшем званию подполковника регулярной армии.

Киргизский манап (родоправитель) Шабдан, его отец Джантай и более отдаленные предки – в частности, Атаке сын Тынай-бия – широко известные деятели, оставившие заметный след в истории досоветской России. Атаке-батыр, например, состоял в переписке с двором Екатерины II [10, с. 484–487], ходатайствуя о российском политическом покровительстве. Не последнюю роль в присоединении Киргизии к России сыграл в середине XIX в. и Джантай [10, с. 560, 580; 11, с. 62]. О самом Шабдане и некоторых из его сыновей известно из многих источников и документов конца XIX – начала XX в. [см.: 9, с. 27, 170, 248 сл.; 12, с. 146, 298, 341; 13, с. 71–74, 87 и мн. др.]. Жизнеописанию его семьи посвящены два историко-панегирических сочинения киргизского автора Осмонаалы Сыдык уулу (Сыдыкова)³, изданные в Уфе на языке тюрки в арабской графике [14; 15]. Существует автобиография самого Шабдана Джантаева, записанная с его слов Н. А. Аристовым⁴, к сожалению, до сих пор не опубликованная. Рассмотренная выше эпитафия добавляет несколько новых штрихов к политическому портрету этого крупного и влиятельного в свое время деятеля, верой и правдой служившего русским колониальным властям, от которых, как сказано в надписи 3-А, он «за великие заслуги» получил высокое по тем временам звание войскового старшины (офицерский чин в казачьих войсках, после 1835 г. соответствовал подполковнику).

В наши дни распространена версия, по которой имя *Шабдан* происходит от тадж. *зовидона* (перс. $\text{É}\Lambda\text{f}\text{Í}\text{É}\text{B}\text{U}$) и означает соответственно ‘вечность, бессмертие’ (источник – Большой словарь казахских, туркменских, славянских имен⁵ и другие интернет-ресурсы, некритически повто-

³ Осмонаалы Сыдык уулу ($\text{Ó}\Lambda\text{K}\text{É}\Lambda\ \mu\text{Í}\text{f}\text{u}\ \text{Ó}\Lambda\text{S}\ \text{Æ}\text{B}\Lambda\text{RS}$, 1875–1940) – потомок сарыбагышского манапа Абайылды, генеалог, историк и просветитель, автор упомянутых исторических сочинений, сохраняющих научную ценность и в наши дни.

⁴ Аристов Н. А. Западный Тянь-Шань: Усуни и кыргызы или кара-киргызы. СПб.; 1893 (рукопись). В: Архив [Императорского] Русского географического общества. Ф. 65. Оп. 1. Д. 11. Л. 581–590.

⁵ Режим доступа: http://www.ra-om.ru/imena/kaz-turk-rus_names.html?show=1828 [Дата обращения: 12 ноября 2018 г.].



ряющие друг за другом это определение). Однако, судя по названию трактата Осмонаалы Сыдык уулу $\text{É}\bar{\text{I}}\text{B}\bar{\text{z}}\text{eBq} \text{I}\bar{\text{I}}\langle\text{j}\rangle^3 \text{clidM} \text{Ta}'\text{r}\bar{\text{y}}\text{x-u} \text{q}\bar{\text{r}}\text{g}\bar{\text{y}}\text{z-u} \text{šadmānīya}$ [15] (кирг. аналог – *Шабданга багышталган кыргыз тарыхы*), автор возводил имя $\text{A}\bar{\text{A}}\text{f}\text{I}\text{Bq}$ *Шабдан* к перс.-тадж. $\text{A}\bar{\text{B}}\bar{\text{z}}\text{eBq}$ *šādmān/шодмон* ‘радостный, веселый’; эта версия гораздо более правдоподобна, учитывая особенности тюркской (в частности, киргизской) фонематики, допускающей в данном случае частичную ассимиляцию $[dm] \rightarrow [db]$ с последующей метатезой $[db] \rightarrow [bd]$.

В надписи 3-А привлекает внимание такой нюанс, как «завоевание русскими властями Средней Азии» (араб. N^{f} *fatḥ*, примененное в тексте, означает именно «захват, завоевание»). Не оспаривая в принципе общеизвестного факта мирного присоединения Северной Киргизии к России, могу лишь заметить, что здесь речь идет, по всей вероятности, об участии Шабдана в военных действиях на стороне русских против Кокандского ханства [9, с. 249], власть которого прежде распространялась и на киргизские земли вплоть до Иссык-Куля.

Крайне любопытен и требует специального анализа упомянутый в связи с именем Шабдана этноним *кыргыз-казак* (см. комм. *p* к надписи 3-А). Если это не случайная описка автора эпитафии (а для такого допущения у нас нет никаких оснований – слишком высок, так сказать, «сословный ранг» этой работы, чтобы осталась без внимания такая ошибка), то остается предполагать одно из двух: либо здесь имелось в виду, что Шабдан был представлен к офицерскому званию именно «в числе» других отличившихся из казахов, будучи поименован в списке в дополнение к ним, либо данный термин здесь следует понимать не как этноним, равнозначный совр. *казах*, а в значении, примерно соответствующем тогдашнему «казаки, казачество» – имея в виду, что вооруженные конные отряды, выставлявшиеся киргизскими манапами в помощь русским войскам, имели структурное и функциональное сходство с регулярной казачьей конницей. В пользу последнего предположения может свидетельствовать и присвоение Шабдану именно казачьего, а не общевойскового офицерского звания.

Если о Шабдане и некоторых других его родственниках в историографии Кыргызстана имеется достаточно много упоминаний, то его братья, Иман 'Али и Мамыт аджи, и уж тем более его дочери Бюбю Г<...>ан и Джамалган биби, умершие малолетними, такой чести, видимо, не удостоились, и о них мы узнаем только из текстов их надгробий. Впрочем, имя Мамыта Джантаева, учитывая его положение (он тоже манап, как и его брат, и тоже паломник, хотя и без первой буквы – $\text{O}\bar{\text{U}}\bar{\text{E}}$ *ādǰī* вместо $\text{O}\bar{\text{U}}\bar{\text{V}}\bar{\text{Y}}$ *ḫāǰī*), возраст (судя по надписям 1-А, стк. 9, и 3-А, стк. 6, он совсем ненамного моложе Шабдана) и все вытекающие из этих факторов права и возможности, наверняка фигурирует в каких-то официальных документах, письмах, воспоминаниях современников. В свете известных данных,



сообщаемых рассмотренной его эпитафией, это имя, будучи встречено в других источниках, должно привлечь к себе более пристальное внимание. Да и третий брат – Иман 'Али, хотя и был моложе Шабдана и Мамыта, все же дожил до 57 лет и, следовательно, тоже мог оставить свой след в истории региона.

Еще одна деталь в надгробии Шабдана (если она, конечно, правильно понята, имея в виду ее дефектность) вызывает интерес своим, мягко говоря, неполным соответствием действительности. Речь идет о тексте В-2, содержащем намек на то, что земля, на которой похоронен манап, является наследственным родовым владением со времен Тыная (перв. пол. XIX в.). Во-первых, имеются вполне надежные свидетельства о том, что Тынай-бий и его взрослые сыновья Атаке и Сатыбалды жили в окрестностях Андижана и были изгнаны оттуда местным беком [17], однако предание ясно указывает на переселение в Чуйскую долину только сыновей, никак не упоминая об отце, который, по всем данным, умер и похоронен еще в ферганской земле. Во-вторых, по сведениям, полученным Ч. Валихановым в 1856 г. от прииссыккульских киргизов, виденные им могильные сооружения в верховьях рек Чилик и Тюп принадлежали некоторым сарыбагышским манапам, переселившимся туда из Чуйской долины, – в частности, сыну Атаке – Карабеку, одному из сыновей Джантая и, возможно, самому Джантаю (который, по крайней мере, строил для себя *гумбез* еще в тех местах) [8, с. 329–330; см. также: 9, с. 102].

Специалистам по хронологии будет небезынтересно разобраться в датах памятников, в указании которых по двум не совпадающим между собой календарным системам (мусульманская лунная хиджра и юлианский «старый» стиль) обнаруживаются странные расхождения или, наоборот, смешение элементов разных эр в одной и той же дате. Например, даты кончины обоих манапов (1-А, стк. 4–6 и 3-А, стк. 5–6) при проверке по таблицам [18, с. 108–109] и формулам [19, с. 199–201] показывают расхождение в один день против расчетного: день «28 декабря 1910 года» (памятник 1, эпитафия Мамыта) на самом деле приходился на вторник по старому стилю, но в григорианском календаре, в то время еще не применявшемся в России, это была среда; в надгробии Шабдана, наоборот, пятница 3 *джумада* I 1330 г. х. соответствовала «в числах» 20 апреля 1912 г. н.э. (7 апреля по старому стилю), но в действительности это была суббота. Неопределенности отмечены и в надписи 2-А (стк. 3-5): принимая число года за 1911, мы не подберем название месяца, начинающееся на *м*, для приходящегося на понедельник 11 числа; в надписи же 2-В число месяца вообще не указано. По этому поводу можно высказать ряд логических соображений, приводящих часть этих расхождений в соответствие; к сожалению, объем статьи не позволяет остановиться на них с должной детальностью.



Наконец, стоит сказать несколько слов о явно нетривиальной личности, стоящей за некоторыми из рассмотренных памятников – авторе и исполнителе текстов эпитафии, казахском мулле Балдаке (или Балдакбае), как указано в надписи 2-С, родом из Берик-Таша (возможно, совр. пос. Бериктас в Жамбылском районе Алматинской области или же одноименный аул в Кордайском районе Жамбылской области Казахстана). Подпись его встречена на 6 камнях, 4 из которых публикуются в настоящей работе; впрочем, судя по почерку надписей, оформлению, некоторым языковым и стилистическим характеристикам, его рукой могли быть изготовлены все 9 известных на сегодня памятников из рассматриваемого комплекса. В этих специфических произведениях чон-кеминский мулла проявил себя не только как опытный писец и оформитель, но и как весьма образованный для своего времени и окружения человек. Не приходится сомневаться, что он в достаточной мере владел несколькими языками: естественно, своим родным (казахским), местным (киргизским), литературным «чагатайским» и, конечно, традиционным для образованного мусульманина арабским (хотя, как показывают надписи, не без изъянов). В некоторых текстах мулла Балдак предстает перед нами как тонко чувствующий поэт и даже философ созерцательно-элегического склада.

С другой стороны, при всей высокой грамотности и богатой духовности Балдакбая его трудно «заподозрить» в стремлении распространять образованность среди местного населения. Абсолютное преобладание среди известных надгробий его работ, предназначенных по крайней мере для двух достаточно удаленных друг от друга кладбищ, может говорить о том, что почтенный мулла, возможно, был единственным в округе, кто мог производить и на протяжении многих лет, действительно, производил эту скорбную продукцию – естественно, получая за нее постоянную и, надо полагать, немалую плату; поэтому едва ли в его интересах было широко делиться своими знаниями и профессиональными навыками с односельчанами-киргизами.

Заключение

Структура рассмотренного текстового материала и объем настоящей работы не позволили в равной степени осветить все важные аспекты этого материала как исторического источника. «За бортом» остались по меньшей мере 5 из 9 доступных нам текстов, относящихся к рассмотренному локальному комплексу, и еще несколько надмогильников из пос. Быстровка и других пунктов Токмакского района. «Сарыбагышские» эпитафии представляют большой интерес как источник по истории языка и письменности в регионе, шире – как редкий и специфический комплексный памятник материальной и духовной культуры многонационального населения Центральной Азии Нового



времени. Поэтому одной из важных задач современных и будущих источниковедов следует считать более активный поиск, адекватную фиксацию и всестороннее исследование новых, пока еще доступных памятников мусульманской эпиграфики, которых с каждым годом, к сожалению, остается все меньше.

Список сокращений

РГАКФД — Российский государственный архив кинофотодокументов. М. о., Красногорск. Сайт: <http://www.rgakfd.ru>

Источники

Аристов Н. А. Западный Тянь-Шань: Усуни и кыргызы или кара-киргызы. СПб.; 1893 (рукопись). В: *Архив [Императорского] Русского географического общества*. Ф. 65. Оп. I. Д. 11. Л. 581–590.

Литература

1. Иванов Д. Л. По поводу некоторых Туркестанских древностей. *Известия Императорского русского географического общества*. СПб.; 1885;21;3:162–177.
2. Джумагулов Ч. *Эпиграфика Киргизии*. Вып. 2. Фрунзе: Илим; 1982. 296 с.
3. Табалдиев К., Белек К. *Памятники письменности на камне Кыргызстана (свод памятников письменности на камне)*. Бишкек: Учкун; 2008. 336 с.
4. Гафуров А. *Имя и история: Об именах арабов, персов, таджиков и тюрков: Словарь*. М.: Главная редакция восточной литературы; 1987. 221 с.
5. Юдахин К. К. (сост.) *Киргизско-русский словарь*. М.: Советская энциклопедия, 1965.
6. Горячева В. Д., Настич В. Н. Эпиграфические памятники Узгена XII–XX вв. В: Давидович Е. А. (ред.) *Киргизия при Караханидах*. Фрунзе: Илим; 1983. С. 140–193.
7. Настич В. Н. Арабские и персидские надписи на кайраках с городища Бурана. В: Давидович Е. А. (ред.) *Киргизия при Караханидах*. Фрунзе: Илим; 1983. С. 221–234.
8. Плоских В. М. *Киргизы и Кокандское ханство*. Фрунзе: Илим; 1977. 368 с.
9. Валиханов Ч. Ч. *Собрание сочинений в пяти томах*. Алма-Ата: Казахская советская энциклопедия; 1984. Т. 1. 430 с.
10. *История Киргизской ССР. С древнейших времен до наших дней*. Фрунзе: Кыргызстан; 1984. Т. 1. 705 с.
11. Валиханов Ч. Ч. *Собрание сочинений в пяти томах*. Алма-Ата: Казахская советская энциклопедия; 1985. Т. 2. 415 с.
12. *История Киргизской ССР. С древнейших времен до наших дней*. Фрунзе: Кыргызстан; 1986. Т. 2. 477 с.
13. Чукубаев А. А. *Классовая борьба и общественная мысль в Киргизии (1900–1917 гг.)*. Фрунзе: Кыргызстан; 1967. 162 с.
14. Сыдыков О. 1331 ,В'ЕА .ÉÍ «j³ сÍiBM jvN< .Ó«ЕА рÍfU ОУS АВАRS. Уфа: Электр-типография Т-ва «Каримов, Хусайнов и К°»; 1913. 79 с. (На старокирг. яз.)



15. Сыдыков О. 1332 ,В'ĒА . ĒṬṬḂ;еВq ṬṬ«jṬ³ сlṭṬM . О'«ĒА ṆfṬ О'Ṭ ḂBARS = *Тарых кыргыз Шадмания*. Уфа: Электротипография «Восточная печать»; 1914. 188 с. (На старокирг. яз.)

16. Загрязский Г. С. Очерки Токмакского уезда. *Туркестанские ведомости*; 1873;9-10.

17. Цыбульский В. В. *Современные календари стран Ближнего и Среднего Востока: Синхронистические таблицы и пояснения*. М.: Наука; 1964. 236 с.

18. Селешников С. И. *История календаря и хронология*. 2-е изд. М.: Главная редакция физико-математической литературы; 1972. 224 с.

References

1. Ivanov D. L. Apropos some Turkestan antiquities. *Izvestiya Imperatorskogo russkogo geograficheskogo obshchestva*. 1885;21(3):162-177. (In Russ.)

2. Dzhumagulov Ch. *Epigraphy of Kirghizia*. Iss. 2. Frunze: Ilim; 1982. (In Russ.)

3. Tabaldiev K., Belek K. *Monuments of Writing on Stones from Kyrgyzstan (corpus of writings on stone)*. Bishkek: Uchkun; 2008. (In Russ.)

4. Gafurov A. *Name and History: On the Names of Arabs, Persians, Tajiks and Turks*. Moscow: Glavnaya redaktsiya vostochnoi literatury; 1987. (In Russ.)

5. Yudakhin K. K. (ed.) *Kirghiz-Russian Dictionary*. Moscow: Sovetskaya Entsiklopediya; 1965. (In Russ.)

6. Goryacheva V. D., Nastich V. N. Epigraphic Monuments of Uzgen from the 12th – 20th centuries. In: Davidovich E. A. (ed.) *Kirghizia under the Qarakhanids*. Frunze: Ilim; 1983, pp. 140-193. (In Russ.)

7. Nastich V. N. Arabic and Persian inscriptions on the qayraqs from the site of Burana. In: Davidovich E. A. (ed.) *Kirghizia under the Qarakhanids*. Frunze: Ilim; 1983, pp. 221-234. (In Russ.)

8. Ploskikh V. M. *The Kirghiz and the Khoqand Khanate*. Frunze: Ilim; 1977. (In Russ.)

9. Valikhanov Ch. Ch. *Collected Works in Five Volumes*. Alma-Ata: Kazakhskaya sovetskaya entsiklopediya; 1984. Vol. 1. (In Russ.)

10. *History of the Kirghiz SSR. From Ancient Times to the Present Day*. Frunze: Kyrgyzstan; 1984. Vol. 1. (In Russ.)

11. Valikhanov Ch. Ch. *Collected Works in Five Volumes*. Alma-Ata: Kazakhskaya sovetskaya entsiklopediya; 1985. Vol. 2. (In Russ.)

12. *History of the Kirghiz SSR. From Ancient Times to the Present Day*. Frunze: Kyrgyzstan; 1986. Vol. 2. (In Russ.)

13. Chukubaev A. A. *Class Struggle and Social Thought in Kyrgyzstan (1900-1917)*. Frunze: Kyrgyzstan; 1967. (In Russ.)

14. Sydykov O. 'Uṭmān 'Alī Ṣiddīq Ūḡlī. *Muxtaṣar Ta'riḫ Qīrḡīziya. Ūfā; 1331*. Ufa: Elektro-tipografiya Tovarishchestva "Karimov, Khusainov i K°"; 1913. (In Old Kyrgyz)

15. Sydykov O. 'Uṭmān 'Alī Ṣiddīq Ūḡlī. *Ta'riḫ Qīrḡīz Ṣādmāniya. Ūfā; 1331*. Ufa: Elektrotipografiya "Vostochnaya pechat"; 1914. (In Old Kyrgyz)

16. Zagryazhskii G. S. Essays of the Tokmak County. *Turkestanskije vedomosti*. 1873;9-10. (In Russ.)



17. Tsybul'skii V. V. *Modern calendars of the Near and Middle East Countries: Synchronistical Tables and Explanations*. Moscow: Nauka; 1964. (In Russ.)

18. Seleshnikov S. I. *Calendar History and Chronology*. 2nd ed. Moscow: Glavnaya redaktsiya fiziko-matematicheskoi literatury; 1972. (In Russ.)

Информация об авторе

Настич Владимир Нилович, кандидат исторических наук, руководитель Отдела памятников письменности народов Востока Института востоковедения РАН, г. Москва, Российская Федерация.

Information about the author

Vladimir N. Nastich, Cand. Sci. (Hist.), Head of the Department of Oriental Written Sources. Institute of Oriental Studies, Moscow, Russian Federation.

Раскрытие информации о конфликте интересов

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Conflicts of Interest Disclosure

The author declares that there is no conflict of interest.

Информация о статье

Поступила в редакцию: 17 сентября 2018 г.

Одобрена рецензентами: 9 октября 2018 г.

Принята к публикации: 2 ноября 2018 г.

Article info

Received: September 17, 2018

Reviewed: October 9, 2018

Accepted: November 2, 2018

The 200th Anniversary of the Institute of Oriental Studies

К 200-летию Института востоковедения РАН

DOI 10.31696/2618-7043-2018-1-3-4-424-458

УДК 93/94

Оригинальная статья

Original Paper

Становление и развитие китаеведения в Институте востоковедения РАН

Ю. В. Чудодеев

Институт востоковедения РАН, г. Москва, Российская Федерация,

ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-1941-0467>, e-mail: chudo.yurij@yandex.ru

Резюме: в статье предлагается подробный обзор истории образования и деятельности одного из важнейших центров российского китаеведения – Отдела Китая Института востоковедения АН СССР в 1960–1980 гг. Творческие научные достижения сотрудников отдела излагаются в контексте взаимоотношений науки и советского партийного руководства того времени, характеризующегося тотальной идеологической цензурой, и на фоне описания непростых взаимоотношений между СССР и Китаем.

Ключевые слова: востоковедение в России; Институт востоковедения РАН; китаеведение в СССР; Китай; научная конференция «Общество и государство в Китае»; синология

Для цитирования: Чудодеев Ю. В. Становление и развитие китаеведения в Институте востоковедения РАН. *Ориенталистика*. 2018;1(3-4):424–458. DOI: 10.31696/2618-7043-2018-1-3-4-424-458.

The Chinese Studies, their origin and development at the Institute of Oriental studies of the Russian Academy

Yurij V. Chudodeev

Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russian Federation,

ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-1941-0467>, e-mail: chudo.yurij@yandex.ru

Abstract: the article offers an account on the history of the Department of Chinese Studies at the Institute of the Oriental Studies of the Russian Academy in 1960–1980. This is one of the most important centres of Chinese Studies in the former USSR and in the post-soviet Russia. The article deals with its origins, scholarly activities, and achievements as well as the members of staff. The scholarly achievements are outlined in the context of the complex relationship between the Communist party's views on the Chinese history and the actual findings, which had to be put in accordance with the view of the Party. The ideological censorship was acerbated by the complex and not always easy relations between the Chinese and Soviet communist ideologies on one hand and the USSR and the Peoples Republic of China on the other.

Keywords: Russian Academy of Sciences Institute of Oriental Studies of; Sinology; “Society and State in China” meeting on; USSR, Chinese Studies in



For citation: Chudodeev Y. V. The Chinese Studies, their origin and development at the Institute of Oriental studies of the Russian Academy. *Orientalistica*. 2018;1(3-4):424–458. (In Russ.) DOI: 10.31696/2618-7043-2018-1-3-4-424-458.

Введение

Китай – крупнейшая держава, развитие которой в настоящее время привлекает внимание всего мирового сообщества. Для понимания процессов, происходящих в Поднебесной, необходимо знать и внимательно изучать ее многовековую историю, сложившуюся на протяжении тысячелетий культуру, национальные традиции. Китай – наш ближайший дальневосточный сосед, отношения с которым у России складывались временами далеко не однозначно. Разумеется, в рамках исторически сложившегося стратегического партнерства между РФ и КНР перед российскими Китаеведами стоят задачи, направленные на дальнейшее развитие многостороннего сотрудничества между странами. В связи с этим опыт изучения Китая в одном из подразделений Российской академии наук – Отделе Китая Института востоковедения РАН – представляется полезным.

Как известно, родоначальником Института востоковедения (в 1960–1970-е гг. – Института народов Азии АН СССР), структурного подразделения РАН, изучающего историю, экономику, литературу, культуру, языки стран Востока, был основанный в 1818 г. в Петербурге Азиатский музей – собрание рукописей на различных восточных языках и обширная коллекция книг по востоковедению. В первой половине XIX в. значительную роль в развитии российского востоковедения сыграли представители богатой дворянской армянской семьи Лазаревых (Лазарян). В 1815 г. один из них, Еким Лазарев (1743–1826), основал в Москве армянское училище, преобразованное в 1827 г. в Лазаревский институт восточных языков, где преподавались арабский, персидский, турецкий, армянский, азербайджанский, грузинский языки. С 1921 г. оно было преобразовано в языковедческий Московский институт востоковедения (МИВ), где через некоторое время было введено преподавание и китайского языка. В дальнейшем многие видные отечественные Китаеведы вышли из стен именно этого института. Отметим, что преподавание китайского языка велось в то время также и на факультете восточных языков Санкт-Петербургского университета.

В 1916–1930 гг. директором Азиатского музея был выдающийся российский востоковед, один из основателей российской индологической школы, действительный член РАН С. Ф. Ольденбург (1863–1934). К этому периоду относится научная и преподавательская деятельность выдающегося отечественного Китаеведа – академика Василия Михайловича Алексева (1881–1951), который в 1930–1951 гг. был заведующим китайским кабинетом Азиатского музея, а затем Ленинградского отделения ИВ АН СССР.



В 1930 г. произошла реорганизация востоковедных учреждений АН СССР, выразившаяся в слиянии Азиатского музея, Института буддийской культуры и Туркологического кабинета в единый Институт востоковедения АН СССР. Первым директором его стал С. Ф. Ольденбург. С 1950 г. институт переведен в Москву, а его Ленинградское отделение в 2007 г. выделено в отдельное учреждение – Институт восточных рукописей РАН, который возглавила И. Ф. Попова, историк-китаист, доктор исторических наук (2000).

В послевоенный период, фактически в 1950-е гг., начался процесс формирования современного отечественного китаеведения, его различных центров и направлений. Говоря о подготовке китаеведческих научных кадров, следует иметь в виду, что Китай – это сложный объект научного исследования, учитывая его многовековую историю, особый менталитет нации, традиционализм, трудный для освоения язык и иероглифическую письменность. Изучение Китая требует от специалиста огромных усилий и времени, можно сказать – всей жизни. Неудивительно, что постижение Китая многие годы было уделом лишь немногочисленных энтузиастов.

1950-е гг. ознаменовались существенными изменениями в развитии советско-китайских отношений и соответственно в развитии китаеведения. В этот период в условиях «холодной войны» советское руководство стремилось обрести на восточном направлении верного союзника – только что созданную КНР, располагавшую значительным военным потенциалом. В декабре 1949 г. состоялся визит Мао Цзэдуна в Москву, в рамках которого он встретился с И. В. Сталиным. Одним из результатов встречи двух руководителей-коммунистов стал подписанный 14 февраля 1950 г. Договор о дружбе, союзе и взаимной помощи между СССР и КНР. Вскоре в Советском Союзе были переведены на русский язык и изданы избранные произведения Мао Цзэдуна [1]. Руководил группой переводчиков этого издания видный советский философ и общественный деятель, академик АН СССР П. Ф. Юдин (1899–1968). К работе по переводу трудов китайского лидера были привлечены видные отечественные специалисты – Р. В. Вяткин, Б. С. Исаенко, В. С. Колоколов, Н. Н. Коротков, И. М. Ошанин, И. И. Советов, Н. Т. Федоренко, Л. З. Эйдлин, Цзен Сюфу, Чжоу Суньюань, Ши Чжэ.

Вскоре в СССР стала ощущаться потребность в еще большем количестве китаеведческих кадров, в первую очередь переводчиков, политических аналитиков и др. Кроме востоковедных учебных подразделений Ленинграда (например, восточного факультета ЛГУ), в Москве их подготовкой занимались в МИВ (в 1954 г. институт был объединен с Московским государственным институтом международных отношений МИД СССР – МГИМО), Военном институте иностранных языков (ВИИЯ), Высшей дипломатической школе (ВДШ) при МИД СССР, Институте внешней торговли



при Министерстве внешней торговли СССР, в Дальневосточном государственном университете (Владивосток). Но тем не менее это не способствовало улучшению ситуации, так как на развитии науки и китаеведения в частности не могли не сказаться сталинские репрессии 1930-х гг.

Огромный урон понесло российское китаеведение в этот период: жертвами массовых политических репрессий оказались Ю. К. Щуцкий (1897–1938), Н. А. Невский (1892–1937), Д. М. Позднеев (1865–1937), Б. А. Васильев (1899–1937), М. М. Абрамсон (1898–1938), П. А. Гриневич (1899–1938), П. А. Миф (Фортус; 1901–1938); длительное время провели в заключении Н. И. Конрад, М. И. Казанин, А. Г. Крымов, Г. С. Померанц, В. В. Вишнякова-Акимова, З. С. Дубасова и многие другие.

Необходимость подготовки новых востоковедных кадров обусловила появление в ряде гуманитарных учебных заведений СССР специализированных востоковедных отделений и кафедр. Так, на историческом факультете МГУ им. М. В. Ломоносова во второй половине 1940-х гг. была создана специальная кафедра по изучению стран Дальнего Востока (Китая, Кореи, Японии). Ее возглавляла Лариса Васильевна Симоновская (1902–1972), в то время ведущий специалист по древней и средневековой истории Китая. Одновременно с получением общего исторического образования студенты, обучавшиеся на этой кафедре, уже с первого курса изучали историю, экономику, географию, языки стран Дальнего Востока, в частности Китая. Для того чтобы стимулировать приток студентов на эту кафедру, первое время для тех, кто поступал на истфак, но недобирали один или даже два балла во время конкурсных экзаменов, делалось исключение – их принимали, но с условием специализации, начиная с первого курса, на востоковедных кафедрах.

Коллегой и заместителем Л. В. Симоновской был Георгий Борисович Эренбург (1902–1967), родственник известного писателя Ильи Эренбурга; специалист по новой и новейшей истории Китая, человек мягкий и чрезвычайно доброжелательный. Преподавателями кафедры по изучению стран Дальнего Востока, в частности Китая, были будущие корифеи отечественного китаеведения, в то время еще молодые ученые Владимир Николаевич Никифоров (1920–1990), специализировавшийся на изучении советской историографии Китая, и Михаил Филиппович Юрьев (1918–1990), изучавший историю вооруженных сил КПК и историю китайской революции 1925–1927 гг.

Китайский язык в те годы преподавали такие специалисты-филологи, как Л. Д. Позднеева (1908–1974) и А. П. Рогачёв (1900–1981). Любовь Дмитриевна Позднеева, признанный специалист в области архаичного языка китайских классических канонических текстов (*вэньянь*), была дочерью известного востоковеда Д. М. Позднеева (1865–1937). Многие годы она заведовала кафедрой китайской филологии на филологическом факультете МГУ им. М. В. Ломоносова. Ее докторская диссертация, защищенная



в 1953 г., была посвящена изучению творчества видного китайского писателя Лу Синя [2]. В эти же годы Любовь Дмитриевна занималась также анализом китайской литературной традиции, в частности исследованием выдающегося произведения китайского литературного творчества – романа «Сон в красном тереме» («*Хун лоу мэн*»).

А. П. Рогачёв, изучавший китайский язык в Московском институте востоковедения, совершенствовал его во время длительных стажировок в Китае. Многие годы он посвятил переводу на русский язык ряда произведений китайской классической литературы.

В 1956 г. на базе востоковедных кафедр исторического факультета МГУ им. М. В. Ломоносова был создан Институт восточных языков (ИВЯ) при МГУ, который, в свою очередь, в 1972 г. был реорганизован и получил название Институт стран Азии и Африки (ИСАА).

1950-е гг. ознаменовались появлением первых очерковых трудов по истории Китая. Они преследовали цель прежде всего показать этапы национально-освободительной борьбы китайского народа и развития китайской революции. Это были как самостоятельные очерковые истории Китая, так и отдельные главы по истории Китая в более общих трудах по истории стран зарубежного Востока, а также в начавшей издаваться в те годы многотомной энциклопедии по всемирной истории. Одними из первых работ на этом «очерковом этапе» в советском китаеведении стали совместный труд В. Н. Никифорова, Г. Б. Эренбурга и М. Ф. Юрьева «Народная революция в Китае: очерк истории борьбы и победы китайского народа» [3] (2-е изд., 1953), а также работа Г. Б. Эренбурга «Очерки национально-освободительной борьбы китайского народа в новейшее время» [4]. Вслед за тем были изданы «Очерки истории Китая» Л. В. Симоновской, Г. Б. Эренбурга и М. Ф. Юрьева [5].

Назвать эти труды «сквозными», охватывающими многообразие проблем развития Китая, к сожалению, нельзя. В основном они касались политической истории, причем в основном модной в те годы темы «борьбы народных масс». Для этих работ были характерны слабая источниковедческая база (сказывалось недостаточное количество получаемой из КНР литературы, почти полное отсутствие контактов с китайскими коллегами), одностороннее влияние марксистско-ленинской идеологии, идеологизированный подход к освещению многих событий и их оценке (подгонка объективных исторических фактов под соответствующие постулаты классиков марксизма-ленинизма). Тематика многих работ была связана с «борьбой коммунистической партии Китая за...» и т. д. Следует иметь в виду, что в те годы вся научная деятельность, ее тематика находилась под пристальным контролем ЦК КПСС и цензуры. Вместе с тем не следует отрицать значение этих трудов, как и ряда других работ советских китаеведов тех лет, информировавших советскую общественность о Китае.



Институт китаеведения АН СССР

Важным событием в развитии отечественного китаеведения в научно-организационном плане стало создание в 1956 г. Института китаеведения в рамках АН СССР. Институт китаеведения отделился от Института востоковедения АН СССР, вобрав в себя не только большую часть кадрового состава Отдела Китая, но и некоторых сотрудников, владеющих китайским языком, из ряда других практических организаций СССР – Министерства иностранных дел, Министерства внешней торговли и др. Среди работавших в те годы во вновь созданном институте были Р. В. Вяткин, Л. И. Думан, Б. Н. Занегин, Н. М. Калюжная, М. Г. Прядохин, М. И. Сладковский, Г. Д. Сухарчук, В. Ф. Сорокин, Г. П. Гуревич, А. М. Григорьев и др.

Первым директором нового института назначен кандидат исторических наук Алексей Степанович Перевертайло (1897–1990), выпускник МИВ, заместитель Дальневосточного отдела Совинформбюро (1946–1951), научный сотрудник Института востоковедения АН СССР (1950–1956). Институт начал выпускать журнал «Советское китаеведение».

Значительное влияние на развитие китаеведческой школы в те годы оказывали и труды китайских историков Фань Вэнь-ланя [6], Го Мо-жо [7], Шан Юэ [8] (историческое повествование в изданных под его редакцией «Очерках истории Китая» следовало привычному для китайского читателя порядку смены исторических династий), Пын Мина [9], переведенные в СССР по инициативе и с участием ряда сотрудников Института китаеведения.

Важным событием для отечественного китаеведения в эти годы было издание на русском языке ряда классических произведений традиционной китайской литературы – романов средневекового Китая. К их переводу были привлечены видные отечественные литературоведы – знатоки китайского языка. Так, в 1954 г. в переводе В. А. Панасюка (1924–1990) под редакцией В. С. Колоколова (1896–1979) был издан крупнейший роман китайского Средневековья, по существу, первый китайский роман – историческая эпопея «Троецарствие» («*Сань го яньи*») Ло Гуаньчжуна (1330–1400) [10]. Роман повествует о междоусобице, последовавшей после падения династии Хань в III в. н. э. В 1955 г. в переводе А. П. Рогачёва был издан другой классический роман китайского литератора Ши Най-аня (1300–1370) «Речные заводи» («*Шуй ху чжуань*») [11], в котором содержался рассказ о повстанческом движении в конце правления династии Северная Сун (960–1127). В 1958 г. на русском языке появилось выдающееся произведение китайской классической прозы – роман «Сон в красном тереме» («*Хун лоу мэн*»), автором которого принято считать Цао Сюэ-циня (1715–1763) [12]. Этот роман, который иногда сравнивали с произведениями О. де Бальзака или Л. Н. Толстого, повествовал об истории двух богатых китайских аристократических домов



и подробно описывал нравы той эпохи. Наконец, в 1959 г. в переводе А. П. Рогачёва вышел традиционный китайский роман – монументальная эпопея У Чэн-эня (1500–1582) «Путешествие на Запад» («*Си ю цзи*») [13], повествующая о путешествии монаха танской эпохи Сюань-цзана за буддийскими священными книгами.

Издание самых выдающихся романов в истории традиционной китайской литературы следует считать важным достижением отечественного китаеведения тех лет. Конечно, китайская литература своеобразна с точки зрения лексики, характеристики персонажей, их взаимоотношений, построения сюжетов и т. д. Китайской литературной классике еще предстоит найти путь к российскому читателю, но первый шаг в этом направлении был уже сделан в те годы.

Из научных публикаций, относящихся к периоду существования Института китаеведения АН СССР (точнее, к его завершающему периоду), отметим: 1) большую капитальную работу «Очерки истории Китая в новейшее время» [14], подготовленную коллективом отечественных китаеведов во главе с А. С. Перевертайло (В. И. Глунин, К. В. Кукушкин, Г. В. Астафьев, Т. Н. Акатова, В. П. Илюшечкин и др.); 2) публикацию докторской диссертации С. Л. Тихвинского (1918–2018), защищенную в 1953 г., «Движение за реформы в Китае в конце XIX в. и Кан Ю-вэй» [15] (в 1962 г. она была переведена на китайский язык и издана в КНР).

Под руководством С. Л. Тихвинского

В 1959–1960 гг. директором Института китаеведения стал С. Л. Тихвинский. С одной стороны, советское руководство стремилось повысить уровень Института, в состав которого входил отдел, занимающийся изучением Китая и, соответственно, поставляющий в ЦК КПСС информацию о событиях в КНР (в тот период уже начали возникать трения между КПСС и КПК). Статус С. Л. Тихвинского – тогда единственного среди советских специалистов по Китаю, имеющего звание доктора наук, видного сотрудника МИДа (прошедшего дипломатическую службу в Китае, Великобритании, Японии) – должен был, в свою очередь, продемонстрировать китайской стороне, какое значение СССР придает отношениям со своим дальневосточным соседом. Однако реакция китайской стороны оказалась прямо противоположной. В Китае посчитали, что китаеведение – наука колонизаторов, и сотруднику советского посольства в КНР Н. Г. Сударикову было высказано настойчивое требование прекратить «вмешательство во внутренние дела Китая». В Москве возмущение КНР наличием в СССР специального учреждения по изучению Китая восприняли как указание к действию – в итоге Институт китаеведения был закрыт. Вместе с ним прекратил существование и научный журнал «Советское китаеведение» (вышло всего два номера). Так в 1960 г. по китаеведению в Советском Союзе был нанесен ощутимый удар.



Новый период развития отечественного китаеведения был также связан с организационными моментами. Большинство сотрудников ликвидированного Института китаеведения АН СССР в 1960 г. были переведены в Институт востоковедения АН СССР (который в свете постановления Президиума АН СССР от 13 мая 1960 г. был переименован в Институт народов Азии АН СССР – ИНА) и влились в существующий там Отдел Китая. Первые два года его возглавлял С. Л. Тихвинский, ставший одновременно заместителем директора Института народов Азии, чл.-корр. АН СССР Б. Г. Гафурова (1908–1977) (директор Института востоковедения/Института народов Азии в 1956–1977).

Отдел Китая как подразделение ИНА с самого начала своего нового существования получил определенную автономию. Эта автономия выражалась не только в характере научной тематики (научные интересы большинства сотрудников ориентировались на изучение традиционного Китая, а также его новой истории), но даже в его территориальном расположении. Новому отделу предоставили помещение не в стенах ИНА (который располагался в Армянском переулке), а в здании в Хохловском переулке (в районе Покровских ворот).

Что касается общей ситуации в 1960-е гг., то в это время начался период «оттепели» и одновременно ужесточилась полемика между КПСС и КПК, усложнились отношения между СССР и КНР.

Возможно, именно последнее обстоятельство стимулировало активность группы китаистов, как ученых, так и специалистов-практиков, поставивших вопрос о создании нового закрытого подразделения по Китаю. Важную роль в этом процессе сыграл С. Л. Тихвинский, который, руководя отделом Китая ИНА, регулярно обращался в ЦК КПСС с предложением о создании специального закрытого учреждения в рамках Академии наук для более детального изучения происходивших в КНР и КПК процессов. Инициатива С. Л. Тихвинского была поддержана в ЦК КПСС (в частности, Л. П. Делюсиным, ответственным консультантом в Международном отделе ЦК КПСС). Результатом явилось создание в 1965 г. закрытого Отдела истории при Институте экономики мировой социалистической системы АН СССР. Располагался этот отдел в здании Института марксизма-ленинизма при ЦК КПСС (в районе ВДНХ), но занимался вопросами современного Китая и составлял справки для ЦК КПСС, МИД СССР, КГБ и т. д. В этом подразделении начали работать, переориентировавшись на современную тематику, многие видные отечественные китаеведы, в частности В. И. Глунин, А. М. Григорьев, Б. Н. Занегин, Ю. В. Новгородский, В. Ф. Сорокин, Г. Д. Сухарчук, А. С. Ипатова, А. А. Волохова (Монина) и др.

В конечном итоге по решению ЦК КПСС в соответствии с постановлением Президиума Академии наук СССР от 23–30 сентября 1966 г. был создан Институт Дальнего Востока АН СССР. В 1967–1985 гг. его первым директором был М. И. Сладковский, начиная с 1985 г. – М. Л. Титаренко.



Важным стало определенное «разделение труда» между двумя научными китаеведческими подразделениями Москвы. Отдел Китая, сохранившийся в рамках ИНА (в дальнейшем – Институт востоковедения АН СССР), был призван заниматься вопросами истории, экономики, культуры Китая до 1949 г., т. е. до образования КНР. Соответственно тематикой Института Дальнего Востока становились проблемы современного Китая.

В то время в Отделе Китая работало более 50 человек в нескольких секторах – древней и средневековой истории Китая, новой и новейшей истории и экономики Китая, сектор Большого китайско-русского словаря (БКРС). В дальнейшем появился сектор идеологии и культуры.

Определить Отдел Китая того времени только как коллектив единомышленников недостаточно. Скорее это был коллектив научных индивидуальностей – каждый занимался своим научным сюжетом, обладая относительно свободным правом выбора той научной темы для исследования, к которой по тем или иным причинам был расположен. Какой-либо системы в выборе тематики исследований не сложилось. К счастью, эта тематика не задавалась сверху, и проблема актуальности тех или иных научных сюжетов понималась достаточно широко. По характеру своей подготовки большинство научных сотрудников отдела были больше склонны к изучению политической истории и культуры Китая. В советском китаеведении каких-либо научных школ, возглавляемых выдающимися учеными, к тому времени не сложилось. Начальствующие функции, которые были возложены на определенных сотрудников отдела (ученый секретарь, секретарь партийного бюро или руководитель профсоюзной организации), признавались коллективом, но не играли главенствующей роли. Авторитет каждого сотрудника завоевывался его научными достижениями (представленными к публикации текстами), которые признавали его коллеги. Впрочем, научные споры, возникавшие в ходе обсуждения тех или иных работ или в ходе научных дискуссий, могли или разводить людей, в том числе и в личном плане, или, наоборот, спланивать в те или иные научные группы.

Отдел Китая начал свою деятельность в условиях почти полного прекращения научных контактов и книгообмена с КНР в 1962–1984 гг. Холодная война также резко ограничила научные связи советских китаеведов и с западными коллегами, хотя отдельные взаимные контакты спорадически имели место.

Под руководством Р. В. Вяткина

После ухода С. Л. Тихвинского Отдел Китая возглавил Рудольф Всеволодович Вяткин (1910–1995). Это был серьезный ученый и прекрасный китаист. Он происходил из рода сибирских казаков, хотя родился в г. Базель (Швейцария) в семье российского политэмигранта. За его спиной была довольно длительная военная служба, начавшаяся еще



красноармейцем в Особой Дальневосточной армии под командованием В. К. Блюхера. После окончания в 1939 г. китайского отделения Восточного факультета Дальневосточного государственного университета, где его учителями были видные отечественные китаеведы К. А. Харнский и А. В. Рудаков, в течение 17 лет он работал преподавателем на курсах военных переводчиков Тихоокеанского флота, затем в Военном институте иностранных языков, где заведовал кафедрой китайского языка. Демобилизовавшись в 1956 г. в чине подполковника из Советской армии, Р. В. Вяткин начал работать в системе Академии наук СССР, сначала в должности младшего научного сотрудника в Отделе Китая Института востоковедения АН СССР, но вскоре стал заместителем директора созданного Института китаеведения АН СССР, одновременно возглавив Сектор публикации памятников истории и культуры Китая. Р. В. Вяткин был требовательным администратором, стиль его поведения всегда отличала огромная требовательность к себе и подчиненным и глубокая внутренняя порядочность. Круг его научных интересов многогранен – история китайской исторической науки, в частности творчество древних китайских историографов (Сыма Цяня, Лю Чжици, Ван Чуна) и современная китайская историография, памятники китайской культуры и современная синология в США, англо-китайские отношения в Новейшее время и деятельность советских советников в Китае в 20–30-е гг. прошлого века.

В Отделе Китая Р. В. Вяткин начал реализацию своего главного творческого замысла – полный научный перевод на русский язык выдающегося памятника китайской культуры – «Исторических записок» («Ши цзи»), составленных придворным историографом династии Хань Сыма Цянем (145–86 до н.э.). Этот труд охватывал период от легендарного Желтого императора (*Хуан-ди*) до правления императора династии Хань – У-ди (140–87 до н.э.). «Исторические записки» – капитальный труд, состоявший из 130 глав и включавший более полумиллиона иероглифов, за перевод которого брались многие ученые мирового класса (в частности, европейские и американские китаеведы – Э. Шаванн, Б. Уотсон, Р. Рейнолдс), но никто не довел его до конца. Этому титаническому труду (в самом начале в содружестве со своим коллегой, сотрудником отдела В. С. Таскиным, 1917–1995) Рудольф Всеволодович отдал почти 40 лет своей жизни. Он даже отказывался от многочисленных предложений заняться оформлением докторской диссертации, считая, что это отвлечет его от главной научной цели – перевода «Ши цзи». Правда, уже незадолго до его кончины, учитывая огромные научные заслуги Р. В. Вяткина, по ходатайству научной синологической общности Президиум АН СССР присудил ему ученую степень доктора *Honoris Causa* – редчайший случай в практике советской Академии наук в отношении отечественного ученого.



Р. В. Вяткин много ездил по стране, выступая с лекциями о Китае, развивая чувство дружбы между нашими народами. В его душе были заложены и романтические начала – Рудольф Всеволодович, например, писал стихи, правда, никогда их не публиковал, но иногда читал их на вечерах в отделе. Вспоминаются, в частности, такие строфы под названием «С концерта», написанные Вяткиным в 1974 г.:

«Скерцо и вальсы Шопена, стаккато тонкая вязь,
Прозрачные трели Равеля и – повседневная грязь.
Как совместить антиподы: тонких элегий грусть,
Водку и мат на дорогах, Монбланы мыслей и чувств?»

Р. В. Вяткин немало сделал для более полного ознакомления советских людей с культурой китайского народа. Своеобразным культуроведческим путеводителем стал его справочник по важнейшим китайским культурным достопримечательностям «Музеи и достопримечательности Китая» [16]. Откликнулся он и на современные тенденции в политической жизни КНР (напр., см.: [17]).

Коллег всегда удивляла интеллигентность Р. В. Вяткина, его огромная научная эрудиция, а также его толерантность, терпимость к суждениям своих коллег, не всегда совпадавшими с его собственными. В период сложных событий 1968 г. в ЧССР (ввод в эту страну объединенных вооруженных сил ряда стран Варшавского договора для ликвидации попыток установить там «социализм с человеческим лицом») Р. В. Вяткин не отказался от поддержки своих чешских коллег, например, попавшего в политическую опалу доктора Т. Покоры. Волна, поднятая в связи с этим партийными ортодоксами Института востоковедения, вынудила его подать в отставку с должности заведующего Отделом Китая.

К сожалению, безвременная кончина Рудольфа Всеволодовича оборвала его работу над любимым детищем ученого (незавершенными остались 13 глав). Да и издание уже подготовленных к печати глав продвигалось с трудом. Целеустремленность Р. В. Вяткина наталкивалась и на конъюнктурные соображения, и на бюрократическое равнодушие. В конечном счете победил ученый, но это далось тяжелой ценой – стрессы не прошли даром. Р. В. Вяткин перенес четыре инфаркта и не меньше трех инсультов. И тем не менее продолжал работать как одержимый... Полное издание всего текста «Исторических записок» с комментариями было завершено только в 2010 г., почти через 40 лет после выхода 1-го тома. Большую работу для завершения этого труда проделали А. Р. Вяткин (сын Р. В. Вяткина) и А. М. Карапетьянц. Подготовленный А. Р. Вяткиным сборник воспоминаний о жизни и деятельности своего отца Р. В. Вяткина [18].

Во второй половине 1950-х и 1960-е гг. советским китаеведам в отдельных случаях были разрешены поездки в страны как Запада, так и в КНР на различные научные конференции, что имело отношение



лишь к китаеведческому руководству. Это позволило начать непосредственные контакты с зарубежными коллегами и информировать их о достижениях российской востоковедной науки, которая в силу языкового барьера развивалась достаточно автономно. Так, еще в бытность в Институте китаеведения Р. В. Вяткин был участником X (Марбург, 1957), XI (Падуя, 1958), а затем и XVII (Лидс, 1965) Международных конференций синологов, XXV Международного конгресса востоковедов (Москва, 1960). Он поддерживал регулярные контакты с видными американскими специалистами – Д. И. Фербенксом, О. Латтимором, Г. Крилом, Д. Бодде, немецким ученым Г. Франке, китайскими историками Хоу Вайлу и Гу Цзеганом.

Важной работой Отдела Китая в 1960-е гг. стало написание и подготовка издания «Новой истории Китая». Инициатором создания этого фундаментального труда стал С. Л. Тихвинский, который в качестве ответственного редактора привлек в авторский коллектив значительную часть своих сотрудников (около 15 человек). Хронологически монография охватывала период правления династии Цин и первые годы существования Китайской Республики (1644–1919). Обсуждение рукописи проходило в жарких спорах. Многие высказанные замечания и уточнения в дальнейшем были учтены главным редактором. Написанная с привлечением ряда китайских источников и с учетом некоторых трудов китайских и западных синологов, монография расширяла знакомство русскоязычного читателя со многими фактами китайской истории и их интерпретацией (естественно, на уровне развития отечественной синологии тех лет) [19].

Параллельно с написанием «Новой истории Китая» по инициативе С. Л. Тихвинского в отделе началось формирование ряда тематических сборников научных статей, посвященных отдельным сюжетам китайской новой истории. Так, к 50-летию революции 1911 г. был подготовлен сборник «Синьхайская революция в Китае» [20]. В статьях другого сборника «Маньчжурское владычество в Китае» [21] более детально рассматривались отдельные проблемы покорения Китая в XVII в. армией маньчжуро-чжурчжэньских племен, характеристика цинского управления Китаем, наконец, различные направления антиманьчжурской борьбы.

В ознаменование 100-летнего юбилея со дня рождения Сунь Ятсена С. Л. Тихвинский организовал под своей редакцией перевод и издание впервые на русском языке избранных произведений виднейшего представителя китайской политической жизни [22]. Редакция переводов осуществлялась ведущими синологами – И. М. Ошаниным, Б. С. Исаенко, Н. Н. Коротковым. В составлении примечаний и унификации терминов участвовали многие сотрудники Отдела Китая – А. М. Григорьев, Б. Г. Мудров, Л. Н. Борох, Г. В. Мелихов и др. Второе, более полное издание сочинений Сунь Ятсена с включением в него «Трех народных принци-



пов», было предпринято в 1985 г. Конечно, оценка деятельности и идей Сунь Ятсена в те годы в большинстве случаев строилась в свете ортодоксальных марксистско-ленинских постулатов («народнический социализм» и т. д.), что отражало и уровень источниковедческой базы тех лет, но главное – партийно-идеологическую цензуру.

Отметим, что сотрудники Отдела публиковали свои статьи в специальном журнале, с определенной периодичностью выпускаемым ИНА. Конечно, следует учитывать уровень синологических исследований тех лет, характер научных оценок, часто привязанных к марксистско-ленинским постулатам или терминам типа «китайская буржуазия», «китайские помещики», «мелкобуржуазная интеллигенция», «опиумные войны», односторонняя оценка «западных колонизаторов» и т. п. Тем не менее публикации тех лет свидетельствуют если не о прорыве, то об определенном шаге вперед в развитии отечественного китаеведения. 1960–1970-е гг., на наш взгляд, явились переходом в развитии отечественной синологии от очерково-познавательной стадии к исследовательско-монографической.

Начиная со второй половины 1950-х гг. отечественное востоковедение, включая китаеведение, получило большие возможности для публикации работ ученых. Большую роль в этом сыграло Издательство восточной литературы (ИВЛ) и его директор с 1957 г. О. К. Дрейер (1919–1997).

Определенный вклад в разработку проблем идеологии древнего Китая, в частности соотношения и развития философско-политических течений конфуцианства и легизма, становления и политики циньской монархии внес Л. С. Переломов (род. 1928). Продолжив исследование взглядов «школы закона» (*фацзя* – легистов), Л. С. Переломов проделал большую работу по переводу и комментированию памятника китайской традиционной философско-политической мысли – трактата легистской школы IV в. до н. э. «Книги правителя /области/ Шан» («*Шан цзюнь шу*») [23] (второе дополненное издание вышло в 1993 г., третье – в 2007 г.). Исследование проблем конфуцианства и легизма в политической истории Китая Л. С. Переломов продолжил после 1971 г., перейдя в Институт Дальнего Востока.

Разработкой проблем, связанных с историей древних монголов XII–XIV вв., занимался Н. Ц. Мункуев (1922–1985). Выпускник ВИИЯКА, участник Великой Отечественной войны, он был одним из первых советских китаеведов, который глубоко исследовал китайские источники по истории средневековой Монголии и монгольских правителей Китая. Важным направлением его научного творчества был перевод и публикация редких китайских источников. Так, в 1965 г. он опубликовал свой перевод и прокомментировал надгробную надпись на могиле одного из китайских советников первых монгольских ханов Елюй Чу-цяя (1189–1213) [24]. В 1975 г. в серии «Памятники письменности Востока»



Н. Ц. Мункуевым был издан перевод с комментариями важного памятника по истории древних монголов – «Полное описание монголо-татар» («*Мэн-да бэй-лу*») [25]. В 1985 г. вместе с коллегами им было переведено «Жизнеописание Чжу Юань-чжана», принадлежащее перу китайского историка, драматурга и публициста У Ханя (1909–1969). Выступив в завуалированной форме против авторитарного режима Мао Цзэдуна, У Хань навлек на себя гнев властей, был арестован в период «культурной революции» и погиб в тюрьме. Публикация перевода этой книги, что не исключено, была реакцией советской научной общественности на явление авторитаризма как в КНР, так и в СССР.

Говоря о публикациях 1960-х гг, подготовленных Отделом Китая, следует назвать и перевод избранных статей и речей видного китайского политического и общественного деятеля, одного из первых пропагандистов марксизма в Китае, организатора революционного движения Ли Дачжао (1889–1927) [26]. Составителем и переводчиком работ Ли Дачжао был Ю. М. Гарушянц, в то время преподаватель Московского областного педагогического института им. Н. К. Крупской. Ю. М. Гарушянц, сверявший тексты Ли Дачжао с их первыми публикациями, написал к изданию большое предисловие, в котором критически проанализировал творчество китайского революционера.

Среди научных сотрудников Отдела Китая, начавших в нем работать в 1960-е гг. и заявивших о себе своими научными трудами, кроме отмеченных выше, стоит упомянуть В. П. Илюшечкина, Н. М. Калюжную, Л. Н. Борох, Л. С. Васильева, А. Г. Крымова, А. С. Костяеву.

Василий Павлович Илюшечкин (1915–1996), выпускник истфака ЛГУ, участник Великой Отечественной войны, доктор исторических и философских наук, человек, который всегда категорично и достаточно жестко отстаивал свою точку зрения. Хотя круг его научных интересов был достаточно широк (он писал и о гражданской войне в Китае в 1945–1949 гг., и о движении «4 мая» 1919 г.), главной темой его научных интересов было движение тайпинов 50–60-х гг. XIX в. По существу, вплоть до настоящего времени он остается непререкаемым авторитетом в разработке этого важнейшего сюжета китайской истории. Еще в 1960 г. им был составлен (вместе с О. Г. Соловьевым), организован перевод и подготовлен к печати сборник важнейших документов тайпинского движения [27]. Результаты своих исследований этой темы В. П. Илюшечкин обобщил в большой монографии [28].

Важное место в научном творчестве В. П. Илюшечкина заняли теоретические проблемы политэкономии, в частности теория общественных формаций, причем его точка зрения часто не совпадала с общепринятой в то время марксистской платформой. Свою позицию на протяжении 70–80-х гг. В. П. Илюшечкин изложил в ряде опубликованных им статей, например о рентном способе эксплуатации в добуржуазных обществах



древности, Средневековья и Нового времени. Он считал, что господство рентных способов эксплуатации, включая земельную ренту-налог, является общей закономерностью для всех добуржуазных обществ, в том числе Китая. Позиция Илюшечкина вызвала неоднозначную реакцию в научных кругах Института востоковедения, послужив началом интересных и оживленных дискуссий по различным проблемам истории Востока, в частности Китая, о рабовладельческой и феодальной формациях, «азиатском способе производства», классовой базе суньятсенизма и др.

Экономическую историю Китая, а именно развитие товарных отношений в деревне и мануфактурного и фабричного капитала, продолжал исследовать в своих трудах О. Е. Непомнин [29]. Правда, коллеги упрекали автора в категоричности ряда суждений и выводов, в стремлении «ускорить» развитие капиталистических отношений в Китае, распространить их развитие в отдельных районах (преимущественно приморских) чуть ли не на всю страну, недостаточный показ в этом процессе надстроечных компонентов.

Важный сюжет в истории Китая – восстание ихэтуаней 1898–1901 гг. – предмет многолетнего исследования (на протяжении более 20 лет) Н. М. Калюжной (род. 1924). Она продемонстрировала коллегам поэтапную классическую схему научного исследования: изучение источников, историография исторического сюжета, наконец, написание текста и изложение собственных выводов. В 1968 г. в качестве составителя, переводчика, автора предисловия и примечаний, проделав скрупулезную работу, она подготовила и впервые на русском языке выпустила в свет полный сборник документов и материалов о восстании ихэтуаней [30]. Через 5 лет, в 1973 г. ею была опубликована историография вопроса [31]. Наконец, в 1978 г. после защиты Ниной Михайловной диссертации на соискание ученой степени доктора исторических наук ею была издана монография о восстании ихэтуаней [32].

Под руководством А. П. Делюсина

Важным этапом в развитии отдела Китая стало назначение на должность его руководителя Льва Петровича Делюсина (1923–2013). Он был участником Великой Отечественной войны, выпускником МИВ и начал свою трудовую жизнь в качестве корреспондента газеты «Правда». Затем по приглашению академика А. М. Румянцева работал в редакции журнала «Проблемы мира и социализма», после чего стал ответственным сотрудником аппарата ЦК КПСС в отделе по связям с коммунистическими и рабочими партиями социалистических стран, которым в то время руководил Ю. В. Андропов. Здесь Делюсин работал в контакте с видными советскими политологами – Г. А. Арбатовым, А. Е. Бовиным, Г. Х. Шахназаровым, Ф. М. Бурлацким. В этом отделе ЦК КПСС начали поощряться достаточно откровенные разговоры и дискуссии по различ-



ным вопросам советской внутренней и внешней политики, в том числе касающиеся и положения в КНР. Уже в то время Л. П. Делюсин активно выступал за необходимость тщательного анализа истоков советско-китайского конфликта, поддерживал идею создания закрытого подразделения по Китаю, который в дальнейшем превратился в Институт Дальнего Востока.

С этими достаточно новыми идеями и настроениями Л. П. Делюсин и пришел в Отдел Китая, где проработал более 20 лет, придав его деятельности новый импульс. Его политика в отделе была многообразной. Надо отдать должное Льву Петровичу – он не стремился следовать дисциплинарным традициям «пунктуалиста» Р. В. Вяткина, давая возможность каждому сотруднику работать в тех условиях, которые каждый считал для себя наиболее целесообразными (библиотека, дом, служебное помещение). Л. П. Делюсин прекрасно знал цену каждому сотруднику – и в научном, и в человеческом плане. Коллектив, в свою очередь, отвечал ему заслуженным уважением.

Л. П. Делюсин не стремился переориентировать сотрудников на проблемы современности. С одной стороны, он поощрял исследования традиционного Китая, научный перевод и публикацию памятников китайской культуры. В частности, большую работу в этом направлении проделал Всеволод Сергеевич Таскин (1917–1995). Прекрасно зная китайский язык, он перевел и издал ряд материалов китайских историков (Сыма Цяня, Бань Гу, Фань Е и др.) о кочевых народах в Китае – сюнну, ухуаней, саньи, мужунов, цзе. Одновременно Таскин проделал огромную работу по переводу, составлению примечаний и многочисленных указателей (имен, прозвищ, титулов, названий храмов, дворцов, ворот) замечательного памятника по истории государства и права древнего Китая – «Го юй» («Речи царств»). Конфуцианская теория государства излагается в этом памятнике на исторических примерах, приводимых в речах исторических лиц восьми древних царств – Чжоу, Лу, Ци, Цзинь, Чжэн, Чу, У, Юэ. Памятник содержит массу сведений о различных сторонах жизни древнекитайского государства.

С другой стороны, Л. П. Делюсин открывал дорогу новым интерпретациям китайской истории, идеологии, традиционной культуры, большие возможности для изложения точек зрения западных синологов. Интересно в этом плане научное творчество Л. С. Васильева (1930–2015), которому предоставлялась достаточная творческая свобода научного самовыражения. Хотя первое время он занимался аграрными отношениями и социальной структурой общества в древнем Китае, опубликовав в 1961 г. текст своей кандидатской диссертации [33], в дальнейшем его увлекли культуроведческие и традиционалистские сюжеты. Л. С. Васильева часто упрекали в слабом знании китайского языка и чрезмерном использовании англоязычных материалов, что, по мнению ряда



его коллег, уводило его от китайских источников в теоретизирование, в построение интересных, но нередко вступающих в противоречие с фактами схем. Во всяком случае, он одним из первых советских китаеведов стал продвигать исследование таких сюжетов, как проблемы генезиса китайской цивилизации и китайского государства, религиозно-культурных традиций Китая, основ психологии китайцев и их поведения, в частности проблемы этики и ритуала и т. п. В 1970 г. он издал большую работу, которая привлекла внимание ученых как новизной сюжета, так и оригинальностью решения ряда поставленных проблем, – «Культы, религии, традиции в Китае» [34]. Л. С. Васильев занимался сравнением христианства и конфуцианства, проблемами типологии докапиталистических структур (феноменом власти-собственности), идеологией общественных движений в дробуржуазных обществах Азии.

Проблемы развития китайской общественной мысли заняли важное место в тематике исследований Л. Н. Борох (1933–2011). После окончания ИВЯ при МГУ и работы в Институте китаеведения, с 1961 г. она продолжила свою научную деятельность в Отделе Китая, где проработала до 2009 г. Л. Н. Борох всегда отличалась скрупулезным подходом к первоисточникам и историографии, что дало ей возможность внести большой вклад в исследование философской и социально-политической мысли Китая. Ее первая монография «Союз возрождения Китая» [35] стала новым словом в отечественной синологии. Обратившись к периоду ранней политической биографии Сунь Ятсена, Л. Н. Борох в определенном смысле пошла против академической традиции, односторонне трактовавшей проблему влияния западных идей на китайского революционера, вскрыв сложный идеологический комплекс, включавший традиционные китайские идеи, на базе которого и формировались взгляды Сунь Ятсена. В конечном счете это привело ее к рассмотрению процесса «поиска истины на Западе», т. е. рецепции западных интеллектуальных достижений представителями китайского революционного и демократического движения. Она вплотную подошла к исследованию фундаментальных проблем развития и трансформации китайской духовной культуры – пересмотру традиционного конфуцианства под влиянием западных идей. Результатом стали серия статей и монография «Общественная мысль Китая и социализм (начало XX в.)» [36], на основе которой в 1985 г. была защищена докторская диссертация. В новой книге Л. Н. Борох исследовала влияние китайской утопической традиции на процесс восприятия китайским обществом западных учений. Рассматривая теории Сунь Ятсена, Лян Цичао и Кан Ювэя, Л. Н. Борох сумела показать, что интерес китайских деятелей к социализму подпитывался национализмом, который они противопоставляли социалистическим идеалам.

Л. Н. Борох была одним из организаторов и научных редакторов серии новаторских, противостоящих официозу и имевших значитель-



ный научный резонанс изданий Отдела Китая по актуальным проблемам китайской общественно-политической и философской мысли: «Китай: поиски путей социального развития» [37], «Конфуцианство в Китае: проблемы теории и практики» [38], «Общественные науки в КНР» [39], «Китайские социальные утопии» [40], «Общественно-политическая мысль в Китае (конец XIX – начало XX в.)» [41], «Личность в традиционном Китае» [42], «От магической силы к моральному императиву: категория *дэ* в китайской культуре» [43].

Развитием новых идей и взглядов, получивших развитие в Отделе Китая и в определенной степени противостоящих официальной идеологической ортодоксии, стал сборник статей «Китай: традиции и современность» [44], вышедший под ответственной редактурой Л. П. Делюсина. В ряде статей сборника, в частности о паназиатизме и китаецентризме у китайских реформаторов и революционеров начала XX в., о соотношении традиционной и маоистской модели личности, о влиянии традиций на маоизм и др., имел место своего рода резонансный подход к политике и идеологии старого и нового Китая. Правда, авторы отмечали, что изучение старокитайских традиций и форм политического мышления и социального поведения позволяет понять лишь отдельные стороны жизни современного Китая, трудного перехода к новым формам социальной организации. Любопытен был факт публикации в этом сборнике (под псевдонимом Соломин) статьи опального российского философа, культуролога и эссеиста, участника диссидентского движения Г. С. Померанца (1918–2013), подписавшего письмо в защиту участников демонстрации 25 августа 1968 г. на Красной площади против ввода советских войск в ЧССР. Безусловно, в тех условиях это был смелый и рискованный шаг со стороны руководства отдела.

Важнейшим направлением деятельности Отдела Китая в те годы было создание многотомного Большого китайско-русского словаря под редакцией И. М. Ошанина (1900–1982). В составе словарной группы работали такие видные специалисты по китайскому языку, как В. С. Кузес, Б. Г. Мудров, О. Г. Соловьев и др. Сам И. М. Ошанин пользовался большим авторитетом и уважением среди сотрудников. Многие знали, что еще в 1927–1928 гг. в качестве военного переводчика он работал в группе советских военных советников в Китае и даже участвовал в боевых операциях. В 1983–1984 гг. Большой китайско-русский словарь, содержащий 250 тыс. слов и выражений, был, наконец, издан и стал играть важную роль в научной деятельности отечественных китаеведов. В 1986 г. его главный редактор И. М. Ошанин был удостоен звания лауреата Государственной премии СССР.

Коллектив и деятельность отдела в 1960–1970-х гг. оживило появление в стенах Института группы ветеранов китайской революции и национально-освободительной борьбы китайского народа. Многие из них



подверглись сталинским репрессиям в 1930-е годы, отсидели тюремные сроки и были реабилитированы в 1953–1956 гг. Так, в отделе в качестве научно-технического сотрудника работала З. С. Дубасова, которая еще в 1920-х гг. входила в состав группы советников в Китае. За личное знакомство со второй женой маршала В. К. Блюхера Галиной Кольчугиной, расстрелянной в 1938 г., Зоя Сергеевна получила «срок», долгие годы провела в исправительно-трудовом лагере МВД СССР в Сибири и только в 1950-х гг. вернулась в Москву.

Гвардии генерал-майор Н. И. Кончиц (1890–1975), прошедший школу Первой мировой и Гражданской войн, участник Великой Отечественной войны, а в 1925–1926 гг. работавший в составе группы советских военных советников при правительстве Сунь Ятсена, предложил сотрудникам Отдела познакомиться с его дневниковыми записями и воспоминаниями о работе в Китае, которые после одобрения были изданы в 1969 г. [45].

Наиболее колоритной фигурой среди этой первой группы советских ветеранов, работавших в Китае в 1920-х гг., был Марк Исаакович Казанин (1899–1972). Это был человек удивительной, по-своему уникальной судьбы. С 1907 по 1917 г. он жил в Харбине, где его родители работали на КВЖД. Там окончил коммерческое училище, затем учился во Владивостокском институте восточных языков. В 1920 г. в его судьбе произошел почти фантастический случай, возможный только в эпоху революции. В мае 1920 г. он получил телеграфный вызов в Верхнеудинск (ныне Улан-Удэ) от Совета министров Дальневосточной Республики (ДВР) с предложением отправиться в качестве секретаря дипломатической миссии в Пекин для переговоров об установлении внешнеполитических связей. В 1926–1927 гг. М. И. Казанин вновь приезжает в Китай, на этот раз на юг, в провинцию Гуанчжоу, в штаб главного военного советника В. К. Блюхера. По возвращении на родину он активно включился в научную и преподавательскую работу, которую прервали незаконные репрессии. 15 лет своей жизни (в 1937–1942 и 1948–1956) Марк Исаакович провел в заключении.

Вернувшись после вынужденного перерыва к нормальной жизни, он сосредоточился на изучении сложных проблем истории ранних русско-китайских отношений [46]. Продолжая исследование этой темы, М. И. Казанин ввел в научный оборот два интереснейших источника – дневники иезуитов-миссионеров Жербийона и Перейры, выступавших в качестве дипломатических консультантов при маньчжурском посольстве во время Нерчинских переговоров 1689 г.

М. И. Казанин заявил о себе не только как серьезный ученый, но и как прекрасный писатель-мемуарист. Написанные и представленные на обсуждение отдела его мемуарные записки об участии в дипломатической миссии 1920–1921 гг. и пребывании в штабе В. К. Блюхера были



встречены с большим интересом (по существу, это были первые работы такого рода, которые обсуждал коллектив) и одобрены к печати. Более серьезные проблемы возникали у автора уже при работе с цензорами и с внешними рецензентами. Не стоит забывать, что это было время наступления консерваторов на «хрущевскую оттепель». Началась охота на диссидентов. Не положено было вспоминать некоторые имена, например имя главы посланной в Пекин миссии Дальневосточной Республики (ДВР), поляка И. Л. Дзевялтовского (Юрина) (первого советского коменданта Зимнего дворца, который в середине 1930-х гг. сбежал в Польшу и был назван «изменником»), и ряд др. Идея историзма, которой придерживался М. И. Казанин, оказалась чужда некоторым рецензентам. Мемуары Марка Исааковича все же были опубликованы [47]. М. И. Казанин проявил себя и как занимательный писатель-романист: в 1964 г. вышла в свет его приключенческая повесть «Рубин эмира Бухарского».

Важными и плодотворными для коллектива отдела были творческие контакты еще с одним видным советским китаеведом, также пострадавшим в годы сталинских репрессий, – Петром Емельяновичем Скачковым (1892–1964). После окончания Ленинградского института живых восточных языков он работал в Китае в качестве переводчика в группе советских военных советников в период разразившейся там революции 1925–1927 гг. После возвращения он издал первую в СССР «Библиографию Китая – систематический указатель книг и журнальных статей о Китае на русском языке (1730–1930)» [48]. Справочник вызвал большой интерес среди западных синологов, следствием чего явился его полный перевод на английский язык и издание в США в 1948 г. Незаконный арест и ссылка на 15 лет оторвали П. Е. Скачкова от творческого труда.

После реабилитации П. Е. Скачков проделал поистине титаническую работу по подготовке и изданию нового библиографического справочника по Китаю, который дополнял материал, изданный в 1932 г. [49].

Последние годы своей жизни П. Е. Скачков трудился над рукописью работы по истории русского китаеведения. В книге последовательно была изложена история изучения Китая в России на протяжении более чем 250 лет. Петр Емельянович представил биографии многих российских китаеведов, осветил историю изучения китайского языка. К сожалению, смерть помешала ему окончательно отредактировать рукопись. Рекомендованная к печати Институтом востоковедения и Институтом Дальнего Востока АН СССР, книга, в конце концов, была издана (через 13 лет после кончины автора) [50].

Важной работой отдела в 1960–1970-х гг. была публикация воспоминаний бывших отечественных советников, помогавших революционному Китаю в 1925–1927 гг. Как известно, многие из них погибли в годы сталинских репрессий. Необходимо было разыскать оставшихся в живых, оказав им помощь в написании воспоминаний. Л. П. Делюсин



в значительной степени инициировал издание этих важных материалов советско-китайских отношений. Одними из первых документов такого рода стали «Записки волонтера» В. М. Примакова [51]. В. М. Примаков (1897–1937), герой Гражданской войны, видный военачальник Красной Армии, был направлен в Китай, где в 1925–1926 гг. служил советником в Национальной армии, руководимой Фэн Юйсяном. По возвращении в СССР в 1930 г. он опубликовал свои записки под псевдонимом Генри Аллен. К сожалению, автор не дожил до новой публикации своих дневников. Судьба его была трагична: в 1937 г. он был расстрелян как «враг народа». Среди других публикаций упомянем мемуары В. В. Вишняковой-Акимовой «Два года в восставшем Китае. 1925–1927. Воспоминания» [52] и С. А. Далина «Китайские мемуары. 1921–1927» [53]. С. А. Далин работал в Китае фактически как агент Коминтерна.

Более полно советская советническая помощь китайской революции 1925–1927 гг. была отражена в воспоминаниях А. И. Черепанова (1895–1984) [54; 55] и А. В. Благодатова (1893–1987) [56], помогавших революционному правительству Южного Китая (Сунь Ятсена, Чан Кайши) в борьбе с милитаристами.

И с точки зрения военных заслуг, и с точки зрения человеческих качеств это были выдающиеся люди. Безусловно, сотрудников отдела обогащало общение с такими людьми, обладающими конкретным знанием политической и военной истории Китая тех лет, а главное – знанием реальных действующих лиц этой истории. Представленные ими воспоминания, подкрепленные не только личными свидетельствами, но и документами, интересны также и для конкретной оценки советской политики тех лет в Китае. Советники фактически выполняли в Китае и разведывательные функции, представляя соответствующую информацию в органы советской внешней разведки, в частности в Главное разведывательное управление (ГРУ) [57; 58].

Не менее масштабной была работа по написанию воспоминаний советскими волонтерами (военными советниками, летчиками и другими специалистами), посланными советским руководством в 1938–1941 гг. в Китай в период японо-китайской войны Сопrotивления (1937–1945) (воспоминания А. Я. Калягина и А. И. Черепанова [59; 60; 61; 62]).

Наиболее представительной фигурой, с которой руководство отдела организовало сотрудничество по написанию и редакции его мемуаров, был Маршал Советского Союза, дважды Герой Советского Союза В. И. Чуйков (1900–1982), который в 1941 г. был направлен в Китай в качестве военного атташе и главного военного советника при главнокомандующем китайской армии (Чан Кайши). Его воспоминания о работе в Китае были изданы в 1981 г. [63].

Конечно, «мемуарный сериал» в работе Отдела Китая возник не на пустом месте. В 1960–1970-х гг. в период «культурной революции» на



фоне антисоветизма в КНР чрезвычайно обострились советско-китайские отношения (вооруженный конфликт на о. Даманский, отказ руководства КНР пролонгировать договор 1950 г. и пр.). Естественным было желание с советской стороны продемонстрировать реальную помощь китайским революционным начинаниям и готовность к дружеским устремлениям. Сотрудники отдела, помогая «мемуаристам», таким образом старались внести свою посильную лепту.

В отделе работали несколько сотрудников китайской национальности: А. Г. Крымов, Ду Исинь, Цзэн Сюфу. Наиболее колоритной и эрудированной фигурой среди них был Афанасий Гаврилович Крымов (Го Шаотан) (1905–1988). Его детство и юность прошли в провинции Чжэцзян, где он стал активным участником революционных событий, захлестнувших Китай. Вступив в КПК и оказавшись в Москве, учился в Коммунистическом университете трудящихся Востока и Институте красной профессуры. Работал в руководящих органах Коминтерна (политсекретарем Г. Димитрова). Жертва сталинских репрессий, он в 1938 г. был арестован и осужден на 15 лет. После реабилитации с 1955 г. стал сотрудником Института востоковедения. Главным направлением своей научной деятельности после возвращения из сталинских концлагерей избрал исследование идеологической борьбы в Китае в 1900–1927 гг.

Ду Исинь, консультант отдела Китая, был простым крестьянином из Шаньдуна. Он ездил на Дальний Восток на заработки, но в какой-то момент не смог вернуться, потому что границу закрыли. Грамотным он был на среднем уровне и, конечно, не являлся специалистом по истории и культуре Китая. Как и А. Г. Крымов, он был репрессирован. Оказавшись реабилитированным (после смерти Сталина), он приехал в Москву и устроился на работу в Отдел Китая. Надо отдать ему должное – Ду Исинь относился к своим обязанностям консультанта очень серьезно и добросовестно, помогая сотрудникам при переводе сложных китайских текстов.

Важным научным мероприятием, организованным отделом, стала инициатива руководства, в первую очередь Л. П. Делюсина, о проведении ежегодных научных конференций «Общество и государство в Китае». Вначале это были своего рода семинары-симпозиумы по определенным темам, например о китайских традициях. В дальнейшем характер конференций предполагал широкий выбор научных тем для выступлений. Для участия в ней приглашались все желающие сообщить коллегам о своих начинаниях и достижениях в любой области китаеведения. Широкая тематика и, главное, демократизм, который с самого начала возобладал на конференции, сделал ее чрезвычайно популярной в широких китаеведческих кругах, причем не только Москвы, Ленинграда, но и других, начавших развиваться научных центров СССР. Важным моментом, привлекавшим желающих принять участие в конференции, была возможность не только выступить с докладом, но и опубликовать свой текст



в издаваемых сборниках. Несмотря на финансовые трудности, материалы конференции сразу же печатались.

Ежегодная научная конференция «Общество и государство в Китае», таким образом, стимулировала более широкое развитие отечественного китаеведения, позволяла организовать ознакомление с тематикой исследований различных ученых. Для участия в конференции приглашались синологи из других стран (Фельбер, ГДР; Полоньи, ВНР; Славински, ПНР). Конференция, особенно в первые годы, привлекала своей демократичностью, возможностью выступить с различными дискуссионными сюжетами. Ссылаясь на восточную специфику, можно было более свободно высказываться по ряду животрепещущих вопросов. Отметим, что аналогичных дискуссионных площадок в Москве в то время не существовало. Естественно, это было чревато тем, что в соответствующие инстанции стали поступать всякого рода доносы от тех или иных информаторов о якобы несоответствии «линии партии» или «марксизму-ленинизму» отдельных докладов. За этим обычно следовали разборки и «разносы» в соответствующих организациях. Не один раз Л. П. Делюсину на «самом верху» приходилось держать ответ.

В 1970–1980-е гг. в качестве дополнительного заработка некоторые сотрудники отдела пользовались возможностью выступать с лекциями о современном Китае по линии общества «Знание». После вооруженного конфликта на о. Даманский и всплеска слухов о возможном расширении советско-китайского пограничного противостояния в советском обществе резко возрос интерес к современной китайской тематике. Поэтому лекции собирали полные аудитории слушателей в самых разных краях и областях Союза, особенно в Сибири и на Дальнем Востоке.

Новые сотрудники в отделе появлялись с большим временным разрывом, вакансий дирекция не предоставляла. К сожалению, ИСАА при МГУ не стал кузницей новых кадров для отдела. Правда, одно время многие его сотрудники, аспиранты и даже студенты активно участвовали в научной конференции «Общество и государство в Китае», публиковали статьи (в частности, А. Н. Карнеев, В. А. Козырев). Позже, в 1980–1990-х гг., выпускники ИСАА МГУ А. Д. Дикарев и В. М. Крюков стали работать в Отделе Китая ИВ РАН.

Коллектив отдела пополнился такими специалистами, как С. Р. Кучера (род. 1928), Ю. М. Гарушняц (1930–2012) и В. А. Рубин (1923–1981).

С. Кучера, поляк по национальности, был выпускником Варшавского университета. Блестяще изучив китайский язык, он стал единственным иностранным студентом, который в 1960 г. защитил в Пекинском университете диссертацию на китайском языке (на тему о классовой структуре древнекитайского общества по материалам Чжоу ли – «Чжоуские ритуалы» – памятника китайской традиционной культуры). После переезда в СССР он был принят в ИНА и с апреля 1967 г. стал работать в соста-



ве Отдела Китая. Сферой его главных научных интересов был древний Китай. Он принимал активное участие уже в первых научных конференциях «Общество и государство в Китае», выступив с докладами, в частности о стабилизации государственной власти в древнекитайском философском трактате «Гуань-цзы», о символических наказаниях в древнем Китае, о конфуцианской философии при династии Юань и др. С. Кучера обладал энциклопедическими знаниями текстов китайских традиционных трактатов. Целый ряд глав из древних трактатов «Чжуан-цзы» и «Гуань-цзы» был им переведен с древнекитайского языка и прокомментирован для изданной в 1972 г. антологии «Древнекитайская философия» [64]. Его труды по китайской археологии, в том числе «Китайская археология: 1965–1974. Палеолит – эпоха Инь» [65], где он проанализировал находки и исследования археологов КНР, стали наиболее полными источниками информации в данной области на русском языке. В дальнейшем С. Р. Кучера неоднократно представлял отечественную науку на международных конгрессах и симпозиумах, читал лекции в Варшаве, Париже, Пекине, Сингапуре и др.

Ю. М. Гарушянц, выпускник МИВ, прекрасно знал китайский язык и хорошо ориентировался в китайских источниках и китайской историографии по новой и новейшей истории. Его ведущие темы – движение «4 мая 1919 г.», вопросы формирования КПК и ее лидеров (Ли Дачжао, Чэнь Дусю), политика Гоминьдана и влияние Коминтерна на политику Китая и др. В принципе, вооружившись соответствующими источниками и материалами, он мог выступать, спорить, писать на любую тему. С 1953 по 1978 г. он сменил восемь научных учреждений (несколько редакций научных журналов, ряд академических институтов – философии, китаеведения, международного рабочего движения, мировой экономики и международных отношений, наконец, востоковедения). В глазах многих коллег он был своего рода «цензором», оценивая представленный ими материал с точки зрения точности, использования китайских источников и т. п. Ему принадлежали многие неоднозначные выводы относительно китайской истории. Он способствовал переоценке многих утвердившихся в отечественной китаистике шаблонных истин и политических фигур китайской истории. Так, он готов был спорить с В. И. Лениным относительно оценок Синьхайской революции, считая, что марксизм нанес вред развитию Китая, разрушал его культуру, полагая, что классовый подход неприменим к Китаю и т. п. Опубликованный им научный багаж не очень велик, но высказанные Ю. М. Гарушянцем мысли до сих пор заслуживают серьезного внимания и осмысления.

В. А. Рубин также пытался противостоять заказному китаеведению. Он был участником Великой Отечественной войны. После окончания исторического факультета МГУ около 15 лет он проработал в качестве специалиста по литературе о Китае в Фундаментальной библиотеке по



общественным наукам (ФБОН, ныне Институт научной информации по общественным наукам – ИНИОН). Он писал об идеологии и культуре древнего Китая, о проблеме человека в древнекитайской философии, активно и темпераментно участвовал в работе конференций ОГК, ведя полемические споры с Л. С. Васильевым, тем самым чрезвычайно оживляя научную жизнь отдела.

В. А. Рубина отличало активное неприятие официальной советской идеологии и политики. В 1968 г. он хотел публично заявить о своем протесте по поводу ввода советских войск в ЧССР на общем собрании отдела, посвященном поддержке этого ввода (тогда такие собрания проходили везде в обязательном порядке), правда, Л. П. Делюсину удалось отговорить его от этой акции. Вскоре Рубин заявил о своем желании выехать в Израиль, попал в категорию «отказников». Дальше последовали акции протеста (объявление голодовок и т. п.), правда, уже после его ухода из отдела в 1972 г. В конце концов он выехал в Израиль и был профессором Иерусалимского университета в 1976–1981 гг. Его жизнь оборвалась трагически: он погиб в Израиле в автомобильной катастрофе.

О своем желании выехать на Запад заявила и младший научный сотрудник Н. Б. Занегина. Эмигрировав в США, она вышла там замуж, однако в начале 2000-х гг. вернулась в РФ.

Более серьезный прецедент случился с Е. В. Завадской (Виноградовой) (1930–2002). Она окончила истфак МГУ, затем работала научным сотрудником в Музее восточных культур и в Институте философии, наконец, в 1957 г. была зачислена в Отдел Китая. Ее интересовали проблемы развития китайской живописи, причем не чисто искусствоведческие, а скорее философско-эстетические. В 1962 г. она защитила кандидатскую диссертацию о традициях и новаторстве в живописи *гохуа*. Опубликовав несколько статей, в частности о росписи пещерных храмов *Дуньхуана*, о прикладном искусстве Китая, главные усилия Евгения Владимировна сосредоточила на переводе китайского трактата «Слово о живописи из сада с горчичное зерно» [66]. В августе 1968 г. она подписала письмо с протестом против ввода советских войск в ЧССР и преследования тех, кто заявил об этом открыто на Красной площади в Москве. Оказавшись в числе «протестантов», она создала определенную проблему для руководства, от которого соответствующие органы требовали ее увольнения. Л. П. Делюсин на это не пошел, правда, это стоило ему больших трудов и нервов. Надо отдать должное и тогдашнему директору Института Б. Г. Гафурову, который лично в приказном порядке не позволил уволить из Института никого из «подписантов». Хотя Е. В. Завадской и дали возможность опубликовать заверченный ею перевод китайского искусствоведческого трактата, однако ей запрещали командировки в Китай, долгое время не давали возможности защитить докторскую диссертацию. Ее научное творчество было весьма плодотворным и многообраз-



ным. Так, она опубликовала ряд эссе, в частности о тени как философско-эстетической категории, о даосской поэтике странствий, о человеке как мере всех вещей в живописи *хуаняо*; проанализировала трактат крупного художника и теоретика искусства XVII – начала XVIII в. Ши-тао (1642–1707/1718) и др. Большим достижением стала ее монография о творчестве замечательного китайского художника, мастере *гохуа* Ци Байши (1860–1957). Е. В. Завадская одна из первых поставила вопрос о влиянии восточной культуры на современный западный мир.

Новым направлением в исследовании китайской культурной традиции отдела стало изучение китайского традиционного театра. Этой уникальной теме посвятила свое научное творчество С. А. Серова (род. 1933). Конечно, нельзя сказать, что она была единственным специалистом, кто в СССР изучал эту тему. Так, китайским театром интересовался и был его зрителем академик В. М. Алексеев, в довоенный период о китайском театре писал ленинградский литературовед Б. А. Васильев (1899–1937), китайским театром основательно занималась сотрудник ИДВ И. В. Гайда (род. 1926). С. А. Серова в 1966 г. защитила кандидатскую диссертацию о пекинской музыкальной опере (*цзинцзюй*), ставшей основой выпущенной в 1970 г. ее монографии [67]. Автор исследовала истоки этого жанра, характер репертуара, творчество ведущих мастеров, роль китайского традиционного театра в общественной жизни страны. Она пыталась проследить общие моменты у китайского сценического искусства и у российских новаторов сцены, в частности В. Э Мейерхоolda. С. А. Серова рассматривала эволюцию китайского сценического искусства в общем потоке развития китайской национальной культуры и китайских философских традиций.

Несмотря на возникавшие проблемы, Отдел Китая продолжал свою научную деятельность, в частности было продолжено издание сборников исторических документов и материалов. Так, в 1969 г. под редакцией Л. П. Делюсина был издан сборник документов, посвященный движению «4 мая» 1919 г. К книгам, выпущенным в связи с юбилейными датами, следует отнести материалы, подготовленные к 40-летию восстания в Гуанчжоу в 1927 г. и попытке провозгласить там власть Советов. Несколько ранее был подготовлен и издан впервые на русском языке сборник документов, посвященный Синьхайской революции 1911–1913 гг. Синьхайская тематика нашла отражение в ряде дискуссий о характере Синьхайской революции (была ли она буржуазной, буржуазно-демократической или националистической).

Новаторским направлением научной деятельности отдела стало исследование общественно-политической мысли Китая XX в. – ее социалистических аспектов, проникновения в Китай западных учений и марксистских идей. Таким образом, была сделана попытка исследовать важнейшую для китайского общества проблему качественных сдвигов



в традиционном мышлении. Основные аспекты этого сюжета были раскрыты в работах Л. П. Делюсина, Л. Н. Борох и А. Г. Крымова. Анализ китайских революционных процессов нашел отражение в коллективной монографии Л. П. Делюсина и А. С. Костяевой (1932–2003) о проблемах и оценках революции 1925–1927 гг. в Китае.

Новые нюансы в работе Отдела Китая появились в 1978 г. в связи с назначением директором Института востоковедения АН СССР Е. М. Примакова (1929–2015). После смерти в 1977 г. Б. Г. Гафурова в ЦК КПСС, очевидно, сочли необходимым перевести заместителя директора Института мировой экономики и международных отношений (ИМЭМО) Е. М. Примакова на пост директора Института востоковедения. Эту должность он занимал до 1985 г., вернувшись затем в ИМЭМО, но уже на пост директора.

Отношения между Л. П. Делюсиным и Е. М. Примаковым складывались непросто. Дело в том, что у Льва Петровича всегда была своя собственная точка зрения на события в Китае. Он, в частности, считал, что прежде чем разоблачать Мао Цзэдуна, надо изучить его идеи, понять суть его учения. После такого заявления на институтском партийном собрании Л. П. Делюсин получил от Примакова серьезное внушение, так как эта позиция Льва Петровича не совпадала с точкой зрения ряда аппаратчиков в ЦК КПСС.

Новым моментом в деятельности Е. М. Примакова как нового директора Института была организация так называемых закрытых ситуационных анализов. Фактически они принимали форму совместных заседаний ведущих экспертов-международников Института, которые по заранее заданным темам в закрытом порядке обсуждали важные международные проблемы, так или иначе связанные с политикой СССР и защитой его национальной безопасности. От Отдела Китая Л. П. Делюсин выдвинул в эту группу аналитиков З. Д. Каткову (1932–2012) и Ю. В. Чудодеева (род. 1931). Работа эта была интересная и достаточно ответственная. Необычность заключалась в том, что в условиях существования жесткой цензуры и необходимости следовать пропагандистским стандартам аналитикам, привлеченным к обсуждению соответствующих внешнеполитических проблем, позволялось смело и откровенно высказывать собственные суждения и даже вносить предложения о целесообразности новых внешнеполитических подходов со стороны государства. Обычно ситуационные анализы проводили Е. М. Примаков или его заместитель Г. Ф. Ким (1924–1989). Материалы таких анализов затем направлялись в соответствующие инстанции (МИД СССР, международные отделы ЦК КПСС, ГРУ и т. д.). Конечно, участие в такого рода обсуждениях было полезно для определенного расширения кругозора научных сотрудников и раскрепощения от пропагандистской зашоренности. Иногда предложенные вопросы давали пищу для дальнейших научных разработок.



В 1987 г. директором Института востоковедения АН СССР был назначен чл.-корр. АН СССР М. С. Капица (1921–1995). Как кадровый работник МИД СССР (он имел звание Чрезвычайного и Полномочного посла СССР) М. С. Капица принадлежал к советской номенклатурно-бюрократической элите, а в китаеведческих кругах заявил о себе как специалист по советско-китайским отношениям, исследовавший эти отношения и ситуацию в Китае в русле советской антимаоистской пропаганды тех лет.

Одним из первых административных актов М. С. Капицы в Институте было снятие Л. П. Делюсина, достигшего «преклонного возраста», с должности заведующего Отделом Китая. Не исключено, что Лев Петрович воспринял это как нелицеприятный шаг в свой адрес, он отказался продолжать работать в Институте под началом М. С. Капицы и в 1990 г. перешел в Институт международных экономических и политических исследований РАН.

Заведующим Отделом Китая был назначен А. А. Бокщанин (1935–2014), один из ведущих сотрудников отдела, в 1985 г. защитивший докторскую диссертацию об эволюции удельной системы в Китае в XIV–XV вв. Основным направлением его исследований была эпоха Мин. Перу ученого принадлежит свыше 120 научных работ, «основные из которых вошли в золотой фонд отечественной синологии» [68, с. 218]. Большую роль сыграл А. А. Бокщанин в организации так необходимых китаеведам ежегодных конференций «Общество и государство в Китае», проводимых с 1970 г. По оценкам коллег, хорошо знавших Бокщанина, Алексей Анатольевич, возглавив отдел в 1990 г. и продолжив эту деятельность до 2011 г., сумел в эти трудные для страны годы сохранить научный потенциал отдела и атмосферу свободного поиска.

С уходом из жизни А. А. Бокщанина во главе отдела в ИВ РАН стал А. И. Кобзев (род. 1953), приглашенный в 1978 г. на работу в Институт Л. П. Делюсиным еще до завершения им обучения в аспирантуре [69, с. 181]. В 1989 г. в Институте философии он защитил диссертацию на соискание ученой степени доктора философских наук по теме: «Методология китайской классической философии (нумерология и протологика)», спустя 10 лет ему присвоено звание профессора. В списке научных работ ученого – более 1300 трудов по истории китайской философии, науки и культуры. Он закрепил за собой авторство культурологической теории глобальной альтернативы Востока и Запада [69, с. 186]. Будучи одним из почти 140 авторов шеститомной энциклопедии «Духовная культура Китая» (2010), предтечей которого считается подготовленный в 1994 г. под эгидой М. Л. Титаренко новаторский энциклопедический словарь «Китайская философия», Артем Кобзев внес огромный вклад в подготовку ее к изданию. За этот фундаментальный труд и достижения в развитии отечественного и мирового китаеведения он стал лауреатом Государственной премии Российской Федерации в обла-



сти науки и технологии за 2010 г. Китайские коллеги воздали должное профессионализму представителя российской академической синологии, избрав его в члены правления Международной ассоциации иджинистики (Пекин, с 2004).

Заключение

Отечественное востоковедение за годы своего развития прошло весьма тернистый путь. В годы существования Советского Союза Отдел Китая ИВ АН СССР на своем пике насчитывал более 50 научных работников, в 1990–2000-е гг. их число уже сократилось более чем втрое. Сегодня, важно отметить, штат сотрудников Отдела Китая Института востоковедения РАН значительно пополнился и укрепился за счет молодых исследователей и сотрудников среднего возраста, поддерживающих лучшие традиции классической синологии и китаистики. В 2018 г. в Институте востоковедения РАН прошла уже 48-я конференция «Общество и государство в Китае» – ежегодная авторитетная научная и экспертная площадка, пользующаяся неизменной популярностью и успехом среди отечественных китаеведов.

Продолжается главное направление фундаментального научного исследования «Закономерности исторического развития народов Востока с древнейших времен до середины XX в.». Основное внимание уделяется истории и культуре Китая с древности и до наших дней. Это прежде всего реализация крупных долгосрочных проектов – академических переводов, комментариев, исторических, философских и литературных памятников Китая. С развитием классической синологии связаны исследования теоретических основ традиционного Китая, философии и науки, специфики естественно-научного знания и практического воплощения традиций изобразительного и драматического искусства и музыкальной культуры Китая. Положено начало исследованию такой редчайшей дисциплины, как тангутоведение. Впрочем, для осмысления и оценки результатов научной деятельности коллектива единомышленников Отдела Китая ИВ РАН в «нулевые» и более поздние годы уже требуется отдельное описание.

Литература

1. Мао Цзедун. *Избранные произведения в 4 томах*. М.: Иностранная литература; 1952–1953.
2. Позднеева Л. Д. *Лу Синь. Жизнь и творчество (1881–1936)*. М.: Издательство МГУ; 1959. 572 с.
3. Никифоров В. Н., Эренбург Г. Б., Юрьев М. Ф. *Народная революция в Китае: очерк истории борьбы и победы китайского народа*. М.: Госполитиздат; 1950. 143 с.
4. Эренбург Г. Б. *Очерки национально-освободительной борьбы китайского народа в новейшее время*. М.: Учпедгиз; 1951. 240 с.



5. Симоновская Л. В., Эренбург Г. Б., Юрьев М. Ф. *Очерки истории Китая*. М.: Учпедгиз; 1956. 454 с.
6. Фань Вэнь-лань. *Новая история Китая. Т. 1. 1840–1901*. М.: Иностранная литература; 1955. 600 с.
7. Го Мо-жо. *Эпоха рабовладельческого строя*. М.: Иностранная литература; 1956. 272 с.
8. Шан Юэ (ред.). *Очерки истории Китая с древности до «опиумных войн»*. М.: Восточная литература; 1959. 579 с.
9. Пын Мин. *История китайско-советской дружбы*. М.: Издательство социально-экономической литературы; 1959. 360 с.
10. Ло Гуань-чжун. *Троецарствие*. М.: Гослитиздат; 1954. 1584 с.
11. Ши Най-Ань. *Речные заводы*. М.: Гослитиздат; 1955.
12. Цао Сюэ-цинъ. *Сон в красном тереме*. М.: Гослитиздат; 1958. 863 с.
13. Уо Чэн-энь. *Путешествие на Запад*. М.: Гослитиздат; 1959.
14. Перевертайло А. С. (ред.) *Очерки истории Китая в новейшее время*. М.: Восточная литература; 1959. 695 с.
15. Тихвинский С. Л. *Движение за реформы в Китае в конце XIX в. и Кан Ю-вэй*. М.: Восточная литература; 1959. 418 с.
16. Вяткин Р. В. *Музеи и достопримечательности Китая*. М.: Восточная литература; 1962. 174 с.
17. Вяткин Р. В. Некоторые вопросы истории общества и культуры Китая и кампания «критики Конфуция» в КНР. *Народы Азии и Африки*. 1974;4:49–64.
18. Вяткин А. Р. (сост.) *Юэ Тэ-цзинь ле чжуань: Судьба востоковеда Р. В. Вяткина*. М.: Институт востоковедения РАН; 1998. 240 с.
19. Тихвинский С. Л. (ред.) *Новая история Китая*. М.: Наука; 1972. 636 с.
20. Тихвинский С. Л. (ред.) *Синьхайская революция в Китае*. М.: Наука; 1962. 324 с.
21. Тихвинский С. Л. (ред.) *Маньчжурское владычество в Китае*. М.: Наука; 1966. 385 с.
22. Сунь Ят-сен. *Избранные произведения*. М.: Наука; 1964. 576 с.
23. Переломов Л. С. (ред.) *Книга правителя области Шан (Шан цзюнь шу)*. М.: Наука; 1968. 350 с.
24. Мункуев Н. Ц. *Китайский источник о первых монгольских ханах: Надгробная надпись на могиле Елюй Чу-Цая*. М.: Наука; 1965. 224 с.
25. Чжао Хун. *Мэн-да бэй-лу = Полное описание монголо-татар*. М.: Наука; 1975. 288 с.
26. Ли Да-чжао. *Избранные статьи и речи*. М.: Наука; 1965. 291 с.
27. Илюшечкин В. П., Соловьев О. Г. (сост.) *Тайпинское восстание. 1850–1864 гг. Сборник документов*. М.: Издательство восточной литературы; 1960. 325 с.
28. Илюшечкин В. П. *Крестьянская война тайпинов*. М.: Наука; 1967. 396 с.
29. Непомнин О. Е. *Экономическая история Китая: 1864–1894 гг.* М.: Наука; 1974. 304 с.
30. Калюжная Н. М. (сост.) *Восстание ихэтуаней. 1898–1901: Документы и материалы*. М.: Наука; 1968. 276 с.



31. Калюжная Н. М. *Восстание ихэтуаней (1898–1901): Историография*. М.: Наука; 1973. 208 с.
32. Калюжная Н. М. *Восстание ихэтуаней (1898–1901)*. М.: Наука; 1978. 363 с.
33. Васильев Л. С. *Аграрные отношения и община в древнем Китае*. М.: АН СССР, Институт народов Азии; 1961. 268 с.
34. Васильев Л. С. *Культы, религии, традиции в Китае*. М.: Наука; 1970. 484 с.
35. Борох Л. Н. *Союз возрождения Китая*. М.: Наука; 1971. 203 с.
36. Борох Л. Н. *Общественная мысль Китая и социализм (начало XX в.)*. М.: Наука; 1984. 300 с.
37. Делюсин Л. П., Борох Л. Н. (ред.) *Китай: поиски путей социального развития*. М.: Наука; 1979. 250 с.
38. Делюсин Л. П., Борох Л. Н. (ред.) *Конфуцианство в Китае: проблемы теории и практики*. М.: Наука; 1982. 262 с.
39. Делюсин Л. П., Бокщанин А. А., Борох Л. Н. (ред.) *Общественные науки в КНР*. М.: Наука; 1986. 408 с.
40. Делюсин Л. П., Борох Л. Н. (ред.) *Китайские социальные утопии*. М.: Наука; 1987. 311 с.
41. Делюсин Л. П., Борох Л. Н. (ред.) *Общественно-политическая мысль в Китае (конец XIX – начало XX в.)*. М.: Наука; 1988. 241 с.
42. Борох Л. Н., Поршнева Е. Б., Делюсин Л. П. (ред.) *Личность в традиционном Китае*. М.: Наука; 1992. 395 с.
43. Борох Л. Н., Кобзев А. И. (ред.) *От магической силы к моральному императиву: категория дэ в китайской культуре*. М.: Восточная литература; 1998. 422 с.
44. Делюсин Л. П. (ред.) *Китай: традиции и современность*. М.: Наука; 1976. 335 с.
45. Кончиц Н. И. *Китайские дневники. 1925–1926*. М.: Наука; 1969. 144 с.
46. Идес И., Бранд А. *Записки о русском посольстве в Китае (1692–1695)*. М.: Наука; 1967. 403 с.
47. Казанин М. И. *Избранное*. М.: Памятники исторической мысли; 2009. 431 с.
48. Скачков П. Е. *Библиография Китая – систематический указатель книг и журнальных статей о Китае на русском языке (1730–1930)*. М.; Л.: Соцэкгиз; 1932. 843 с.
49. Скачков П. Е. *Библиография Китая*. М.: Издательство восточной литературы; 1960. 692 с.
50. Скачков П. Е. *Очерки истории русского китаеведения*. М.: Наука; 1977. 510 с.
51. Примаков В. М. *Записки волонтера. Гражданская война в Китае*. М.: Наука; 1967. 215 с.
52. Вишнякова-Акимова В. В. *Два года в восставшем Китае. 1925–1927. Воспоминания*. М.: Наука; 1980. 286 с.
53. Далин С. А. *Китайские мемуары. 1921–1927*. М.: Наука; 1975. 359 с.
54. Черепанов А. И. *Записки военного советника в Китае. Из истории Первой гражданской революционной войны (1924–1927)*. М.: Наука; 1964. 288 с.
55. Черепанов А. И. *Северный поход Национально-революционной армии Китая (записки военного советника)*. М.: Наука; 1968. 303 с.



56. Благодатов А. В. *Записки о китайской революции 1925–1927 гг.* М.: Наука; 1970. 277 с.
57. Панцов А. В. *Тайная история советско-китайских отношений. Большевики и китайская революция (1919–1927)*. М.: Муравей-Гайд; 2001. 452 с.
58. Усов В. Н. *Советская разведка в Китае (20-е гг. XX в.)*. М.: Олма-Пресс; 2002. 384 с.
59. Калягин А. Я. *По незнакомым дорогам*. М.: Наука; 1969. 400 с.
60. *На китайской земле. Воспоминания советских добровольцев. 1925–1945*. М.: Наука; 1974. 374 с.
61. Черепанов А. И. *Записки военного советника в Китае*. 2-е изд. М.: Наука; 1976. 646 с.
62. Чудодеев Ю. В. (ред.) *В небе Китая, 1937–1940: Воспоминания советских летчиков-добровольцев*. М.: Наука; 1980. 379 с.
63. Чуйков В. И. *Миссия в Китае. Записки военного советника*. М.: Наука; 1981. 270 с.
64. Ян Хин-Шун (сост.) *Древнекитайская философия. Собрание текстов в двух томах*. М.: Мысль; 1972.
65. Кучера С. Р. *Китайская археология: 1965–1974. Палеолит – эпоха Инь*. М.: Наука; 1977. 268 с.
66. *Слово о живописи из Сада с горчичное зерно*. М.: В. Шевчук; 2001. 512 с.
67. Серова С. А. *Пекинская музыкальная драма*. М.: Наука; 1970. 196 с.
68. Кобзев А. И. Алексей Анатольевич Бокщанин (1935–2014). *Восток (Oriens)*. 2014; (5):217–219.
69. Головачёв В. Ц. (ред.) *Российское китаеведение – устная история: сборник интервью с ведущими российскими китаеведами XX–XXI вв.* М.: Институт востоковедения РАН, 2015. Т. 2. 572 с.

References

1. Mao Tse-Tung. *Selected works in 4 volumes*. Moscow: Inostrannaya literatura; 1952–1953. (In Russ.)
2. Pozdneeva L. D. *Lu Xing Life and works (1881-1936)*. Moscow: Moscow State University; 1959. (In Russ.)
3. Nikiforov V. N., Erenburg G. B., Yuriev M. F. *People's Revolution in China: history of the Chinese people's fight for the brilliant future*. Moscow: Gospolitizdat; 1950. (In Russ.)
4. Erenburg G. B. *The Chinese people's fight for liberation. A collection of essays*. Moscow: Uchpedgiz; 1951. (In Russ.)
5. Simonovskaya L. V., Erenburg G. B., Yuriev M. F. *A History of China. Collected essays*. Moscow: Uchpedgiz; 1956. (In Russ.)
6. Fan Wen-Lan. *Modern History of China. Vol. 1. 1840–1901*. Moscow: Inostrannaya literatura; 1955. (In Russ.)
7. Kuo Mo-jo. *The Slave system society*. Moscow: Inostrannaya literatura; 1956. (In Russ.)
8. Shang Yue (ed.) *Essays on Chinese History from the Ancient times till the time of the opium wars*. Moscow: Vostochnaya literatura; 1959. (In Russ.)



9. Pyn Min. *History of the friendship between China and USSR*. Moscow: Izdatelstvo sotsialno-ekonomicheskoi literatury; 1959. (In Russ.)
10. Luo Guanzhong. *The Triregnum. A novel*. Moscow: Goslitizdat; 1954. (In Russ.)
11. Shi Naian. *River's coves. A novel*. Moscow: Goslitizdat; 1955.
12. Cao Xueqin. *Dream in the Red Tower*. Moscow: Goslitizdat; 1958. (In Russ.)
13. Wu Cheng'en. *A journey to the West*. Moscow: Goslitizdat; 1959. (In Russ.)
14. Perevertailo A. S. (ed.) *Modern History of China. Collected Essays*. Moscow: Vostochnaya literatura; 1959. (In Russ.)
15. Tikhvinskii S. L. *The movement for reform in China at the end of the 19th cent. and Kang Yu-Wei*. Moscow: Vostochnaya literatura; 1959. (In Russ.)
16. Vyatkin R. V. *Museums and sights in China*. Moscow: Vostochnaya literatura; 1962. (In Russ.)
17. Vyatkin R. V. Some issues of the history of Chinese society and culture and the campaign of "criticism of Confucius" in the Peoples Republic of China. *Narody Azii i Afriki*. 1974;4:49-64. (In Russ.)
18. Vyatkin A. R. (ed.) *Yue Tae-Jin Le Zhuang: The Fate of the Orientalist R. V. Vyatkin*. Moscow: Institute of Oriental Studies RAS; 1998. (In Russ.)
19. Tikhvinskii S. L. (ed.) *Modern History of China*. Moscow: Nauka; 1972. (In Russ.)
20. Tikhvinskii S. L. (ed.) *China and the revolution of Xing hay*. Moscow: Nauka; 1962. (In Russ.)
21. Tikhvinskii S. L. (ed.) *The Manchur dominion in China*. Moscow: Nauka; 1966. (In Russ.)
22. Sun Yat-sen. *Selected works*. Moscow: Nauka; 1964. (In Russ.)
23. Perelomov L. S. (ed.) *The Book of the Ruler of the Shang province (Shang Tzen shu)*. Moscow: Nauka; 1968. (In Russ.)
24. Munkuev N. Ts. *A Chinese historical source regarding the first Khans of Mongolia: An inscription on the Elui Chu-Tsai grave*. Moscow: Nauka; 1965. (In Russ.)
25. Zhao Hong. *A Complete description of Mongol Tatars*. Moscow: Nauka; 1975. (In Russ.)
26. Li Dazhao. *Selected articles and speeches*. Moscow: Nauka; 1965. (In Russ.)
27. Ilyushechkin V. P., Soloviev O. G. (ed.) *Documents on the Tai-ping revolt 1850-1864*. Moscow: Izdatelstvo vostochnoi literatury; 1960. (In Russ.)
28. Ilyushechkin V. P. *The Tai-ping peasant war*. Moscow: Nauka; 1967. (In Russ.)
29. Nepomnin O. E. *China's economic history 1864-1894*. Moscow: Nauka; 1974. (In Russ.)
30. Kalyuzhnaya N. M. (ed.) *Documents on the I-khe-tuang revolt. 1898-1901*. Moscow: Nauka; 1968. (In Russ.)
31. Kalyuzhnaya N. M. *Historiography of the I-khe-tuang revolt (1898-1901)*. Moscow: Nauka; 1973. (In Russ.)
- Kalyuzhnaya N. M. *I-khe-tuang revolt (1898-1901)*. Moscow: Nauka; 1973. (In Russ.)
33. Vasiliev L. S. *Agrarian policy and the rural community in the Ancient China*. Moscow: Academy of Sciences of the USSR, Institute of Asian Nations; 1961. (In Russ.)
34. Vasiliev L. S. *Cultus, religion and traditions in China*. Moscow: Nauka; 1970. (In Russ.)



35. Borokh L. N. *Union for the Chinese Resurgence*. Moscow: Nauka; 1971. (In Russ.)
36. Borokh L. N. *Social thought in China and socialism (beginning of the 20th cent.)*. Moscow: Nauka; 1984. (In Russ.)
37. Delyusin L. P., Borokh L. N. (eds) *China. Search for the ways for social development*. Moscow: Nauka; 1979. (In Russ.)
38. Delyusin L. P., Borokh L. N. (eds) *China's Confucianism: theory and praxis*. Moscow: Nauka; 1982. (In Russ.)
39. Delyusin L. P., Bokshchanin A. A., Borokh L. N. (eds) *Social sciences in the Peoples Republic of China*. Moscow: Nauka; 1986. (In Russ.)
40. Delyusin L. P., Borokh L. N. (eds) *Social utopias in China*. Moscow: Nauka; 1987. (In Russ.)
41. Delyusin L. P., Borokh L. N. (eds) *Social and political thought in China (end of the 19th cent.- beginning of the 20th cent.)*. Moscow: Nauka; 1988. (In Russ.)
42. Borokh L. N., Porshneva E. B., Delyusin L. P. (eds) *A personality in traditional China*. Moscow: Nauka; 1992. (In Russ.)
43. Borokh L. N., Kobzev A. I. (eds) *The category of the DE in the Chinese culture. (From the magical power to the moral imperative)*. Moscow: Vostochnaya literatura; 1998. (In Russ.)
44. Delyusin L. P. (ed.) *China: Tradition and the Modern Times praxis*. Moscow: Nauka; 1976. (In Russ.)
45. Konchits N. I. *The Chinese diaries 1925–1926*. Moscow: Nauka; 1969. (In Russ.)
46. Ides I., Brand A. *Memoirs about the Russian Embassy in China (1692–1695)*. Moscow: Nauka; 1967. (In Russ.)
47. Kazanin M. I. *Selected works*. Moscow: Pamyatniki istoricheskoi mysli; 2009. (In Russ.)
48. Skachkov P. E. *The bibliography of China (A systematical index of books and journal articles about China in Russian 1730–1930)*. Moscow; Leningrad: Sotsekgiz; 1932. (In Russ.)
49. Skachkov P. E. *The bibliography of China*. Moscow: Izdatelstvo vostochnoi literatury; 1960. (In Russ.)
50. Skachkov P. E. *Essays on the history of Chinese Studies in Russia*. Moscow: Nauka; 1977. (In Russ.)
51. Primakov V. M. *Memoirs of a volunteer soldier. Civil war in China*. Moscow: Nauka; 1967. (In Russ.)
52. Vishnyakova-Akimova V. V. *Memoirs. Two years in the insurgent China 1925–1927*. Moscow: Nauka; 1980. (In Russ.)
53. Dalin S. A. *Memoirs on China 1921–1927*. Moscow: Nauka; 1975. (In Russ.)
54. Cherepanov A. I. *Memoirs of the Soviet military advisor in China. Pages from the history of the First Revolutionary Civil war (1924–1927)*. Moscow: Nauka; 1964. (In Russ.)
55. Cherepanov A. I. *Memoirs of the Soviet military advisor in China. The Northern campaign*. Moscow: Nauka; 1968. (In Russ.)
56. Blagodatov A. V. *Memoirs about the Chinese Revolution 1925–1927*. Moscow: Nauka; 1970. (In Russ.)



57. Pantsov A. V. *An arcane history of the relations between the Soviet Union and China, The Bolsheviks and the Chinese revolution 1925-1927*. Moscow: Muravei-Gaid; 2001. (In Russ.)

58. Usov V. N. *The Soviet military intelligence in China in 1920es*. Moscow: Olma-Press; 2002. (In Russ.)

59. Kalyagin A. Ya. *Along the unfamiliar roads*. Moscow: Nauka; 1969. (In Russ.)

60. *On the Chinese sole. Memoirs of the Soviet military volunteers. 1925–1945*. Moscow: Nauka; 1974. (In Russ.)

61. Cherepanov A. I. *Memoirs of the Soviet military advisor in China*. 2nd ed. Moscow: Nauka; 1976. (In Russ.)

62. Chudodeev Yu. V. (ed.) *In the Chinese sky 1937–1940. Memoirs of the Soviet volunteer fighter pilots*. Moscow: Nauka; 1980. (In Russ.)

63. Chuikov V. I. *A military mission to China (Memoirs of the military advisor)*. Moscow: Nauka; 1981. (In Russ.)

64. Yan Khin-Shun (ed.) *The Ancient Chinese philosophy. Collection of texts in 2 volumes*. Moscow: Mysl; 1972. (In Russ.)

65. Kuchera S. R. *The archaeology of China in 1965-1974. Paleolithic era – era Yin*. Moscow: Nauka; 1977. (In Russ.)

66. An account on painting from the Mustard Seed Garden. Moscow: V. Shevchuk; 2001. (In Russ.)

67. Serova S. A. *The Peking musical drama*. Moscow: Nauka; 1970. (In Russ.)

68. Kobzev A. I. Aleksei A. Bokshchanin (1935–2014). *Vostok (Oriens)*. 2014;(5):217–219. (In Russ.)

69. Golovachyov V. Ts. (ed.) *Chinese Studies in Russia. Oral history: interviews with leading Russian Sinologists of the 20th–21st cent. A collection*. Moscow: Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences, 2015. Vol. 2. (In Russ.)

Информация об авторе

Чудодеев Юрий Владимирович, кандидат исторических наук, ведущий научный сотрудник Отдела Китая, Институт востоковедения РАН, г. Москва, Российская Федерация.

Information about the author

Yurij V. Chudodeev, Ph. D (Hist.), Leading Research Fellow, Department of China, Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russian Federation.

Раскрытие информации о конфликте интересов

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Conflicts of Interest Disclosure

The author declares that there is no conflict of interest.

Информация о статье

Поступила в редакцию: 4 сентября 2018 г.
Одобрена рецензентами: 8 октября 2018 г.
Принята к публикации: 18 октября 2018 г.

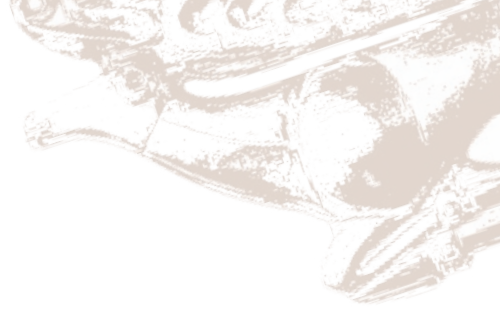
Article info

Received: September 4, 2018
Reviewed: October 8, 2018
Accepted: October 18, 2018

PHILOSOPHY



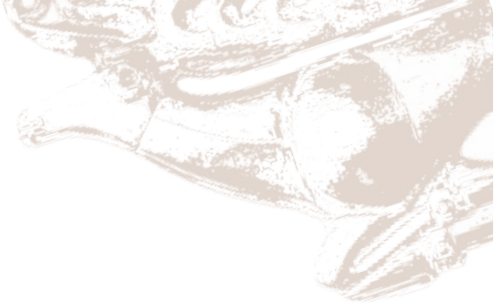
■ **Philosophy of Religion
and Religious Studies**



ФИЛОСОФСКИЕ НАУКИ



■ **Философия религии
и религиоведение**



Ибн-Сина (Авиценна)

Указания и напоминания [Раздел по метафизике]. Часть вторая

Т. Ибрагим¹, Н. В. Ефремова^{2*} (Перевод с арабского, комментарии и предисловие)

¹ Институт востоковедения РАН, г. Москва, Российская Федерация,
ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-1995-2760>, e-mail: nataufik@mail.ru

² Институт философии РАН, г. Москва, Российская Федерация,
ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-1216-5067>, e-mail: salamnat@mail.ru

Резюме: во второй части продолжающейся публикации, начатой в предыдущем номере журнала, представлен перевод пятой главы из раздела по физике и метафизике/теологии книги крупнейшего классика арабо-мусульманской философии Ибн-Сины (Авиценны; 980–1037) «Указания и напоминания» (*аль-Ишарат ва-т-танбихат*). В настоящей главе, посвященной вопросу о статусе Бытийно-необходимого (Бога) как Первоначала, обсуждаются разные модусы приведения вещей к бытию, критикуется тезис о темпоральном финитизме, обосновывается мысль о вечном творении – *ибда'* – как о высшем ранге созидания и наиболее подходящем Божьему всесовершенству.

Ключевые слова: «аль-Ишарат ва-т-танбихат»; Бытийно-необходимое; вечное творение; восточный перипатетизм; Ибн-Сина (Авиценна); креационизм; метафизика; мусульманская философия; творение; темпорализм; «Указания и напоминания»; фальсафа; этернализм

Для цитирования: Ибн-Сина (Авиценна). Указания и напоминания [Раздел по метафизике]. Часть вторая. (Перевод с арабского, предисловие и комментарии Т. Ибрагима и Н. В. Ефремовой). *Ориенталистика*. 2018;1(3-4):461–486. DOI: 10.31696/2618-7043-2018-1-3-4-461-486.

* Авторы внесли равный вклад в эту работу. Необходимо отметить особый вклад Наталии Ефремовой в облегчение восприятия исламских богословских терминов при подготовке данной статьи, а также вклад Тауфика Ибрагима в редактирование элементов статьи на арабском языке.



Ibn-Sina (Avicenna)

Al-Isharat wa-t-tanbihat [on metaphysics]. Part two

Tawfik Ibrahim¹, Natalia V. Efremova^{2*}

(Translation from Arabic into Russian, comments and introduction)

¹ Institute of Oriental Studies of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russian Federation, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-1995-2760>, e-mail: nataufik@mail.ru

² Institute of Philosophy of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russian Federation, ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-1216-5067>, e-mail: salamnat@mail.ru

Abstract: this is a continuation of the translation into Russian of the treatise al-Isharat wa-t-Tanbihat ("Remarks and Admonitions") by Ibn-Sina (Avicenna, 980–1037). The present article comprises the Chapter 5 of Avicenna's treatise, which deals with the state of the Necessary Existent (i.e. God) as First Principle, discusses various modes for bringing things into being and criticizes the thesis about the temporal finitism. The chapter also contains a justification of the eternal invention (ibda') as a supreme level of creation, which is most adequately expresses the Divine absolute perfection.

Keywords: creation, eternal; creationism; eternalism; Falsafa; Ibn-Sina (Avicenna); al-Isharat wa-t-tanbihat; metaphysics; Necessary Existent; peripatetism, islamic; philosophy, Islamic; "Remarks and Admonitions"; temporalism

For citation: Ibn-Sina (Avicenna). Al-Isharat wa-t-tanbihat [on metaphysics]. Part Two. (Translation from Arabic into Russian, comments and introduction by T. Ibrahim and N. V. Efremova). *Orientalistica*. 2018;1(3-4):461–486. (In Russ.) DOI: 10.31696/2618-7043-2018-1-3-4-461-486.

Предисловие к переводу

Обосновывая в предыдущей главе [1] бытие Бога, или Бытийно-необходимого, как Первоначала сущих, Ибн-Сина далее рассматривает модальности этого статуса. В восточном/мусульманском перипатетизме (*фальсафа*) философским вариантом религиозно-теологического представления о мире как о Божьем «творении» выступает учение об «эманации» (*файд, судур*), исхождении множественности вещей от Единого (Бога). Собственно эманационный процесс космогенеза описывается в следующей главе [2, с. 314–318]. В настоящей же главе обосновывается мысль о вневременном характере этого процесса, откуда следует тезис об извечности мира.

* These authors contributed equally to this work. It is necessary to note the special contribution of Natalia Efremova in facilitating the perception of Islamic theological terms in the preparation of this article, as well as the contribution of Tawfik Ibrahim to the editing of article elements in Arabic.



Указанный тезис идет вразрез с господствующей в традиционной мусульманской теологии креационистской доктриной, согласно которой Бог сотворил мир из ничего (*мин ля-шай'*, или *ля мин шай'*; лат. *ex nihilo*), во времени или, по одной версии, вместе со временем, а само время полагается конечным, имеющим начало. Рациональные аргументы в пользу этой доктрины выдвигали богословы-мутакаллимы¹, притом как мутазилиты, так и их оппоненты из ашаритско-матуридитской школы, в рамках которой разрабатывались теологические положения, впоследствии утвердившиеся как «ортодоксальные» в суннитском исламе².

В полемике с мутакаллимами Ибн-Сина доказывает, что этерналистская концепция более соответствует не только рациональным представлениям о природе времени и причинности, но и о Божьем всесовершенстве. Одновременно философ разъясняет несостоятельность двух фундаментальных положений, на которых зиждется креационистско-темпоралистская парадигма: во-первых, причиненная/созданная вещь нуждается в своей причине/создателе именно вследствие «возникновения [во времени]» (*худус*)³ этой вещи (так что если бы мир был извечным, он не нуждался бы в Создателе/Боге); во-вторых, «невозможность [цепочки] возникших, не имеющих начала» (*истихалят хавадис ля авваля ля-ха*), т. е. отрицание бесконечной регрессии, когда за каждым возникшим (например, движением) стояло бы другое возникшее.

Вместо характерного для калама осмысления дуальности Бога и мира в терминах «возникшее-извечное» (*хадис-кадим*) Ибн-Сина выставляет категориальную пару «возможное-необходимое» (*мумкин-ваджиб*)⁴. Сама по себе любая вещь в мире лишь возможна (т. е. может быть, но может и не быть), а посему нуждается в Необходимом/Боге, и не только для возникновения (если она возникшая), но и пока она существует. Но как бы идя навстречу мутакаллимам, автор «Указаний и напоминаний»⁵ модифицирует традиционный термин «худус/возникновение» (соответственно «*мухдас/явленное*»), под которым прежде понималось исключительно временное предшествование небытия – бытию. Согласно философу, всякая вещь в мире, будучи возможной/причиненной, нуждается в чем-то другом для обретения бытия, а значит, сама по себе есть не-сущая, и в этом смысле ее бытию предшествует

¹ Представители калама (араб. *калям*), рациональной теологии ислама.

² В отношении собственно креационистского тезиса шиитская теология практически не отличается от суннитской.

³ Однокоренной глагол *хадаса* передается нами как «возникать», «являться»; соответствующее действительное причастие *хадис* – как «возникшее», «явившееся»; переходная же форма глагола *ахдаса* (имя действия – *ихдас*) – как «являть [к бытию]»; соответствующее страдательное причастие *мухдас* – как «явленное».

⁴ Об этих терминах говорится в предыдущей главе.

⁵ В параграфе 7 настоящей главы.



не-бытие, т. е. она – «возникшая». Введенное таким образом понятие «самостное возникновение» (*худус зати*)⁶ охватывает всякое причиненное, распространяясь как на перманентные/извечные реалии (в частности, небесные тела⁷, их души и разумы), так и на переходящие вещи подлунной сферы, «мира возникновения и уничтожения» (*алям аль-каун ва-ль-фасад*).

В старом смысле термина *худус* Ибн-Сина употребляет обозначение *худус замани*, «временное возникновение». Ясно, что таковое служит частным случаем вышеупомянутого понятия *худус зати*. Но порой, заметим, Ибн-Сина рядопологает эти термины, прилагая *худус зати* исключительно к вневременному/вечному продуцированию/творению.

Такое вечное продуцирование сам философ, как и другие представители фальсафы, предпочитает характеризовать с помощью термина *ибда'*, определяя его здесь (в параграфе 9) в смысле наделения бытием «без посредства материи, орудия или времени». Данный термин встречается в Коране – в аятах 2:117 и 6:101, где Бог описывается как «*бади'* (версия: творец) небес и земли». Первоначально этот термин выражал понятие о нововведении (что ясно прослеживается в свете широко распространенного обозначения новшества в религии как *бид'а*) и на ранних этапах употреблялся теологами в значении сотворения чего-то нового, не имеющего аналога. Но позже, вероятнее всего под влиянием Ибн-Сины и других фальсифа, в теологической литературе наряду с таким пониманием за термином закрепилось и близкое к авиценновскому толкованию значение (см.: [4, с. 31–32])⁸.

В оригинале в названии настоящей главы фигурируют два термина – *сун'* и *ибда'*, переведенные нами как «создание [вообще]» и «[вечное] творение». Обозначение *сун'* также является кораническим, в Писании прилагаясь и к Богу (27:88), и к людям (напр., 11:38). В комментариях к заглавию ар-Рази (ум. 1209) пишет, что для фальсифа *сун'*, в противоположность термину *ибда'*, означает [явление к бытию вещи], которой предшествуют материя и время [5, с. 385]. Схожим образом означенный термин истолковывается у аль-Амиди (ум. 1233) [6, с. 237] и ат-Гусы (ум. 1273) [7, с. 631, 680]. Нам же представляется, что Ибн-Сина, хотя и полемизирует (в параграфе 2) с теологическим, темпоралистским пони-

⁶ Наряду с обозначением «самостное» (*зати*) в авиценновском «Спасении» фигурирует «в аспекте самости» (*би-хасаб аз-зат*), см.: [3, с. 542–543].

⁷ Концентрические сферы: семь сфер, к которым прикреплено по одному светилу (Луна, Меркурий, Венера, Солнце, Марс, Юпитер и Сатурн); сфера «неподвижных звезд»; далее, согласно некоторым философам, атласная/беззвездная сфера.

⁸ В указанных же аятах слово *бади'* скорее имеет смысл «единственный, бесподобный» (Бог – один такой на небесах и на земле). Позже это слово стало рассматриваться и как форма действительного причастия (от однокоренного глагола *абда'а*) – *мубди'*, «творящий».



манием термина *сун'* (наряду с терминами *фа'ль*/«делание» и *иджад*/«осуществление», которые, видимо, рассматриваются здесь как синонимы), но вместе с тем сам не вкладывает в данный термин собственно темпоральный смысл и не противопоставляет его термину *ибда'*. В этом отношении показательно, что в конце данной главы Бог характеризуется как *ас-сани'* («создатель»). А в «Исцелении» философ в смысле творения вообще употребляет вышеупомянутый термин *иджад*, выделяя две его разновидности – *ибда'* и *такуин* (творение из предшествующей материи) [8, с. 267; 9, т. 2, с. 1035].

Не совсем адекватной представляется и интерпретация термина *ибда'* в смысле «прямого/непосредственного творения»⁹ – интерпретация, которая на первый взгляд кажется соответствующей вышеупомянутому его определению («без посредства материи, орудия или времени»). Ибо философ прилагает *ибда'* (страдательное причастие *мубда'*) не только к первому сотворенному/разуму, но и к сотворенным через него нижеследующим космическим разумам, а также к душам и телам небесных сфер, сотворенных посредством этих разумов¹⁰.

Данные в «Указаниях и напоминаниях» философские аргументы в пользу концепции вечного творения развивают и дополняют ее обоснования в предыдущих сочинениях Ибн-Сины, особенно в «Исцелении» (*аш-Шифа'*). И несмотря на неприятие со стороны ортодоксальных богословов, порой квалифицирующих ее как ересь¹¹, эта концепция нашла немало сторонников, притом за пределами школы фальсафа. Ее приверженцами стали такие интеллектуалы суфизма, как Ибн-Араби (ум. 1240) и аль-Джили (ум. 1424). Как это ни парадоксально, в числе активных его защитников оказался видный оппонент фальсафы, ханбалит Ибн-Таймийя (ум. 1328). На ее сторону встали также и многие реформаторы Нового и Новейшего времени, в том числе среди российских мусульман (подробнее см.: [4]).

⁹ Как, например, в английском переводе данного сочинения Ибн-Сины, где название настоящей главы передано как «Creation Ex Nihilo and immediate Creation» [10, с. 132].

¹⁰ Правда, в нижеследующей главе (параграф 41) первый разум описан как «подлинно (*би-ль-хакыка*) *мубда'*» [2, с. 317], а в «Исцелении» говорится, что превосходнейшим образом (*афдал*) наименование «*мубда'*/сотворённое» должно прилагаться именно к тому, чьё исхождение от своей первопричины не опосредовано какой-либо вещью, будь таковая материальной, действующей или другой [8, 6.2, с. 267].

¹¹ В том числе в «Опровержении философов» (*Тахафут аль-фаласифа*) аль-Газали (ум. 1111).



Глава пятая

Создание [вообще] и [вечное] творение¹²

[1. Причиненное нуждается в причине как возможное, а не как возникшее; для сохранности в бытии причиненному не обойтись без своей причины]¹³

[1] Заблуждение¹⁴: [мнение о нужде в причине только для возникновения]

В воображении простолюдинов (*аухам 'аммиййа*)¹⁵ зависимость вещи, которую они называют «сделанной» (*маф'уль*), от вещи, которую они называют «делателем» (*фа'иль*), – это зависимость в аспекте их понимания сих слов, когда они называют сделанное сделанным, а делателя – делателем. Данный же аспект состоит в том, что первое – «осуществлено», «создано», «сделано», а второе – «осуществил» (*ауджада*), «создал» (*сана'а*) и «сделал» (*фа'аля*), и все это сводится к тому, что одна вещь обрела от другой вещи бытие (*вуджуд*), которого прежде не было.

Они могут также сказать, что раз вещь уже осуществлена, то она перестает более нуждаться в [ее] делателе, так что даже если делатель исчезнет, то сделанное может оставаться в бытии, как сие наблюдается в случае с исчезновением строителя и сохранением построенного им здания¹⁶.

[Первый аргумент]

Более того, многие из них не воздерживаются утверждать, что если бы допустимо было исчезновение ('*адам*) Творца, то Его исчезновение не причинило бы вреда бытию мира: ибо, считают они, в Творце мир нуждается лишь для собственного осуществления, т. е. для выведения его из небытия ('*адам*) в бытие, и именно поэтому Он является делателем. А раз Он уже сделал [сие] и [мир] обрел бытие после небытия, то ему больше не надо переходить от небытия в бытие – зачем тогда ему делатель?!

¹² «Создание» – араб. *сун'*; «творение» – *ибда'*. Об этих терминах было сказано в предисловии к переводу.

¹³ Вслед за ар-Рази [5, с. 385] в данной главе мы выделяем десять тем. «Возможность/контингентность» – араб. *имкан*; «возникновение/явление [к бытию]» – *худус*; «сохранение в бытии» – *бака'*.

¹⁴ В одной из версий: заблуждение и напоминание.

¹⁵ То есть богословов-мутакаллимов. В «Спасении» соответствующее рассуждение озаглавлено так: «О том, что причиной нужды в Необходимом служит возможность (*имкан*), а не возникновение (*худус*), как то воображают слабые среди мутакаллимов (*ду'афа' аль-мутакаллимин*)» [3, с. 522].

¹⁶ Как замечает ар-Рази, не все мутакаллимы утверждают подобное. Хотя они и не полагают уже существующую субстанцию нуждающейся в Делателе, но вместе с тем многие из них считают эту субстанцию нуждающейся в определённых акциденциях, которые сами по себе не перманентны, а создаются в ней Делателем: например, акциденции «сохранности [в бытии]» (*бака'*). Это остальные [богословы], которые не учат о такой акциденции, придерживаются критикуемого Ибн-Синоу мнения. Вот почему у него и сказано: «они могут также сказать» [5, т. 2, с. 387–388].



[Второй аргумент]

И еще они говорят: если бы [мир] нуждался в Творце (всевышен Он!)¹⁷ постольку, поскольку он существует, то всякое сущее, включая и Творца, нуждалось бы в другом осуществителе, тот – в третьем, и так далее до бесконечности.

Обратимся к разъяснению этого вопроса и изложим [истинный] взгляд, которого следует придерживаться¹⁸.

[2] Напоминание: [о «делании»]

Сначала мы должны разложить смысл наших слов «создать», «сделать», или «осуществить» на простейшие части этого понятия, отбрасывая те [аспекты], которые лишь акцидентально привходят к ним¹⁹.

Если одна вещь, говорим мы, была не-сущей (*ма'дум*), затем, благодаря другой вещи, после небытия стала сущей (*мауджуд*), то мы называем ее «сделанной» (*маф'уль*). Здесь нам неважно, оказывается ли второе [понятие] равным первому²⁰, более общим²¹ или же более особенным, дабы [в последнем случае] нужно было бы добавить, сказав, например: сущая после небытия благодаря той вещи (1) через ее движение (*тахаррук*) [или без него]; (2) непосредственно (*мубашара*) или с помощью некоторого орудия (*аля*); (3) по волевому намерению (*касд ихтийари*), по природе (*таб'*), по порождению (*таваллуд*) и так далее или же по чему-то из противоположностей (*мукабият*) таковых²², – мы сейчас не обращаем внимания на все это, хотя в действительности сие суть лишь аспекты, дополнительные к факту бытия вещи сделанной²³. А противо-

¹⁷ Араб. *та'аля*.

¹⁸ Более подробная критика дана в «Исцелении», см.: [8, 6.1–2, с. 259–267].

¹⁹ Например, «с помощью инструмента» или «через движение».

²⁰ Первое понятие – «явленное» (*мухдас*), или, по словам Ибн-Сины, «благодаря чему-либо ставшее сущим после небытия»; второе – «сделанное» (*маф'уль*).

²¹ Как будет сказано в восьмом параграфе, «сделанное» более общее сравнительно с «явленным».

²² Явленному по волевому стремлению, т. е. по выбору (*ихтийар*), противостоит (глаг. *кабалья*) явленное по природе; явленному непосредственно противостоит, с одной стороны, явленное с помощью орудия, а с другой – явленное по порождению; ибо о возникновении, например, движения от тела некоторые мутакаллимы говорят как о возникновении по порождению, поскольку тело вызывает (глаг. *ахдаса*) сначала стремление (*у'тимад*, [или *майль*]), потом от этого стремления рождается движение, а о возникновении стремления от него говорят как о непосредственном возникновении [7, т. 2, с. 637].

²³ Ибн-Сина подразумевает, что было бы сделанное (*маф'уль*) равнозначным, например, явленному по выбору или по порождению, то сделанное было бы более особенным сравнительно с «явленным/возникшим» вообще (*мутлак*). Данный факт отмечается философом потому, что мутакаллимы употребляют термин *фи'ль*/«делание» в более узком смысле сравнительно с термином *ихдас*/«явление [к бытию]», а именно как *ихдас*/«явление», исходящее от воли делателя; тогда как философы полагают *фи'ль* охватывающим и *ихдас*/«явление», и *ибда'*/«творение». Правда, здесь автор употребляет означенный термин как равнозначный термину *ихдас* [7, т. 2, с. 637].



лежащую вещь, благодаря коей первая вещь возникает, мы называем «делателем» (*фа'иль*).

О равенстве же здесь свидетельствует то, что при высказывании «Сделал с помощью орудия», «Сделал движением», «Сделал по воле» или «Сделал по природе» не приводится ничего, что противоречило бы самому факту бытия делания деланием или содержало бы какое-то повторение (*такрир*) в понятии. Было бы противоречие, если бы, например, понятие о делании запрещало быть по природе²⁴. А повторение имелось бы, если бы, например, в понятие о делании включалась воля – тогда высказывание «[Человек] сделал по воле» было бы схожим с высказыванием «Человек есть живое существо»²⁵.

Если таковое²⁶ равняется понятию «делание» или составляет [только] части его²⁷, то это никак не повредит нашей цели. Ведь в понятии «делание» заключены [три вещи]²⁸ – бытие (*вуджуд*), небытие (*'адам*) и [факт] появления (*каун*) этого бытия после небытия, притом такой [факт] словно служит свойством означенного бытия, предикатом для него.

Но небытие не зависит от делателя сделанного бытия²⁹.

А характеристика сего бытия как [бытия] после небытия не обусловлена ни деланием делателя, ни действием (*джа'ль*) действителя. Ибо в отношении такого [сущего, которое] возможно не-сущее, бытие возможно только после небытия.

Остается лишь предположить, что его зависимость [от делателя] имеет место в аспекте именно означенного бытия³⁰ – либо как бытия

²⁴ В одной из рукописей добавлено: тогда высказывание «Сделал по природе» было бы равносильным высказыванию «Сделал то, что сделал». Ар-Рази же даёт такое толкование: если бы «делание» включало в себя понятие о выборе, этому противоречило бы высказывание «Сделал по природе» [5, т. 2, с. 390].

²⁵ Как пишет ар-Рази, мутакаллимы соглашались с двумя импликациями (*ильзам*) – повторением и противоречием. Но истина на их стороне, поскольку филологи не говорят об огне как о делателе жжения или о воде – как о делателе охлаждения [5, т. 2, с. 390]. Ат-Тусы возражает: в литературе встречаются случаи употребления термина «делание» в отношении действия, например, холода и вина, а если к такому этот термин приложим, то почему нельзя его применять в отношении действия, которое не исходит от воли/выбора?! Более того, филологи понимают «делание» в смысле «явления [к бытию] (*ихдас*) чего-то», без какого-либо дополнительного уточнения. И именно мутакаллимы отошли от общепринятого (*урф*) употребления термина, утверждая, будто тексты Откровения (*нусус ат-танзил*) и филологов свидетельствуют в пользу каламского понимания Божьего «делания» как «делания по воле» [7, т. 2, с. 638–639].

²⁶ То есть смысл «благодаря чему-либо стать сущим после небытия», или *ихдас*/«явление».

²⁷ Эти две альтернативы отражают соответственно мнение Ибн-Сины и мнение мутакаллимов; согласно последним, как было сказано, *фи'ль* – это *ихдас* по воле/выбору.

²⁸ Вставка согласно толкованию ат-Тусы [7, т. 2, с. 640].

²⁹ Ибо это небытие есть ничто (*ля шай'*) [7, т. 2, с. 640].

³⁰ Не бытия вообще, ибо бытие бытийно-необходимого не зависит от некоторого делателя [7, т. 2, с. 640].



вещи, которая не бытийно-необходима, либо как бытия вещи, бытию которой должно предшествовать небытие³¹.

[3] Дополнение и указание: [в каком аспекте сделанное зависит от делателя]

Посмотрим теперь, по какому из этих двух факторов [сделанное] зависит [от делателя].

Мы говорим: понятие о том, что [сделанное] не есть бытийно-необходимое по своей самости, но благодаря иному, не запрещает, чтобы [сделанное] было двояким: во-первых, постоянно (*да'им^{ан}*) бытийно-необходимым благодаря другому; во-вторых, временно (*вакт^{ан} ма*) бытийно-необходимым благодаря другому. Ведь о них обоих сказывается «бытийно-необходимое-благодаря-другому» (по самому понятию этой характеристики, если ничто не препятствует ему извне), и за ними обоими отрицается «бытийно-необходимое-само-по-себе». А «предваренное небытием» (*масбук аль-'адам*)³² имеет один лишь аспект, и в своем понятии оно более частное, чем то понятие. И обоим понятиям предсказывается зависимость от иного. Но когда одно из двух понятий шире другого и обоим предсказывается [третье] понятие³³, то последнее сначала предсказывается общему, а потом частному, ибо оно прилагается к частному лишь по приложении к общему, но не наоборот³⁴.

Поэтому³⁵ если бы допускалось здесь, чтобы предваренное небытием было сущим не обязательно благодаря другому и чтобы [бытие] могло

³¹ То есть нужда вещи в делателе обусловлена либо ее возможностью, либо ее возникновением. Согласно ар-Рази, далее должно определяться – или какая вещь нуждается в делателе, или какова причина этой нужды; нижеследующее рассуждение Ибн-Сины допускает обе альтернативы, но предпочтительнее отнести его к первой [5, т. 2, с. 392]; ат-Тусы, видимо, соглашается с мнением ар-Рази, без комментариев воспроизводя его [7, т. 2, с. 640].

Сам ар-Рази указывает на несостоятельность каламского тезиса о возникновении/явленности как причине нужды в делателе – ведь возникновение вещи есть модус (*кай-фиййа*) ее бытия (*вуджуд*), а значит, нуждается в этом бытии; бытие же нуждается в осуществлении (*иджад*); осуществление – в осуществителе; осуществитель – в причине нужды вещи в нем; так что если бы возникновение служило причиной нужды вещи, оно бы оказалось на несколько ступеней последующим (глаг. *та'ххара*) по отношению к самому себе! [5, т. 2, с. 391].

³² То есть явленное/возникшее (*хадис*).

³³ В частности: зависимость от другого.

³⁴ Следовательно, свойство «зависимость от другого» присуща [более общему, т. е.] «необходимому-благодаря-другому» первичным образом, по самости, а [более частному, т. е.] «предваренному небытием», [явленному/возникшему] – вторичным образом, по причине того свойства [7, т. 2, с. 644].

³⁵ Далее идет усиление указанного вывода (см. предыдущее примечание), гласящее, что свойство «зависимость от другого» присуще «предваренному небытием» не постольку, поскольку оно таково.



[иметься] у него самого по себе (*фи хадд нафси-х*), то не было бы указанной зависимости [от другого].

Отсюда явствует, что означенная зависимость обусловлена первым фактором³⁶.

А поскольку это свойство всегда предцируется причинным не только в плане возникновения (*худус*), то такая зависимость постоянна³⁷.

Равным образом, будь зависимость обусловлена фактором предшествования небытия [бытию сделанного]³⁸, данное бытие не зависело бы [от делателя] только в момент (*халь*) возникновения после небытия, чтобы оно потом могло обойтись без сего делателя³⁹.

[2. Всякому возникшему предшествует время]

[4] Напоминание⁴⁰

Возникшее (*хадис*) после того, как его не было (*ба'да ма-лям йакун*), имеет такое «до» (*кабль*), когда его не существовало, но это не как предшествование (*каблійа*) единицы – двойке, когда предшествующее и последующее наличествуют одновременно вместе в плане реализации бытия (*хусул аль-вуджуд*), а такое предшествование предшествующего (*кабль*), каковое не сохраняется (глагол *сабута*) при [наличии] последующего (*ба'д*): в таковом имеется обновление (*таджаддуд*) последования (*ба'дийа*) после уничтожившегося предшествования (*каблійа батыла*).

И это предшествование не есть ни само небытие, ибо небытие может иметь место и после, ни сам делатель, поскольку он может быть «до», «вместе» и «после». Значит, такое предшествование представляет собой нечто иное, в котором непрестанно (*'аля аль-иттисал*) происходит обновление и исчезновение⁴¹.

³⁶ То есть по причине необходимости благодаря другому.

³⁷ В отличие от мнения простолюдинов/мутакаллимов.

³⁸ Как то полагают простолюдины/мутакаллимы.

³⁹ Ибо свойство «возникновение-сделанного-после-небытия» перманентным образом присуще такому сделанному, а не только в момент его возникновения.

⁴⁰ Ниже показывается, что всякому возникшему предшествует сущее, у которого сасность не устойчива (*гайр карр*) и которое континуально (*муттасыл*) наподобие континуальности величин (*макадир*), а это и есть время (*заман*), хотя оно здесь и не называется по имени [7, т. 2, с. 649]. Под «величиной» понимается протяжённое континуальное количество, такое как линия, поверхность и тело.

⁴¹ Ар-Рази добавляет: и самое это предшествование есть нечто возникшее, а значит, ему предшествует другое нечто, в отношении которого справедливо то же самое рассуждение, что и в отношении первого; так что до всякого возникшего должно быть [другое] возникшее, и так до бесконечности [5, т. 2, с. 396].



А тебе известно⁴², что такое континуальное, которое аналогично (глаг. *ваза*) движениям в величинах⁴³, не состоит из неделимых [частей]⁴⁴.

[3. О сущности времени]

[5] Указание

Обновление (*таджаддуд*)⁴⁵ может происходить только при изменении (*тагаййур*) состояния (*халь*), а изменение возможно только у [вещи], которая допускает изменение состояния, то есть у субстрата (*мауду*)⁴⁶. Значит, [в своем бытии] это континуальное (*иттисал*)⁴⁷ зависит от движения и движущегося, то есть от изменения и изменяющегося⁴⁸, особенно от такого движения, которое может продолжаться без конца, как позиционно круговое (*вад'иййа дауриййа*)⁴⁹.

И данное континуальное, [как мы видели], поддается измерению (*такдир*), ибо «до» может быть более дальним или более близким, а следовательно, оно является количеством (*камм*), которое служит мерилom (*мукаддир*) для изменения. Но именно это и есть «время» (*аз-заман*) – количество⁵⁰ (*каммиййат*) движения, но не в аспекте расстояния (*масафа*)⁵¹,

⁴² Из раздела по физике, параграф 5, глава 1.

⁴³ Движению на некоторое расстояние (ед. *масафа*).

⁴⁴ Движение неатомарно вследствие неатомарности соответствующего расстояния/тела. В данном параграфе установлено бытие (*инниййа*) времени, ниже будет установлена его сущность (*махиййа*); поскольку время явно по бытию, но скрыто по сущности, то первый параграф обозначен как «напоминание», а второй – как «указание» [7, т. 2, с. 650].

⁴⁵ Обновление [и исчезновение], о которых говорилось в предыдущем параграфе.

⁴⁶ Так как изменение есть акциденция, а акциденция может существовать только в субстрате.

⁴⁷ Обновляющееся континуальное.

⁴⁸ Ибо оно в своем бытии зависит от изменения, которое есть акциденция, и от изменяющегося, которое есть тело, в котором пребывает изменение; а такое изменение, которое происходит постепенно, а не мгновенно (*даф'атан*), и называется «движением» (харак) [7, т. 2, с. 657].

⁴⁹ Как показывается в параграфе 11 главы 1 и в параграфе 16 главы 6, бесконечным не может выступать прямолинейное (*мусткыма*) движение, но только круговое, как в случае с движениями небесных сфер; при таком движении, т. е. вращении вокруг себя, меняется не место (*макан*) движущегося, а только его положение/позиция, посему оно называется также позиционным.

⁵⁰ В смысле меры.

⁵¹ То есть не как предшествование-следование в отношении расстояния. См. последующее примечание.



а в плане такого предшествования и следования, которые вместе не сосуществуют⁵².

[4. Всякому возникшему предшествует материя]⁵³

[6] Указание

Всякое возникшее таково, что до своего возникновения оно было бытийно-возможным (*мумкин аль-вуджуд*). Значит, возможность (*имкан*) его бытия наличествовала (*хасыл*). И эта возможность не есть факт того, что оно подвластно чьей-то силе (*кудрат аль-кадир 'аляй-х*), иначе сказать о невозможном (*мухаль*): «Оно неподвластно (*гайр макдур 'аляй-х*)» или: «Оно невозможно (*гайр мумкин*) само по себе», было бы равносильно сказать: «Оно неподвластно, поскольку оно неподвластно» или: «Оно невозможно само по себе, поскольку оно невозможно само по себе». Отсюда явствует, что эта его возможность есть нечто иное, нежели его подвластность чьей-то силе. И она не является чем-то, что умопостижимо само по себе и что пребывает вне субстрата, но представляет собой нечто соотносительное (*удафи*) и нуждается, следовательно, в субстрате⁵⁴.

Итак, возникшему предшествует потенция (*кува*) бытия⁵⁵ и субстрат⁵⁶.

[5. Всякое возможное/причиненное – возникшее по самости]

[7] Напоминание

Одна вещь бывает после (*ба'д*) другой во многих аспектах, как в случае со следованием (*ба'дийа*) по времени (*заманийа*) или по месту

⁵² В «Исцелении» Ибн-Сина пишет: предшествование и следование привходят к движению со стороны расстояния, когда одна часть расстояния [пространственно] предшествует другой; но предшествующая и последующая части расстояния сосуществуют вместе, а соответствующие части движения – нет; именно такое особое предшествование-следование, которое сопутствует предшествованию-следованию в расстоянии, и определяет время; значит, время есть число/мера (*'адад*) движения при его делении на предшествующее и последующее, но не [соответственно делению] по времени, а [соответственно делению] по расстоянию, иначе это было бы кругом в определении [11, 2.12, с. 156–157].

⁵³ Параллельное рассуждение в «Исцелении» см.: [8, 4.2, с. 181–182].

⁵⁴ Ибо возможность принадлежит вещи в аспекте либо ее бытия (говорят, например, «белизна может существовать»), либо ее становления чем-то другим («тело может стать белым»); значит, она есть нечто умопостижимое в связи (*би-ль-кыйас*) с чем-то другим, т. е. нечто соотношенное (*удафи*), соотносительная же вещь – акциденция, а акциденция существует только в своем субстрате [7, т. 2, с. 661].

⁵⁵ То есть потенция/способность субстрата по отношению к бытию данной вещи, возникшей в нем.

⁵⁶ Субстрат по отношению к потенции, которая есть акциденция в нем, субстрат по отношению к возникшему, если таковое – акциденция, но материя (*мадда*) по отношению к нему, если оно – форма (*сура*) [7, т. 2, с. 661].



(маканиййа)⁵⁷. Но из совокупности таких аспектов нас теперь интересует тот аспект следования, который относится к заслуживанию бытия, когда допускается одновременно сосуществование обеих вещей. Это имеет место, когда одна вещь получает бытие от другой⁵⁸, а эта вторая не получает бытия от первой. Первая заслуживает бытие только по наступлении бытия второй и по достижении оно⁵⁹. Что же касается второй, то первая не выступает в плане бытия посредником между ней и третьей⁶⁰, но бытие доходит до нее не от первой, тогда как оно доходит [от третьей] до первой только проходя через вторую. Например, ты говоришь: «Я двинул рукой – и (или: а затем)⁶¹ ключ пришел в движение», однако ты не скажешь: «Ключ пришел в движение – и (или: а затем) рука моя пришла в движение», хотя оба движения имеют место одновременно. Это следование по самости (*ба'диййа би-з-зат*).

Ясно, что состояние вещи, присущее ей по ее самости, независимо от другой, предшествует по самости состоянию, полученному от другой. Всякое же сущее, которое получает бытие от другого, таково, что отдельно [от того другого] оно заслуживает небытия или не обладает бытием – его бытие обусловлено именно другим.

Значит, до своего становления сущим у него не будет бытия⁶²; а это и есть «самостное возникновение» (*худус зату*)⁶³.

⁵⁷ В разделе «Категории» из книги «Исцеление» [12, 7.4, с. 265–273] и в разделе «Теология/Метафизика» из той же книги [8, 4.1, с. 163–169] Ибн-Сина говорит о пяти разрядах предшествования (*такаддум*) и следования (*та'аххур*): (1) по времени (*би-з-заман*); (2) по природе (*би-т-таб*; например, единица первее двойки); (3) по порядку (*би-ль-мартаба*); (4) по достоинству (*би-ш-шараф*; например, учитель первее ученика); (5) по причинности (*би-ль-'иллиййа*) или по самости (*би-з-зат*). В случае с последним разрядом две вещи одновременно сосуществуют вместе или обе отсутствуют, но бытие предшествующей не зависит от бытия последующей, тогда как бытие второй исходит от первой. Этим данный разряд отличается от второго, где предшествующее по природе не служит причиной для последующего и при устранении предшествующего устраняется и последующее, но обратное не обязательно. Упомянутое выше (в основном тексте) предшествование «по месту» относится к третьему разряду, при котором первенство устанавливается относительно определенного начала; например, в мечети первее считается ряд молящихся, который ближе к иمامу/предстоятелю.

⁵⁸ Например, последующее/причиненное получает бытие от предшествующего/причины.

⁵⁹ По приходе бытия от ее причины, если эта вещь причиненная.

⁶⁰ Эта третья – причина второй.

⁶¹ «И» – араб. *фа*; «затем» – *сумма*.

⁶² То есть его небытие предшествует его бытию самостным предшествованием.

⁶³ Следовательно, всякое возможное/причиненное – возникшее в аспекте самости, даже если оно извечно.



[6. Причиненное не отстаёт от своей полной причины]⁶⁴

[8] Напоминание

Бытие причиненного (*ма'люль*) зависит от причины (*'илля*) в том ее аспекте, в каком она выступает причиной, будь этот аспект природой (*таби'а*), волей (*ирада*) или еще чем-то из других внешних факторов, в которых нуждаются [для причинения] и которые содействуют реализации причины в качестве актуальной (*би-ль-фи'ль*) причины. Такими [внешними факторами] служат:

- (1) или орудие – например, молоток для плотника;
- (2) или материя – древесина для плотника;
- (3) или помощник – другой пильщик для пильщика;
- (4) или время (*вакт*) – лето для кожевника;
- (5) или мотив (*да'и*) – голод для едока;
- (6) или отсутствие препятствия – дождевых туч для прачки.

Отсутствие (*'адам*) причиненного связано с тем, что причина не пребывает в том состоянии, благодаря коему она выступает актуальной причиной: либо ее самость находится не в таком состоянии, либо она совершенно отсутствует. Если же нет какого-либо внешнего препятствия и если делатель присутствует в своей самости, но сам по себе он не служит причиной, то наличие причиненного зависит от наличия указанного состояния.

Когда же появляется такое состояние – будь это природа, определившаяся (*джазима*) воля или что-то другое, – необходимым (глагол *ваджаба*) становится бытие причиненного, а коли нет сего состояния, необходимым оказывается небытие причиненного.

И какое бы из этих двух – [состояние и причиненное] – ни полагалось перманентным, второе также перманентно, а если временным, то и второе временно. При допущении, что вещь пребывает в одинаковом состоянии со всех сторон и что у нее было причиненное, не исключено, что это причиненное вековечно (*сармад^{ан}*) следовало от него⁶⁵.

Если же такую [причиненную вещь] не захотят назвать сделанной (*маф'уль*), поскольку ей не предшествует небытие, то не стоит придирааться к названиям, раз смысл вполне ясен⁶⁶.

⁶⁴ «Полная причина» – араб. *'илля тамма*.

⁶⁵ Вместо «не исключено» (*лям йаб'уд*), комментирует ат-Тусы, следовало бы сказать: «необходимо» (*ваджаба*); Ибн-Сина же выражается так, обращаясь к широкой публике, отрицающей наличие такого причиненного, которое было бы всегда сущим [7, т. 2, с. 677].

⁶⁶ Отсюда явствует, что «сделанное» (*маф'уль*) более общее понятие, нежели «явленное» (*мухдас*) [7, т. 2, с. 678].



[7. Понятие *ибда'*]

[9] Напоминание

Ибда' состоит в том, что из одной вещи исходит (глаг. *кана*) бытие другой, которая зависит только от нее – без посредства материи, орудия или времени⁶⁷.

То, чему предшествует временное небытие (*'адам замани*), нуждается в посреднике (*мутаваccыт*)⁶⁸. Поэтому *ибда'* рангом выше, чем *такуин* («[материальное] осуществление») и *ихдас* («[темпоральное] явление»)⁶⁹.

[8. Возникшее нуждается в спецификаторе, непременно явившись по наличию такового]

[10] Напоминание и указание⁷⁰

Для здравого смысла (*аль-'акль аль-авваль*) очевидно, что у всякой вещи, которая явилась к бытию после небытия, имеется некая вещь

⁶⁷ Согласно ат-Тусы, такое толкование термина «творение» (*ибда'*) близко к распространенному у широкой публики (*джумхур*) пониманию этого слова [7, т. 2, с. 679]. Под «широкой публикой», надо полагать, комментатор подразумевает богословов. Но как было сказано в предисловии к переводу, в самом богословии такое понимание утвердилось, скорее всего, под воздействием фальсафы.

⁶⁸ Напоминание сказанного выше о том, что всякому существу, которому предшествует небытие, непременно предшествуют также время и материя. Отсюда вытекает, что при отсутствии предшествования материи и времени не будет предшествовать и небытие [7, т. 2, с. 680].

⁶⁹ Согласно ат-Тусы, это произведение чего-то материального и произведение чего-то временного/темпорального соответственно [7, т. 2, с. 680]. Нам же представляется, что здесь *ихдас* и *такуин* скорее употреблены как синонимы («творение во времени», или «творение из предшествующей материи»), раз выше было показано, как темпорально возникшему непременно предшествует материя. Более того, Ибн-Сина в «Исцелении» говорит, что некоторые философы прилагают термин *такуин* к произведению любой материальной вещи, пусть и не из предшествующей (*сабика*) материи [как в случае с телами надлунного мира], но сам он предпочитает отнести таковое к *ибда'* [8, 6.2, с. 267].

По замечанию ат-Тусы, собственно материя не наличествует благодаря «[материальному] осуществлению» (*такуин*), ибо ей не предшествует иная материя; само время также не наличествует посредством «[темпорального] явления» (*ихдас*), ибо ему не предшествует время; обоим им не предшествуют иная материя или иное время [7, т. 2, с. 680]; а значит, они – сотворены (*мубда'*).

⁷⁰ Как отмечает ат-Тусы [7, т. 2, с. 682], данный параграф озаглавлен как «Напоминание и указание», ибо он содержит в себе первичное/очевидное (*аввали*) положение – «Для своего бытия возможное нуждается в причине», и это положение, помимо своей первичности, также широко распространено (*машхур*), поскольку его никто не оспаривал, [а сие и есть «напоминание»]. Параграф содержит в себе также и положение, которое близко к очевидному: «Причинение со стороны причины необходимо»; но такое положение оспаривает ряд мутакаллимов, по мнению которых исхождение действия от волевого действителя (*фа'иль мухтар*) возможно, но не необходимо, [и это положение – «указание»].



и причина, благодаря каковой одна из двух ее возможных альтернатив⁷¹ стала предпочтительней. Правда, разум порой забывает об этой ясности, обращаясь к различным разъяснениям⁷².

Это предпочтение (*тарджих*) или специфицирование (*тахсыс*) исходит от той другой вещи либо как нечто необходимое (*ваджиб*) в силу данной причины, либо же как нечто, которое еще не необходимо, а только на стадии возможности (*имкан*), поскольку ничто не исключает возможность его исхождения. Тогда вопрос о причине предпочтения вновь встанет в отношении этой возможности, и так будет продолжаться до бесконечности!⁷³

Стало быть, предпочтение необходимо следует (глагол *ваджаба*) от нее⁷⁴.

[9. От единого исходит только единое]⁷⁵

[11] Напоминание

Понятие о данной причине в аспекте необходимого следования (глагол *ваджаба*) от нее А есть нечто иное, нежели понятие о ней в аспекте необходимого следования от нее Б⁷⁶. И если от единой [причины] необходимо следуют две вещи, то – в двух аспектах, которые различны по понятию (*мафхум*) и по сущности (*хакыка*)⁷⁷.

[Кроме того]⁷⁸, такие аспекты бывают или ее конституэнтами (ед. *мукаввим*), или конкомитантами (ед. *лязим*), или один является конституэнтом, а другой – конкомитантом⁷⁹. Если же они конкомитанты, то тот же вопрос возникает вновь в отношении них. И [при всех альтернативах] в конце концов дело дойдет до двух аспектов, которые суть раз-

⁷¹ То есть бытие или небытие.

⁷² В частности, к аналогии с двумя равными чашами весов, ни одна из которой не перетягивает другую без присоединения к ней дополнительной вещи [7, т. 2, с. 681–682].

⁷³ Помимо регрессии, отсюда также следовало бы, что вещь, которая полагалась причиной, в действительности не служит таковой [7, т. 2, с. 682].

⁷⁴ Отсюда явствует также, что покуда не становится необходимым (глагол *ваджаба*) исхождение (*судур*) причиненного от причины, это причиненное не явится к бытию; и еще: как первопричина необходима по своей самости (*зам*), так она необходима и по своему причинению (*иллийа*) [7, т. 2, с. 682].

⁷⁵ Подробнее об исхождении множественности от Первоначала речь пойдет в параграфе 39 главы 6.

⁷⁶ То есть ее причинение (*иллийа*) первой отличается от ее причинения второй.

⁷⁷ Значит, полагаемая единой вещь оказывается двумя вещами или одной вещью с двумя различными свойствами, что противоречит допущению; и этого рассуждения достаточно как доказательства [7, т. 2, с. 682].

⁷⁸ Вставка согласно толкованию ат-Тусы – см. предыдущее примечание.

⁷⁹ «Или один...» – араб. *би-т-тафрик*. В некоторых рукописях эта фраза отсутствует.



личные конституэнты причины⁸⁰: или в плане ее сущности (*махиййа*)⁸¹, или в плане ее бытия⁸², или в том и другом⁸³.

Итак, всякая вещь, из которой одновременно следуют (глаг. *лязима*) две вещи, и ни одна из них не опосредуется другой, – всякая такая вещь делима в своей сущности (*хакыка*)⁸⁴.

[10. Учения о возможности-необходимости мира и его возникновении-извечности]

[12] Заблуждения и указания [касательно их]:

[[*а*] учение о необходимости чувственных вещей]

Некоторые считают, что конкретная чувственная вещь⁸⁵ является сущей сама по себе, необходимой как таковая⁸⁶.

Но если ты вспомнишь о сказанном тебе касательно обязательного требования к бытийно-необходимому⁸⁷, то ты не найдешь это чувственное необходимым. Вспомни также слова [Авраама, переданные] Им (все-вышен Он!): «Не стану я любить исчезающих (*афилин*)!»⁸⁸. Ведь скатывание в узилище возможного (*имкан*) – это и есть своего рода исчезновение (*уфуль*)⁸⁹.

⁸⁰ Ибо акцидентальное в конце концов восходит к самостному/сущностному.

⁸¹ Наподобие тела, сущность которого делится на материю и форму.

⁸² То есть поскольку она, будучи какой-то сущностью, обрела бытие. Примером служит первый разум (первая эманация Бытийно-необходимого), который множествен в плане различения в нем сущности и существования.

⁸³ «В том и в другом» – араб. *би-т-тафрик* (см. примечание 79); другое возможное значение: «по делению». Ат-Тусы понимает последнюю альтернативу в смысле физической делимости сущности, уже обретшей бытие, наподобие деления тела на части [7, т. 2, с. 685].

⁸⁴ По ат-Тусы [7, т. 2, с. 685], оговорка насчет опосредования связана с тем, что от подлинно единого может исходить множество вещей, но одни – посредством других. Ибн-Сина употребляет слово *хакыка*, а не *махиййа* потому, что *махиййа* сама по себе может быть простой, однако множественность сопутствует ей либо в силу обретения ею бытия, либо со стороны приводящих к ней после обретения бытия, как об этом было сказано выше [в параграфе 16 главы 4].

⁸⁵ Материальный мир.

⁸⁶ Согласно этому учению, небосводы и планеты со всеми своими модусами и конфигурациями, а также первоэлементы (*'анасыр*) бытийно-необходимы и извечны; а возможные/возникшие в мире – это лишь движения, комбинации первоэлементов и связанные с ними аспекты [7, т. 2, с. 689]. Ибн-Таймиййа [13, с. 250] идентифицирует его как учение дахритов (араб. *дахриййа*) – этерналистов, [отрицающих] Творца.

⁸⁷ То есть что оно не нуждается в чем-либо, одно-единственное и неделимо в каком-либо отношении (см. параграфы 21, 23, 24, 26, 27 в предыдущей главе 4).

⁸⁸ В кораническом стихе/айате 6:76. Как повествуют айаты 6:75–79, пророк Авраам, заметив исчезновение светил с небосвода, заключил, что такие исчезающие вещи не могут быть божествами.

⁸⁹ Араб. *фа-инна аль-хувиййа*“ *фи хазырат*“ *аль-имкан*“ *уфуль*“ *ма*.



[[б) учения о причиненности чувственных вещей:

(ба) при множественности необходимых начал]

По мнению же других, это чувственное сущее – причинено. Затем сторонники данного мнения разделились [на три толка].

[1] Одни из них утверждают, что его основа (*асл*) и вещество (*тына*) не причинены, но причиненным является его оформление⁹⁰. Таким способом они устанавливают в бытии два бытийно-необходимых⁹¹, а тебе уже известна абсурдность этого.

[2] Некоторые же прилагают необходимость бытия к двум противоположным [друг другу вещам] (ед. *дыдд*)⁹² или к нескольким вещам⁹³, считая все остальные [вещи] возникающими из таковых. Это мнение в принципе то же самое, что предыдущее⁹⁴.

[[бб) при единстве необходимого Начала –

(бба) с утверждением о темпоральном возникновении всего прочего]

[3] Среди них есть такие, кто полагает бытийно-необходимое одним-единственным. Далее они расходятся во взглядах.

Согласно некоторым из них, [Бытийно-необходимое] извечно существовало (*лям йазаль*), когда от Него ничего не возникало, затем Оно начало [действовать], возжелав возникновения (глагол *арада*) чего-то от Него⁹⁵.

Иначе, рассуждают они, в [бесконечное] прошлое [время] имели бы место различного рода вновь возникшие состояния, у которых нет конца и которые актуально сущие (ибо каждое из них уже явилось к бытию, поэтому такова и их совокупность), и у бесконечного числа следующих друг за другом вещей оказалась бы охватываемая (*мунхасира*) в бытии целокупность, что абсурдно⁹⁶.

⁹⁰ «Оформление» – араб. *сыга*; в некоторых рукописях – *сун'а*, *сун'иййа* (букв. – произведение, произведенность); т. е. все образованное/произведенное из означенной единой основы.

По ат-Тусы [7, т. 2, с. 690], таковы учения некоторых древних [античных философов] о материи (*хайуля*), отделенной (*муджаррада*) от формы (*сура*); или о едином [для всего сущего] элементе – воде, воздухе и т. д.

⁹¹ Скорее всего, речь идет о Творце и материи.

⁹² Как [в религии зороастрийцев (*маджус*)], утверждающих о двух бытийно-необходимых противоположностях: добром/светлом (Йаздан) и злом/темном (Ахриман) [7, т. 2, с. 690–691].

⁹³ Это, например, учение [религиозно-гностической секты] харранитов, [или харранитов, от г. Харран в северной Месопотамии] о пяти [извечных] началах – материи (*хайуля*), времени (*заман*), пустоте/пространстве (*халя*), душе (*нафс*) и Божестве (*илях*) [7, т. 2, с. 690–691]; о пяти таких началах говорит и арабо-мусульманский философ Абу-Бакр ар-Рази (ум. 925 или 935) [13, с. 252].

⁹⁴ Его несостоятельность вытекает из учения о единстве бытийно-необходимого.

⁹⁵ Мнение мутакаллимов и многих представителей прочих [небесных] религий (*миллийун*) [7, т. 2, с. 691].

⁹⁶ Первое возражение креационистов-темпоралистов против бесконечности прошлых событий, вытекающих из признания извечности мира: невозможно охватить (*хаср*) бесконечное.



Это нелепо, даже если нет такой целокупности, которая охватывала бы свои части вместе [в бытии]. Как возможно, чтобы реализовалось какое-либо из таких состояний, если оно возникает только после бесконечного числа [других состояний], – тогда оно зависело бы от чего-то бесконечного, и нечто бесконечное завершилось бы им⁹⁷.

И еще: в каждый момент времени число этих состояний увеличивается – как же возможно численное возрастание бесконечного?!⁹⁸

[3.1] Среди представителей данной группы есть такие, кто считает, что мир возник в наиболее подходящий (*аслах*) для его возникновения момент⁹⁹.

[3.2] Другие говорят: невозможно, чтобы он возник в иное время, нежели когда возник¹⁰⁰.

[3.3] А некоторые утверждают, что возникновение мира не зависит от определенного момента или чего-либо прочего, но только от Делателя (*аль-фа'иль*), и с Него не спрашивается: «почему?»¹⁰¹.

Таковы [учения] одной [группы].

[[*ббб*] с утверждением об извечности творения]¹⁰²

Представителям этой группы противостоят приверженцы единства Первого (*аль-авваль*), по мнению которых Бытийно-необходимое-само-

⁹⁷ Второе возражение креационистов: бесконечные упорядоченные вещи не могли бы завершиться (*танкады*) к данному моменту времени.

⁹⁸ Третье возражение креационистов: бесконечное не увеличивается и не уменьшается.

⁹⁹ Причиной спецификации (выбора определенного момента для явления мира к бытию) выступает целесообразность/выгода (*маслах*) для самого мира, но эта спецификация (*тахсыс*) принадлежит к разряду предпочтительного (*ауля*), а не необходимого (*вуджуб*); среди приверженцев данного учения были многие мутазилиты [7, т. 2, с. 693].

¹⁰⁰ Таково мнение мутазилита Абу-ль-Касима аль-Балхи/аль-Каби (ум. 929 или 931) [7, т. 2, с. 693].

¹⁰¹ Араб. *ля йус'алу лима*; в одной рукописи сочинения ат-Тусы (см.: [7, т. 2, с. 691]) фигурирует версия: *ля йус'алу 'амма фа'аля ау лям йаф'аль*, «с Него не спрашивается, почему Он что-то сделал или не сделал». Аллюзия на аят 21:23 – «С Него не спрашивается за то, что Он делает, | А с них (людей) спрашивается».

Как указывает ат-Тусы, изложенное мнение принадлежит аль-Ашари и его последователям. Хотя эти мутакалимы и признают спецификацию (*тахсыс*), но возводят ее к действующему по свободному выбору делателю (*фа'иль мухтар*), который предпочитает одну из двух подвластных ему альтернатив без какого-либо мотива спецификации (*мухассыс*): наподобие жаждущего, которому поднесли воду в двух сосудах, во всех отношениях одинаковых для него, и он непременно выберет одну из них [7, т. 2, с. 694].

¹⁰² Эту группу представляют Ибн-Сина и другие философы-аристотелики (*фалясифа*).

По Ибн-Таймийе, к указанным мнениям надо было бы добавить учение, которого придерживаются большинство философов, пророки и праведные предшественники (*салаф*) из числа мусульман, – о едином Творце/Необходимом, о [временном] возникновении любого из творений, но при извечности совокупности их [13, с. 252–253].



по-себе является Бытийно-необходимым по всем своим атрибутам (*сыфат*) и состояниям (*ахуаль аввалиййа*)¹⁰³.

[Далее,] в чистом небытии (*'адам сарих*) не выделяется какое-либо одно состояние, когда Ему предпочтительней ничего не осуществлять или же вещам предпочтительней вовсе не возникать от Него, и какое-то другое состояние, отличное от такового¹⁰⁴.

Невозможно¹⁰⁵, чтобы новое волеизъявление (*ирада*)¹⁰⁶ сходило (глагол *санаха*) без какого-нибудь мотива (*да'и*) или чтобы оно приходило случайно/напрасно (*джузаф^{ан}*)¹⁰⁷.

И [вообще,] невозможен приход какой-либо природы (*таби'а*) или прочего [обстоятельства действия]¹⁰⁸ без появления нового модуса (*халь*). Как же может сойти волеизъявление при вновь явившемся моду-

¹⁰³ Грамматически прилагательное «первичные» можно отнести и к слову «*сыфат*/ атрибуты». Атрибуты и состояния выступают здесь скорее как синонимы. По ат-Тусы, первичные состояния суть те, бытие которых зависит только от самости Бога (например, бытие Его могущим/*кадир*, ведающим/*'алим* и действующим/*фа'иль*), в отличие от вторичных, которые зависят от наличия иного/тварного (например, характеристика Бога как первого/*авваль* и последнего/*ахир*, скрытого/*батын* и явного/*захир*), каковые не являются необходимыми благодаря одной лишь Его самости, но лишь при наличии иного. Поскольку Божье действие необходимо, оно извечно со стороны действователя, ибо если действительность/активность – необходимая его характеристика, то он должен быть перманентно действующим. А будь активность только возможной, то он в своем действии будет нуждаться в иной причине (как сие было показано). Однако такая нужда несовместима со статусом Бытийно-необходимого [7, т. 2, с. 695].

¹⁰⁴ Опровержение мнения о более подходящем для возникновения мира моменте.

¹⁰⁵ Поскольку, с точки зрения мутакаллимов, действующий по свободному выбору делатель (*фа'иль мухтар*) – это тот, по отношению к кому как к могущему (*кадир*) одинаковы все подвластные ему вещи (*макдурат*), то они (мутакаллимы) вынуждены установить некую вещь, благодаря которой определяется/специфицируется выбранная делателем альтернатива, т. е. установить волеизъявление, соотношенное с этой альтернативой. Сие же волеизъявление: или вновь возникшее (*мутаджаддид*) – по некоторым мутазилитам; или извечное [и дополнительное к Божьей самости] – по ашаритам; не есть нечто добавочное к знанию делателя, [а тождественное этому знанию] – по аль-Каби [7, т. 2, с. 696–697].

Ибн-Сина начинает с разбора первой точки зрения.

¹⁰⁶ То есть акт воли.

¹⁰⁷ Как разъясняет ат-Тусы, под «мотивом» понимается новый фактор, вслед за которым одной из возможных альтернатив отдается предпочтение: например, некоторое влечение (*шаук*) или стремление/склонность (*майль*) к таковой; иначе действие будет *джузаф*, и этот термин, здесь употребляющийся в смысле действия, с которым воля (*ирада*) связана лишь в аспекте осознания (*шу'ур*), без удостаивания (*истихкак*) [у приемлющего] или спецификации (*ихтисас*) [у действующего/делателя]. И все – [философы/фаласифа и теологи/мутакаллимы] – согласны в том, что обе эти вещи (мотив и случайность) невозможны в отношении Бытийно-необходимого [7, т. 2, с. 697].

¹⁰⁸ Волеизъявления (*ирада*) или принуждения (*каср*) [7, т. 2, с. 698].



се, раз дело с этим новым модусом обстоит точно так же, как с вновь возникшим благодаря ему [действием, о коем мы ведем речь]?!¹⁰⁹

А коли нет возникновения нового [волеизъявления]¹¹⁰, то означенное состояние, когда ничего нового не появляется, будет единым состоянием, которое продолжается на единообразный манер¹¹¹.

[Более того, речь идет о возникновении нового (*таджаддуд*)]¹¹², независимо от того, связано ли это возникновение с появлением чего-то поспешествующего (глагол *тайассара*) или с уходом чего-то: к примеру, с появлением благообразности (*хусн*) [совершения] действия¹¹³ в какой-нибудь момент (*вакт^{ан} ма*)¹¹⁴, во вполне конкретный момент (*му'айян*)¹¹⁵ либо еще иначе из подобного, о чем говорят [приверженцы временного возникновения мира]; или с исчезновением неблагоприятности (*кубх*) [совершения] сего [действия], снятием препятствия и тому подобного.

[Несостоятельность тезиса о темпоральном возникновении]¹¹⁶

[Сторонники учения об извечности творения] говорят: если мотивом для лишения (*та'тыл*)¹¹⁷ Бытийно-необходимого того, чтобы Он

¹⁰⁹ Ведь подобно тому, как возникновение нового действия требует такого модуса, точно так же возникновение указанного модуса требует чего-то третьего, и так по регрессии (глагол *тасальсала*). Это имеет место либо единым разом (*даф'ат^{ан}*), что невозможно; либо одно за другим, что означает признание цепочки возникших [вещей] (*хавадис*), не имеющих начала (*ля авваля ля-ха*)! [7, т. 2, с. 698].

¹¹⁰ Переход к критике учения об извечном волеизъявлении и о не добавочном к знанию волеизъявлении.

¹¹¹ Тогда либо никакого действия не произойдет от Действителя, либо оно будет происходить во всех моментах Его существования!

¹¹² Те мутазилиты, которые не учат о вновь возникшем волеизъявлении, не признают волеизъявление чего-либо нового, помимо самого действия, хотя и утверждают, что определенный момент более подходящий (*аслах*) для исхождения действия, или что в иные моменты оно не могло исходить. Поэтому после опровержения мнений о возникновении нового и о невозникновении чего-либо Ибн-Сина переходит к рассмотрению указанных двух утверждений, показывая, что и здесь фактически говорится о возникновении чего-то нового (*таджаддуд*), – возникновении, абсурдность которого была показана [7, т. 2, с. 698–699].

¹¹³ Создание мира.

¹¹⁴ При допущении о разных моментах, подходящих для данного действия.

¹¹⁵ По ат-Тусы, момент, когда действие поддается осуществлению, после того как оно было неосуществимо.

¹¹⁶ Подробнее об этом говорится в «Исцелении», см.: [8, 9.2, с. 373–382; 14, с. 382–392].

¹¹⁷ Приверженцами темпорального творения. В «Исцелении» [8, 9.2, с. 380; 14, с. 391] и «Спасении» [3, с. 616] таковые прямо обозначены как «лишатели» (*му'аттыла*). В арабо-мусульманской литературе этот нарицательный эпитет обычно прилагается к тем, кто отрицает то или иное подобающее Богу описание.



проявлял [Свою] благодать (*хайр*) и щедрость (*джуд*)¹¹⁸, служит [предположение о] непрременном предшествовании небытия причиненному¹¹⁹, то этот мотив слишком слаб (*да'иф*), притом его слабость очевидна для людей беспристрастных.

Но даже если и [принять] это, то [предшествование небытия миру] имеет место в любой момент (*халь*), и нет такого выделенного момента, в котором ему было бы предпочтительнее предшествовать¹²⁰.

А тот факт, что причиненное является бытийно-возможным само по себе, но бытийно-необходимым благодаря другому, не противоречит тому факту, что оно постоянно существующее (*да'им аль-вуджуд*) благодаря другому, как об этом тебе напоминали выше¹²¹.

[Ответ на возражения против бесконечности прошлых событий]

(1) на первое]

Что же касается [утверждения] о бесконечном как о сущей целокупности (*кулль*), поскольку каждое [из прошлых состояний]¹²² существует какое-то время, то это – ошибочное воображение. Ибо суждение (*хукм*), правильное в отношении каждого единичного, не обязательно является правильным в отношении реализовавшейся целокупности. Иначе правильным было бы сказать, что бесконечная целокупность может явиться к бытию, поскольку каждое единичное может явиться к бытию, и возможность прилагалась бы к целокупности, как она прилагается к каждому единичному¹²³.

[(2)на третьем]

[Сторонники учения об извечности творения] говорят: те бесконечные состояния, о которых упоминают [оппоненты], все время

¹¹⁸ На докреационный период. Говоря о «лишении» Бога благодетельности философ, надо полагать, делает аллюзию на аят 5:64, в котором осуждается святотатство [некоторых мединских] иудеев («Длань Бога сжата», т. е. Он жадный), см.: [15, с. 258].

¹¹⁹ По ат-Тусы, предположение оппонентов, что действию волеизъявительного деятеля должно предшествовать небытие [7, т. 2, с. 700].

¹²⁰ И при полагании более раннего или более позднего момента для сотворения мира небытие предшествовало бы миру, так что самим фактом предшествования небытия не может быть обусловлено выделение конкретно определенного момента для приведения мира к бытию.

¹²¹ В третьем параграфе настоящей главы, где было показано, что в причине причиненное нуждается не постольку, поскольку оно возникшее (*хадис*), а поскольку оно только возможное (*мумкин*), посему в Делателе/Боге мир нуждается и в случае извечности своего бытия.

¹²² То есть [ежемоментно] случившихся/возникших вещей (*хавадис*; ед. *хадис*).

¹²³ Здесь Ибн-Сина апеллирует к учению мутакаллимов, по которым посильные/подвластные Богу вещи (*макдурат*) бесконечны по числу, но невозможно, чтобы все они являлись к бытию, когда уже не остается у Него подвластного, кое Он бы явил к бытию [7, т. 2, с. 701].



остаются не-сущими (*ма'дум*), [ибо являются к бытию] только одной своей частью за другой. Не-сущее же бесконечное может быть большим или меньшим – это не противоречит его бесконечности в небытии (*'адам*)¹²⁴.

[*(3) на второе*]

Ошибочно и утверждение о зависимости каждого из этих [состояний] от существования до него бесконечного числа [состояний] или о потребности каждого в том, чтобы было пройдено нечто бесконечное, дабы прийти до него. Ведь наши слова «одна вещь зависела от другой» означают, что обе вещи охарактеризовались как не-сущие, и вторая [не-сущая] могла явиться к бытию только после появления первой не-сущей. Так обстоит дело и в отношении потребности.

Но ни в какое из времен нельзя сказать, что последнее [состояние] зависит от бытия бесконечного [числа прошлых состояний] или нуждается в прохождении до него чего-либо бесконечного. Ибо какой момент времени ни возьми, между ним и последним окажется лишь конечное число состояний. И эта характеристика верна в отношении совокупности/всех (*джамии'*) моментов времени, тем более что для вас (оппонентов) «совокупность [моментов]» (*джамии'*) и «каждый [из них]» (*кулл^о вахид^{ин}*) – одно и то же.

Если же под зависимостью вы подразумеваете, что данная [вещь] может появиться (глагол *вуджид*) только после появления не поддающихся счету вещей, каждая из которых возникает в разное время, и это невозможно, то ведь сам спор ведется вокруг того, возможно такое или нет. Как же такое положение может выступать посылкой в доказательстве, нацеленном на его опровержение?! Неужто только изменением слов, которое в действительности ничего не изменяет в смысле?!

[*Итог*]

Они¹²⁵ говорят: из отмеченного (глагол *наббах*) нами вытекает, что у бытийно-необходимого Создателя (*ас-сани'*) не могут различаться отношения¹²⁶ [ни] к [разным] временам (*аукат*), [ни] к первично (*аввлий^{ан}*)

¹²⁴ Такова, например, совокупность будущих событий, которая с каждым днем убывает, или совокупность объектов Божьего познания (*ма'люмат*), которые (по мнению мутакаллимов) численно превосходят подвластные (*макдурат*) Ему вещи; притом все три совокупности мутакаллимы считают бесконечными [7, т. 2, с. 701].

¹²⁵ Приверженцами извечного творения.

¹²⁶ То есть исходящие (*садира*) от Него вещи должны перманентно (*да'им^{ан}*) исходить от Него [5, т. 2, с. 431].



исходящим (*ка'ина*) от Него вещам¹²⁷ и к тем [вещам], которые самостоятельным образом (*зати*) сопутствуют (глаг. *лязима*) этому аспекту¹²⁸, разве что различия (ед. *ихтиляф*) сопутствуют тем [вещам], и тогда за ними следует (глаг. *таби'а*) изменение (*тагай'ур*)¹²⁹.

Таковы учения [о происхождении мира]. Тебе же выбирать [одно из них], но разумом (*акль*) своим, а не пристрастием (*хава*), [и только] после полагания Бытийно-необходимого единым¹³⁰.

Литература

1. Ибн-Сина (Авиценна). «Указания и напоминания» [Раздел по метафизике]. (Пер. с араб. и комм. Т. Ибрагима, Н. В. Ефремовой). *Orientalistica*. 2018;1(2):251–274. DOI: 10.31696/2618-7043-2018-1-2-251-274.
2. Ибн-Сина. *Аль-Ишарат ва-т-танбихат*. Кум: Бустан-и китаб; 2002. 448 с. (На араб. яз.)
3. Ибн-Сина. *Ан-Наджат*. Тегеран: Данишках Тихран; 1978. 783 с. (На араб. яз.)
4. Ибрагим Т. К. О концепции извечного творения. *Ислам в современном мире*. 2018;14(3):25–46. DOI: 10.22311/2074-1529-2018-14-3-25-46.
5. Ар-Рази, Фахраддин. *Шарх аль-Ишарат ва-т-танбихат*. Т. 1–2. Тегеран: Анджуман-и асар ва-мафахир фарханги; 2005. 431, 674 с. (На араб. яз.)
6. Аль-Амиди, Сайфаддин. *Кашф ат-тамухат фи шарх ар-Рази 'аля аль-Ишарат ва-т-танбихат...* Бейрут: Дар аль-кутуб аль-'ильмийя; 2013. 448 с. (На араб. яз.)
7. Ат-Тусы, Насыраддин. *Шарх аль-Ишарат ва-т-танбихат*. Т. 1–2 (со сквозной нумерацией). Кум: Бустан-и китаб; 2007. 1169 с. (На араб. яз.)
8. Ибн-Сина. *Аш-Шифа': аль-Иляхиййат*. Каир: Визарат ас-сакафа ва-ль-иршад аль-кауми; 1960. 478 с.
9. Аш-Ширази, Садраддин. *Шарх ва-та'лика бар Иляхиййат-и Шифа*. Т. 1–2 (со сквозной нумерацией). Тегеран: Бунйад-и хикмат-и ислами-и Садра; 1382 [2003]. 1242 с. (На араб. яз.)
10. Ibn Sina's. *Remarks and Admonitions: Physics and Metaphysics*. New York: Columbia University Press; 2014. 218 p.

¹²⁷ К [имматериальным космическим] интеллектам, между которыми и Богом фактически нет опосредующих звеньев, т. е. нет промежуточных вещей иной природы [7, т. 2, с. 703].

¹²⁸ «Аспект» (*у'тибар*) – первичность исхождения. По ат-Тусы, речь идет о душах и телах небесных сфер, которые исходят от космических интеллектов самостоятельным образом, без посредника [7, т. 2, с. 703].

¹²⁹ То есть различия в вечном [круговом] движении, связанные с различиями в положениях (ед. *вад'*) небесных тел; за ними следует изменение – ежедневные события (*хавадис йаумиййа*) [7, т. 2, с. 703]. По ар-Рази, [различия и изменение] – это изменение небесных тел в своих положениях и изменение материальных тел [подлунного мира] в своих формах и качествах [5, т. 2, с. 431].

¹³⁰ Расхождения по вопросу об извечности мира или его возникновении – непринципальны; главное – утвердить единство Бога.



11. Ибн-Сина. *Аш-Шифа': ат-Табу'иййат. Т. 1. Ас-Сама' ат-табу'и*. Каир: аль-Хай'а аль-'амма аль-мисриййа ли-ль-китаб; 1983. 333 с. (На араб. яз.)
12. Ибн-Сина. *Аш-Шифа': аль-Мантык. Т. 2. Аль-Макулят*. Каир: Визарят ас-сакафа ва-ль-иршад аль-кауми; 1959. 280 с. (На араб. яз.)
13. Ибн-Таймиййа. *Дар' та'аруд аль-'акль ва-н-накл. Т. 8. Эр-Рияд: Джамий'ат аль-Имам; 1991. 541 с. (На араб. яз.)*
14. Ибн-Сина. Исцеление (фрагменты). В: Ибрагим Т. К., Ефремова Н. В. (ред.) *Мусульманская философия (Фальсафа): антология*. Казань: Изд-во ДУМ РТ; 2009:309–456.
15. Аль-Афгани Дж., Абдо М. *Ат-Та'ликат 'аля шарх аль-'Ака'ид аль-'адудиййа*. Каир: Мактабат аш-шурук; 2002. 517 с. (На араб. яз.)

References

1. Ibn-Sina (Avicenna). "Al-Isharat wa-t-tanbihat" [on metaphysics]. *Orientalistica*. 2018;1(2):251–274. (In Russ.) DOI: 10.31696/2618-7043-2018-1-2-251-274.
2. Ibn-Sīnā. *Al-Ishārāt wa-t-tanbīhāt. Qom: Bustān-i kitāb*; 2002. (In Arabic)
3. Ibn-Sīnā. *An-Najāt*. Tehran: Daneshgāh-e Tehrān; 1978. (In Arabic)
4. Ibrahim T. K. On the Conception of Eternal Creation. *Islam in the modern world*. 2018;14(3):25–46. (In Russ.) DOI: 10.22311/2074-1529-2018-14-3-25-46.
5. Ar-Rāzī, Fakhraddīn. *Sharh al-Ishārāt wa-t-tanbīhāt*; 2005;1–2. (In Arabic)
6. Al-Āmidī, Sayfaddīn. *Kashf at-tamwīhat fī sharh ar-Rāzī 'ala al-Ishārāt wa-t-tanbīhāt...* Beirut: Dar al-kutub al-'ilmīyya; 2013. (In Arabic)
7. At-Tūsī, Nasīraddīn. *Sharh al-Ishārāt wa-t-tanbīhāt*. Qom: Bustān-i kitāb; 2007. (In Arabic)
8. Ibn-Sīnā. *Ash-Shifā': al-Ilāhiyyāt*. Cairo: Wizārat ath-thaqāfa wa-l-irshād al-qawmī; 1960. (In Arabic)
9. Ash-Shīrāzī, Sadraddīn. *Sharh wa-ta'liqā bar Ilāhiyyāt-i Shifā*. Vol. 1–2. Tehran: Bunīyad-i hikmat-i islāmi-i Sadra; 1382 [2003]. (In Arabic)
10. Ibn Sina's. *Remarks and Admonitions: Physics and Metaphysics*. New York: Columbia University Press; 2014.
11. Ibn-Sīnā. *Ash-Shifā': at-Tabī'īyyāt. Vol. 1. As-Samā' 'at-tabī'ī*. Cairo: al-Hay'ā al-'amma al-misrīyya li-l-kitāb; 1983. (In Arabic)
12. Ibn-Sīnā. *Ash-Shifā': al-Mantiq. Vol. 2. Al-Maqūlāt*. Cairo: Wizārat ath-thaqāfa wa-l-irshād al-qawmī; 1959. (In Arabic)
13. Ibn-Taymīyya. *Dar' ta'ārud al-'aql wa-n-naql*. Vol. 8. Riyadh: Jāmi'at al-Imām; 1991. (In Arabic)
14. Ibn-Sina. The Healing (excerpts). In: Ibrahim T. K., Efremova N. V. (eds) *Islamic philosophy (falsafa): An Anthology*. Kazan: Council of the Russian Islamic Clerics; 2009:309–456. (In Russ.)
15. Al-Afghānī J., 'Abdou M. *At-Ta'liqāt 'ala sharh al-'Aqā'id al-'adudīyya*. Cairo: Maktabat ash-shurūq; 2002. (In Arabic)



Информация о переводчиках

Тауфик Ибрагим, доктор философских наук, профессор, главный научный сотрудник Центра арабских и исламских исследований Института востоковедения РАН, заместитель председателя Экспертного совета Высшей аттестационной комиссии при Министерстве науки и высшего образования Российской Федерации по теологии, член редакционного совета журнала «Minbar. Islamic Studies», г. Москва, Российская Федерация.

Ефремова Наталия Валерьевна, кандидат философских наук, старший научный сотрудник сектора восточных философий Института философии РАН, член редакционной коллегии журнала «Minbar. Islamic Studies», г. Москва, Российская Федерация.

Раскрытие информации о конфликте интересов

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Информация о статье

Поступила в редакцию: 2 ноября 2018 г.
Одобрена рецензентами: 23 ноября 2018 г.
Принята к публикации: 27 ноября 2018 г.

Information about the translators

Tawfik Ibrahim, Ph. D habil., Professor, Head Research Fellow at the Department of Arabic and Islamic Studies, Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences, Deputy Head Chairman of the Higher Examining Body (Section Theology) at the Ministry of Education of the Russian Federation, Advisor to the periodical Minbar. Islamic Studies, Moscow, Russian Federation.

Natalia V. Efremova, Ph. D, Senior Research Fellow at the Division of Oriental Philosophies, Institute of Philosophy, Russian Academy of Sciences, an Editorial board Member of the periodical Minbar. Islamic Studies, Moscow, Russian Federation.

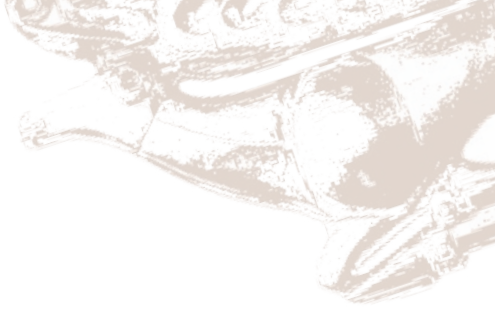
Conflicts of Interest Disclosure

The authors declares that there is no conflict of interest.

Article info

Received: November 2, 2018
Reviewed: November 23, 2018
Accepted: November 27, 2018

LANGUAGE

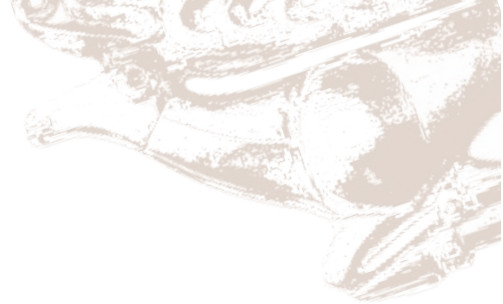


■ **Text Critical Studies
and History of Literature**

ФИЛОЛОГИЧЕСКИЕ НАУКИ



■ Литературоведение и текстология



Хафиз в поэтическом и филологическом переводе

Н. И. Пригарина¹, Н. Ю. Чалисова^{2а}, М. А. Русанов^{2б*}

¹ Институт востоковедения РАН, г. Москва, Российская Федерация,

ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-1941-0467>, e-mail: prigarina@gmail.com

² Институт классического Востока и античности, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», г. Москва, Российская Федерация

^а ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-6331-2077>, e-mail: chalisova@hotmail.com

^б ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-1415-9904>, e-mail: marusanov@yandex.ru

Резюме: перевод и герменевтика классической персидской газели принадлежат к числу актуальных проблем иранской филологии. Статья включает филологические переводы двух газелей Шамс ад-Дина Мухаммада Хафиза (XIV в.) в сопровождении детального поэтологического комментария. Во введении к публикации кратко изложена концепция, лежащая в основе проекта полного перевода «Дивана» газелей Хафиза на русский язык.

Ключевые слова: газель; перевод; персидская поэзия; Хафиз

Для цитирования: Пригарина Н. И., Чалисова Н. Ю., Русанов М. А. Хафиз в поэтическом и филологическом переводе. *Ориенталистика*. 2018;1(3-4):489–510. DOI: 10.31696/2618-7043-2018-1-3-4-489-510.

Hafiz in poetic and philological translation

Natalia I. Prigarina¹, Natalya Y. Chalisova^{2а}, Maxim A. Rusanov^{2б**}

¹ Institute of Oriental Studies of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russian Federation,

ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-1941-0467>, e-mail: prigarina@gmail.com

² Institute for Oriental and Classical Studies, National Research University Higher School of Economics, Moscow, Russian Federation

^а ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-6331-2077>, e-mail: chalisova@hotmail.com

^б ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-1415-9904>, e-mail: marusanov@yandex.ru

Abstract: translation and hermeneutics of the classical Persian ghazal are among the urgent problems of Iranian philology. The article includes philological translations of the two ghazals of Shams al-Din Muhammad Hafiz (14th century) accompanied by a detailed line by line poetic commentary. The introduction to the publication outlines the concept underlying the project of the full translation of the “Divan” by Hafiz into Russian.

* Авторы внесли равный вклад в эту работу.

** These authors contributed equally to this work.



Keywords: ghazal; Hafiz; Persian poetry; translation

For citation: Prigarina N. I., Chalisova N. Y., Rusanov M. A. Hafiz in poetic and philological translation. *Orientalistica*. 2018;1(3-4):489–510. (In Russ.) DOI: 10.31696/2618-7043-2018-1-3-4-489-510.

Введение

Авторы предлагаемой публикации много лет работают над филологическим переводом Дивана величайшего персидского лирика Шамс ад-Дина Мухаммада Хафиза (1315–1389). Первый том, включающий газели 1–100, уже опубликован [1]. Хотя работа над переводом далеко не закончена, но для ознакомления коллег и всех, кто интересуется иранской культурой, с промежуточными результатами нашего труда, мы время от времени публикуем статьи, включающие комментированные переводы отдельных газелей, из числа тех, что будут включены во второй том «русского Хафиза»¹. В этой статье речь пойдет о двух газелях – 123 и 161 [2, с. 166–167; 217–218].

Русскоязычному читателю хорошо знакомо имя Хафиза, но знает ли он его поэзию? Ведь полного поэтического перевода Дивана на русский язык на сегодняшний день не существует; самые знаменитые газели, такие как *Turk-i šīrāzī* («Ширазский тюрок» или «Ширазская тюрчанка»), известны в нескольких версиях, а многие другие не переведены вовсе. Но дело даже не в этом, ведь представление о великом поэте можно порой составить и по немногим образцам. Проблема заключается в самой природе поэтического перевода. Даже у блестящего переводчика есть шансы приблизиться к поэзии подлинника, только когда ему приходят на помощь стихи родных поэтов, в каком-то отношении родственные творениям их иноязычного собрата. Так, наш современник, работающий над произведениями европейских романтиков, имеет в своем распоряжении весь корпус поэзии русского романтизма. Но для классической персидской газели, которая оттачивала свою поэтику начиная с X века, в русской литературе аналогов нет. Любая возможная проекция перевода – пушкинский стих или стих Серебряного века – помогает создать гладкие, профессионально сделанные строфы, но в действительности только отдаляет русского Хафиза от средневекового ширазского мастера.

¹ Газели 101–116 и комментарии к ним опубликованы в номерах журнала «Ирано-Славика» № 24 (2012), № 25 (2014), № 26–27 (2014), № 28 (2015), № 29 (2015); газели 117–119 опубликованы в электронном журнале «Караван» (№ 54, октябрь 2017). Режим доступа: https://www.dropbox.com/s/b6zcgrrpas97adfx/%D0%9A%D0%B0%D1%80%D0%B0%D0%B2%D0%B0%D0%BD_54.pdf?dl=0; газели 120–122 опубликованы в № 63 журнала «Караван». Режим доступа: <https://www.twirpx.com/file/2675674/> Газель 161 была опубликована в электронном журнале «Караван» (№ 44, 2016): «Хафиз в филологическом переводе», эта публикация частично включена в настоящую статью.



Тут речь идет не о точности – понятно, что любой художественный перевод стихов не может точно следовать за оригиналом, – а об отсутствии в русской литературе того языка поэзии (поэтических формул, конвенциональных мотивов и образов, объединенных перекрестными аллюзиями), которым владели персидские поэты и с элементами которого Хафиз вел свою виртуозную игру.

Эти общие соображения приложимы к любому художественному переводу, создаваемому, как принято говорить, в условиях языковой и культурной удаленности. Но случай Хафиза представляется сложным даже на этом фоне. Диван Хафиза венчает многовековой период развития персидской газели, его автор ведет постоянный диалог с поэтами прошлого и современниками, их слова звучат во многих его строках, иногда явно, а чаще преображенные его волшебным каламом. Вся традиция персидской лирики была для него ристалищем, на котором он состязался со своими соперниками, великими мастерами стиха. Это состязание в слове и определяет важнейшие черты хафизовской поэтики. Кроме того, многие газели Хафиза представляют собой «ответы» – лирические реплики на конкретные стихи других авторов. Все эти типы интертекстуального взаимодействия нагружают строки стихов дополнительными смыслами. Тем, кто по-настоящему увлечен иранской культурой, наверняка захочется узнать, каков подлинник и почему там, где звучит персидская речь, томик Хафиза обязательно найдешь в каждом доме. К сожалению, единственный способ раскрыть с наибольшей полнотой особую игру смыслов – это развернутый поэтологический комментарий к филологическому переводу, заведомо не претендующему на художественность. Такой подход определил структуру работы, в которой перевод и комментарий фактически уравниваются в правах: поясняется каждый бейт каждой газели; комментарий следует непосредственно за переводом стихотворения в основном тексте (не под страницей и не в конце книги) и в несколько раз превышает объем перевода.

Материалы и методы

Оригинальные тексты приводятся в редакции Казвини – Гани (по изданию Х. Х. Рахбара [2]). В отличие от наших зарубежных коллег, работавших с Диваном в редакции Ханлари [3], мы предпочли более раннюю версию, отличающуюся по таким параметрам, как количество газелей (495 вместо 486), порядок бейтов и разночтения в ряде конкретных строк. Причин тому несколько. Прежде всего, Хафиз в редакции Ханлари уже доступен европейскому читателю благодаря итальянскому [4] и французскому [5] переводам. Кроме того, редакция Ханлари считается более совершенной, поскольку опирается на более широкую и солидную текстологическую базу, однако в ситуации, когда сам факт существования первоначальной авторской версии Дивана вызывает серьезные



сомнения, привлечение к изданию большого числа рукописей неизбежно ведет и к умножению волюнтаристских решений текстолога. И наконец, именно редакция Казвини – Гани, при всех ее достоинствах и недостатках, по сей день остается для иранцев Хафизом *par excellence*. Эта версия используется для преподавания, воспроизводится в виде многочисленных бумажных и электронных изданий, вывешивается на интернет-сайтах, посвященных персидской поэзии (Ganjoor.net и др.) и специально Хафизу.

Филологический перевод – результат научного анализа текста, в нем нет поэтичности и всех признаков художественной формы. Такой подход чреват двумя крайностями – буквализмом подстрочника и попыткой создать иллюзию художественности за счет обращения к «высокому штилю», то есть стремлением как бы компенсировать утраченную красоту, ощущаемую переводчиком в оригинале. Мы избрали срединный путь, стараясь использовать стилистически нейтральный язык, естественный строй фразы и современную лексику и по возможности избегать архаизации и стилизации в «восточном духе».

Мы сверяли свое понимание текста с наиболее авторитетными иранскими комментариями к Дивану. Однако наша задача – приблизить к Хафизу русского читателя: многое из того, что очевидно иранцу и потому игнорируется в комментариях (*шархах*), вынуждает переводчика прибегать к многословным пояснениям для русского читателя. Приходится воссоздавать традиционный контекст, доступный пониманию за счет сведений реального, филологического, религиозно-философского, историко-культурного характера.

Далее мы предлагаем обратиться к конкретным примерам и прочесть две из прославленных газелей, поэтапно приближаясь к подлиннику. Для наглядности мы взяли стихотворения, известные в русских переводах и кочующие из одного сборника классической персидской поэзии в другой.

Результаты исследования

Газель 123

Для тех, кто читает по-персидски, удобно иметь перед глазами оригинал:

مطرب عشق عجب ساز و نوایی دارد
نقش هر نغمه که زد راه به جایی دارد

عالم از ناله عشاق میادا خالی
که خوش آهنگ و فرح بخش هوایی دارد

پیر دردی کش ما گر چه ندارد زر و زور
خوش عطا بخش و خطابوش خدایی دارد



محترم دار دلم کاین مگس قندپرست
تا هواخواه تو شد فر همایی دارد

از عدالت نبود دور گرش پرسد حال
پادشاهی که به همسایه گدایی دارد

اشک خونین بنمودم به طبیبان گفتند
درد عشق است و جگرسوز دوایی دارد

ستم از غمزه میاموز که در مذهب عشق
هر عمل اجری و هر کرده جزایی دارد

نغز گفت آن بت ترسایچه باده پرست
شادی روی کسی خور که صفایی دارد

خسروا حافظ درگاه نشین فاتحه خواند
و از زبان تو تمنای دعایی دارد

В переводе Нины Тенигиной (по подстрочнику А. Ш. Шахвердова [6, с. 103]) стихи звучат так:

Коль для певца любви цель жизни в пенье есть,
То в звуках у него во всем значенье есть.

Стенания любви пусть наполняют мир,
В них звуков волшебство и упоенье есть.

Хоть старец прокутил и золото, и мощь,
Бог щедрый у него для поклоненья есть.

О сердце, возгордись! В поклоннице твоей
Блеск Хомаи теперь до ослепленья есть.

Как справедлив тот шах, в чьем сердце к бедняку
Вниманье, и любовь, и сожаленье есть!

Врачи в слезах моих нашли болезнь любви,
Лекарство от нее – души томленье есть.

Любя, кокетство в зло, смотри, не обращай –
За все и плата есть, и осужденье есть.

Иранец молодой сказал: «Общайся с тем,
В ком искренность души и благородство есть!»



О шах! Хафиз сейчас вступленье лишь прочел,
Прочти же что-нибудь, в чем и моление есть!

Наш филологический перевод разнится со стихотворным:

- [1] У музыканта любви удивительны музыка и песня:
Узор каждой мелодии, что он сыграл, выведен в подходящем ладу!
- [2] Да не лишится мир стона влюбленных,
Ибо его звучание мелодично и дарит отраду!
- [3] Хоть у нашего старца, пьющего опивки, нет ни богатства, ни силы,
У него есть Господь, весьма щедрый и снисходительный.
- [4] Имей уважение к моему сердцу, ведь эта сластолюбивая муха
С тех пор, как возжелала тебя, наделена величием Хумы.
- [5] Не так уж несправедливо, если спросит, как дела,
Падишах, у которого есть нищий в соседях.
- [6] Я показал свои кровавые слезы лекарям, они сказали:
«Это любовная болезнь, и лекарство от нее жжет печень».
- [7] Не учишь насилью у [своего] взгляда, ибо в религии любви
За каждый поступок бывает воздаяние, за каждое дело – расплата.
- [8] Хорошо сказал тот кумир, юный христианин, слуга вина:
«Пей во здравие того, кто наделен чистотой!»
- [9] О владыка! Хафиз, чье место – у дверей дворца, прочел фатиху
И просит о молитве из твоих уст.

Достоинство филологического перевода – не художественность, а точность, но и он не может отразить во всей полноте поэтическое послание оригинала. Поэтому следующим этапом прочтения газели должен быть комментарий.

Прежде всего необходимо отметить, что газель с таким же вариантом метра *рамал* и теми же рифмой и радифом (т. е. повторяющимся словом после рифмы) есть в диване современника Хафиза – Насира Бухараи (ум. ок. 1370 или 1377), см.: [7, с. 235, газель 203]. Это сходство не случайно, по мнению комментаторов, Хафиз, следуя традиции, создал поэтический ответ на стихи Насира. Полемика с коллегой по цеху составляет одно из смысловых измерений газели, что мы и постарались отразить в комментарии².

Комментарий

Бейт 1. «Музыкант» – *muṭrib*, от араб. корня *ṭrb* “радоваться”, букв. «приводящий в радость». «Музыкант любви» – *muṭrib-i 'iṣq*, музыкант, играющий о любви; выражение может быть понято и в метафорическом

² В комментарии мы пользуемся транслитерацией, принятой для персидского классического языка, система гласных в котором отличалась от современной (например, *muṭrib-i 'iṣq*, а не *moṭreb-i 'eṣq*, и т. д.; та же система, ради единообразия, использована и в библиографии).



смысле: это любовь, подобная музыканту, т. е. приносящая радость, как музыкант [8, с. 540]. Более специальное значение *muṭrib-i'īšq* “музыкант, играющий из любви к музыке”, в отличие от *muṭrib-i zarr* “музыкант, играющий за плату”, встречается в газелях Руми [9, с. 505–506]. В суфийском истолковании «музыкант любви» – это наставник (*муршид*), звук каждого слова которого приводит ученика (*мурида*) к нужному этапу постижения истины [10, с. 1518].

«Музыка» – *sāz*, также струнный музыкальный инструмент, тар; «песня» – *navā*, также «мелодия, напев». «Музыка и песня» – *sāz-u navā*, устойчивое сочетание со значением «музыкальное исполнение», слова, входящие в это сочетание, переводятся также как «дорожные припасы, снаряжение» (*sāz*) и «богатство, благополучие» (*navā*).

«Узор» – *naqṣ*, также «след, отпечаток»; Суди [11, с. 767] и Хатми [10, с. 1518] предлагают понимать это слово как *ṣūrat* – [внешний] образ, картина. В качестве музыкального термина *naqṣ* – старинное название одной из музыкальных форм (*тасниф*), для которой была характерна близость музыкального ритма стихотворному [12] (см. также: [9, с. 505]).

«Узор каждой мелодии, что он сыграл» – *naqṣ-i har nağma ki zad* – Хирави понимает как «исполнение музыкального произведения» (*naqṣ zadan-i nağma* [8, с. 540]). В этом случае возможен и такой перевод полустигии: «Исполнение каждого произведения имеет свой особый лад». «Лад» – *rāh*, также «путь, дорога». Диххуда [13, сл. ст. *naqṣ*] выделяет сочетание *naqṣ zadan*, иллюстрируя нашим бейтом его значение «исполнять, играть».

Музыкальные термины *muṭrib*, *sāz*, *navā*, *nağma (parda)*, *rāh*, *naqṣ zadan*, соответственно «музыкант», «музыка», «мотив», «лад», «играть (музыку)», образуют поэтическую фигуру *мураат ан-назир* – объединение в бейте однородных предметов [14, с. 123].

Вторые значения перечисленных слов – «след, отпечаток», «снаряжение», «оставлять [следы]», «дорога», «благополучие» – вводят в бейт мотив пути (прием *ихам*). «Благополучие», хотя и не относится непосредственно к этому ряду, указывает на благополучное прохождение пути, подтверждая позитивный настрой бейта, заданный словом *muṭrib*; обычно концепт пути выступает как средоточие опасностей. Тогда текст такой: «У музыканта любви удивительные припасы и благополучие – // След каждой мелодии, что он сыграл, ведет к особому месту».

Смысл бейта: музыкант любви так искусен, что для каждой мелодии у него есть свой лад, т. е. для каждого любовного переживания существует соответствующее ему выражение. Как поясняет Хирави [8, там же], «любовь – это такой музыкант, музыка которого удивительна, потому что каждая мелодия, которую он играет, всякий раз по-новому тонко наставляет нас на путь истины. Саз любви играет все новые разнообразные мелодии, которые доносятся до слуха. Каждая мелодия по-новому руководит нами».



В газели Насира Бухараи рифменное слово и радиф – *nava-ī dārad*, которыми заканчивается первое полуступище Хафиза, завершают бейт 3: «Если несчастный (*bī-navā-ī*) стенает от тоски, ничего страшного! // Из-за чего стенает флейта, притом что у нее есть песня (*navā-ī*, также “благополучие”)?» Бейт содержит скрытую отсылку к началу «Поэмы о скрытом смысле» Руми [15, бейт 1], в котором флейта жалуется на разлуку с другом. На фоне предшественников бейт Хафиза звучит как прославление мастерства: музыкант любви использует умение, чтобы радовать слушателя и наставлять его на истинный путь.

В суфийском (*‘irfanī*) комментарии Хатми к этой газели Хафиза указывается на внутреннюю связь концепта «музыкант любви» с сюжетом флейты в Маснави: «Мы подобны лютне, ты ударяешь по ее [струнам], // Рыдания не от нас – это плачешь ты. // Мы подобны флейте, а мелодия в ней – от тебя, // Мы подобны горам, а эхо в них – от тебя» [15, бейты 598–599].

Бейт 2. «Стон» – *nāla*; одно из значений глагола *nālidan* (стонать, жаловаться) – «петь печальные песни, создавать элегии». «Влюбленные» – *‘uššāq*; *‘uшшак* – также название одного из 12 музыкальных ладов в классической иранской музыке. «Звучание» – *havā*, также (омоним) – «страсть, вожделение, желание». Смысл бейта, построенный на вторых значениях слов (прием *ихам*), таков: «Да не лишится мир печальной [мелодии] *‘uшшак*, // Ибо в ней страсть сладкозвучная и дарящая отраду».

Бейт сохраняет позитивный настрой предыдущего (ср. слова *x^waš-āhang* “мелодичный”, *farah-baxš* “дарящий отраду”), а также его «музыкальную» стилистику (*nāla’*, *uššāq*, *x^waš-āhang*, *havā*) и тему «любовь и влюбленные».

Бейт звучит как поэтический ответ на заключительный бейт газели Насира с тем же рифменным словом и радифом: «Место уединения Насира с сердцем, взволнованным от слез и вздохов – // Это сад, в котором есть прекрасные вода и воздух (*x^waš āb-u havā-ī dārad*)». В бейте Насира печальное убежище влюбленного превращается в сад (*būstān*) оттого, что слезы и вздохи насыщают это место водой и воздухом, создавая там благоприятный климат (*āb-u havā*). У Хафиза местом действия становится весь мир, в котором стенания влюбленных создают атмосферу торжествующей любви, потому что страдания любви несут в себе счастье и отраду.

Бейт 3. «Пьющий опивки» – *durdī-kaš*; обычно в поэзии это выражение используется в значении «горький пьяница», пьющий вино с осадком, остающимся на дне кувшина; в данном случае оно указывает также и на бедность старца-наставника, довольствующегося опивками.

«Господь» – *xudā-ī*, здесь *ī* – показатель неопределенности (ср. «un Dieu» в переводе Фушекура [5, р. 394]); «щедрый и снисходительный» –



'atā-baxš-u xaṭā-pūš, букв. «дарящий дары» и «покрывающий ошибки». Концепт Бога, благосклонного к кающимся грешникам и прощающего грехи, отражен в ряде хадисов, например, в хадисе о беседе Адама с Богом: «[Адам] сказал: “Разве милость твоя не опережает гнев Твой?” Бог сказал: “Конечно, опережает”. Он спросил: “Скажи, если я раскаюсь и стану поступать праведно, Ты вернешь меня в Рай?” Бог ответил: “Конечно, верну”» (al-Nakim al-Naisaburi, с. 247; цит. по: [16, с. 321]).

Бейт 4. «Сластолюбивая» – *qand-parast*, букв. «поклонница сахара». Б. Хуррамшахи подчеркивает, что мотивный комплекс «муха – сахар/сладкое» пользовался популярностью у предшественников Хафиза, и приводит в пример несколько бейтов Са'ди: «Больше я не хочу писать стихов, потому что муха // Совершенно замучила меня из-за сладости моих слов»; «Что за сласти в этом городе, если стали удовлетворяться // Соколы *тариката* стоянкой мухи!»; «Поначалу [случилась] со мной недооценка тех сладких губ, // Но как уж не полететь мухе на сладкое?!» (цит. по: [9, с. 505–506]).

«Возжелала тебя» – *havāxāh-i tu šud*, т. е. сердце, подобное мухе, страстно полюбило тебя. Поскольку адресатом этого бейта, возможно, выступает «пьющий опивки» старец-наставник (б. 3), выражение *havāxāh-i tu šud* может также означать «предалось тебе».

Хума – *humā* (также *humāy*, от среднеперс. *humāk* “счастливым”), ягнятник или, иначе, бородач – крупная птица семейства ястребиных; она питается главным образом костями: находит их на земле, а затем, поднявшись в воздух, бросает вниз, раскалывает и добывает костный мозг. Согласно древнему поверью, вошедшему и в поэзию, Хума – птица, приносящая счастье, она никогда не опускается на землю, ее невозможно увидеть, но человек, на которого падает тень ее крыльев, обретает высокий сан и счастливую участь.

«Величие Хумы» – *farr-i humā-ī*, также «царское величие»; *farr* – божественная благодать, харизма, слава [17, с. 228–230], которая являлась древним иранским царям в виде светящейся субстанции, а иногда в виде животного или птицы, свидетельствуя об их избранности на царство.

Смысл бейта: сердце, которое было ничтожно, как муха, испытывало любовь, обрело могущество царей, что доказывает силу любви.

Суфийский комментарий: если темой предыдущего бейта было восхваление наставника, внешне не имеющего оснований для похвал в свой адрес (пьющий опивки, слабый и бедный), в этом бейте сердце адепта, подобное мухе, «падкой на сахар», т. е. охочее до мирских соблазнов, преображается благодаря преданности своему наставнику и заслуживает одобрения. Устами наставника глаголет истина, поэтому тот, кто следует за ним, сам становится провозвестником божественной истины [10, с. 1520].



Бейт 5. «Падишах» – *padšāh-ī*, здесь *ī* – показатель неопределенности, т. е. «какой-нибудь падишах», то же в слове «нищий» – *gadā-ī*, «какой-нибудь нищий». В переносном значении нищий – это влюбленный (см.: [1, газель 6:9 и комментарий], а также контексты 111:10, 112:5, 119:2 в [2]). Хатми [10, с. 1521] подчеркивает, что «нищий» – это *мурид* нищенствующего наставника (см. бейт 2), ожидающий от падишаха благосклонности, поскольку «нищий – зеркало щедрости и совершенства милостивых».

Бейт с рифменным словом *gadā-ī* и радифом *dārad* есть у Насира (бейт 7): «Не стыдись меня, о царь красавцев мира, // Ведь не у каждого шаха есть такой необыкновенный нищий».

Здесь просьба к шаху-возлюбленному уделить внимание нищему-влюбленному обоснована необыкновенными достоинствами последнего. Хафиз, отвечая предшественнику, меняет обоснование: нищий-влюбленный – сосед шаха-возлюбленного (ведь он не покидает его порога), а по правилам общежития соседям следует быть вежливыми.

Бейт 6. «Жжет печень» – *jigar-sūz*, букв. «сжигающий печень», в переносном смысле «терзающий душу, мучительный».

В газели Насира бейт 8 имеет то же рифменное слово (*davā-ī*) и ту же тему: «Не полагайся на лекарства для сердца, терпи боль, о сердце! Знай, // То не боль, что возлагает надежду на лекарство!». Речь идет о том, что, согласно кодексу любви, лечить сердечную боль не следует, ведь сами помыслы о лекарстве бросают тень на влюбленного и заставляют заподозрить его в неискренности. Хафиз полемически развивает тему: лечить любовь можно, но лекарство приносит еще большие муки, чем сама болезнь. Суди [11, с. 770] поясняет, что лекарство от любовных страданий – терпение (*ṣabr*), потому что самое трудное в любви – терпение.

Бейт 7. «Взгляд» – *ḡamza*, любовный знак, подаваемый глазом, кокетливое подмигивание. Согласно поэтическому канону, взгляд влюбленного – орудие насилия, он подобен стреле, сражающей влюбленных наповал. Слова «религия любви» (*mazhab-i 'išq*) можно считать ключевыми для газели, которая, по мнению Ш.-А. Фушекура, является как бы «наставлением» в этой религии [5, с. 396].

На языке суфиев слово *ḡamza* указывает на мгновенное явление и сокрытие влюбленного, который то показывает свою красоту, то скрывает ее и этим похищает сердца. В контексте мистической трактовки газели бейт обращен к наставнику, «который то являет себя, то скрывает» [10, с. 1522].

«Воздаяние» – *ajr*, также «награда, вознаграждение (за доброе дело)», «плата (за работу)»; здесь слово употреблено в контексте «упрека



другу», с коннотацией угрозы; ср. зачин газели 190, где под *ajr* подразумевается скорее награда, которую влюбленный сулит своему кумиру: «В тот день, когда твое мускусное перо вспомнит о нас, // Оно получит награду (*ajr*) за две сотни рабов, отпущенных на свободу» [2, с. 256].

Бейт 8. «Юный христианин» – *tarsā-bača*, единственный случай употребления этого композита в Диване Хафиза, по мнению комментаторов, он синонимичен *muğ-bača*, юному магу, помощнику виноторговца; «слуга вина» – *bāda-parast*, букв. «винопоклонник», т. е. пьяница. Но здесь, вероятно, речь идет о продавце вина, ср. вариант у Суды: [11, с. 771] *tarsā-bača-i bāda-furūš* ‘юный христианин-виноторговец’. В странах ислама виноторговлю разрешали только христианам и зороастрийцам, и *tarsā-bača*, как и *muğ-bača*, стали персонажами «винной» поэзии. «Наделен чистотой» – *şafā dārad*, тот, кто искренне влюблен; по мнению Фушекура, «чистота» влюбленного противопоставлена «насилию взгляда» возлюбленного (см. б. 7) [5, с. 396]. Согласно словарю Афифи [18, с. 1673], выражение *şafā dāştan* (букв. «иметь чистоту») в этом бейте означает «любить» и «быть искренним». Хатми [10, с. 1523] продолжает тему старца-наставника, «который наделен чистотой», и относит к нему благопожелание юного христианина.

Бейт 9. «О владыка!» – *xusravā*, обращение к адресату газели, скорее всего, представителю правящего дома. «Прочел *fatihu*» – прочел первую суру Корана, которую читают в ряде ритуальных ситуаций – в начале дела, на свадьбах, а также на похоронах. В завершение этого чтения полагается произнести слово *āmin* [19, сл. ст. «Фатиха»]. В завершающем бейте газели выражение «прочел *fatihu*» приобретает дополнительный смысл – «прочел газель», а «просит о молитве» оказывается изящным намеком на ожидаемое вознаграждение.

В рамках мистического комментария бейт представляет собой обращение к старцу-наставнику: *fatиха*, которую прочитал недостойный *мурид*, не может оказать должного воздействия, и необходима молитва святого старца, чтобы мольба поэта была услышана [10, с. 1523].

Газель 161

Теперь обратимся к газели 161, но сначала приведем ее текст.

کی شعر تر انگیزد خاطر که حزین باشد
یک نکته ازین معنی گفتیم و همین باشد

از لعل تو گر یابم انگشتی زنهار
صد ملک سلیمانم در زیر نگین باشد

غمناک نباید بود از طعن حسود ای دل
شاید که چو وایینی خیر تو درین باشد



هر کو نکند فهمی زین کلک خیال انگیز
نقشش بحرام ار خود صورتگر چین باشد

جام می و خون دل هر یک به کسی دادند
در دایرهٔ قسمت اوضاع چنین باشد

در کار گلاب و گل حکم ازلی این بود
کاین شاهد بازاری وان پرده نشین باشد

آن نیست که حافظ را زندی بشد از خاطر
کاین سابقهٔ پیشین تا روز پسین باشد

Газель написана вариантом метра *хазадж*. Российским любителям Хафиза газель известна в изящном переводе Германа Плисецкого, сделанном по подстрочникам Н. Б. Кондыревой. Как и в предыдущем случае, для достижения целостного художественного эффекта, в стремлении передать дух подлинника поэту приходилось жертвовать его буквой.

Всколыхнут ли стихи душу, ставшую пленницей ада?
Воскресят ли ее, если скорбная жизни не рада?
Если ты мне пришлешь, как угрозу, рубиновый перстень –
Все равно для меня это царская будет награда!
Пусть, о сердце мое, нас поносят завистники злые.
Их хула для тебя – похвала. Огорчаться не надо.
Я любому скажу, хоть Мани самому: «Ты бездарен,
Коль не можешь понять моих песен высокого лада!»
Два бесценных подарка судьбою даны человеку:
В сердце – пылкая кровь, в чаше – алая кровь винограда.
Не велят небеса розу с розовой путать водою:
Та – красотка базарная, эту – скрывает ограда.
Не изменник Хафиз – не забыл он любезную чашу!
Дайте срок небольшой – он опять будет пить до упада!³

Обратимся к нашему переводу и комментарию. По ним хорошо видно, как филологический анализ позволяет выявить особые нюансы смыслов, заключенные в оригинале и пропадающие в поэтическом переводе, даже несмотря на консультации такого замечательного ираниста и опытного редактора, как Н. Б. Кондырева.

[1] Разве может опечаленная душа создать отрадные стихи?
Одну тонкую мысль об этом мы высказали, и довольно!

³ См.: [20, с. 102, № 90].



- [2] Если я получу от твоего рубина охранное кольцо,
Сто царств Сулаймана будут под моим перстнем.
[3] О сердце, не стоит горевать из-за нападков завистника,
Может, если приглядишься, в этом твое благо.
[4] Кому непостижно это перо, вызывающее образы,
Тому не дозволено рисовать, даже если он китайский художник.
[5] Чаша вина и кровь сердца – то и другое кому-то дали,
В круге судьбы таково положение дел.
[6] О делах розы и розовой воды предвечный приказ был таков:
Эта – базарная красавица, а та – затворница.
[7] Неправда, что риндство ушло из помыслов Хафиза,
Ведь эта давняя история продлится до последнего дня.

Газели с такими же метром, рифмой и радифом имеются в Диванах Камала Худжанди [21, с. 489, № 464] и Низари Кухистани [22, с. 1087–1088, № 497]; эти стихи создают ближайший поэтический контекст для строк Хафиза.

Бейт 1. «Отрадный» – *tar*, букв. «влажный, мокрый», слово использовалось поэтами и критиками как характеристика хороших стихов, указывающая на их выразительность, ясность и изящество (стихи, в которых эти качества отсутствовали, именовались *xušk* – «сухими»). Синтаксис первого полустихия позволяет поменять местами субъект и объект высказывания: «Разве могут отрадные стихи всколыхнуть опечаленную душу»; такой вариант дан во французском переводе [5, с. 470] и отражен в переводе Г. Плисецкого; итальянский перевод совпадает с нашим [4, с. 191]. «Об этом» – *az īn ma'nī*, букв. «в этом смысле»; слово *ma'nī* “смысл, значение” в традиционной поэтике выступает как термин – «поэтический мотив», поэтому возможна интерпретация «в этом мотиве», т. е. «используя этот мотив», что создает семантическое соответствие (*tanāsub*) со словом *šī'r* “стихи” в первом полустихии. «Тонкая мысль» – *nukta* заключается в том, что поэт вложил в одно высказывание две взаимодополняющие поэтические идеи о несовместимости уныния и творения поэзии.

В упомянутой газели Низари есть бейт о печали влюбленного, в котором в позиции рифмы стоит то же слово, что и в первом полустихии зачина газели – «печаль» (*ḥazīn*): «Что делать бедному влюбленному, как не страдать и рыдать, // Он разлучился с другом – неизбежно он в печали» (бейт 2). Именно эту стандартную любовную жалобу обыгрывает Хафиз в «тонкой мысли» о печали и поэтическом творчестве. В редакции Ханлари [3, с. 314] вместо *az īn ma'nī* дан вариант *az īn daftar* “из этой тетради”, т. е. из этого сборника стихов, в таком варианте также сохраняется прием *tanāsub*, но его образуют слова «тетрадь – стихи».



Второе полустихие зачина у Хафиза в редакции Ханлари полностью совпадает с концовкой газели Камала Худжанди: «В речи Камала каждый бейт стоит целого дивана, // Одну тонкую мысль из этой тетради мы высказали, и довольно!». Камал закончил стихи самовосхвалением, воспев собственное поэтическое мастерство; у него «тонкая мысль» – это метафора данной газели в «тетради» его стихов, а выражение «и довольно!» маркирует финал. Хафиз переносит цитату в зачин и рассуждает об общих законах творчества, «тонкая мысль» – это, повторим, мысль о вреде уныния, а реплика «и довольно!» приобретает дополнительное значение: «довольно рассуждать о стихах и печали, надо писать стихи!».

Бейт 2. «Твой рубин» – *laʿl-i tu*, стандартная метафора губ, многократно встречающаяся как у предшественников Хафиза, так и у него самого (см., например: [2, газели 54:2; 107:9; 195:1; 204:6; 213:6; 240:7]). В данном бейте «рубин» образует семантическую связь с «кольцом» и «перстнем». «Охранное кольцо» – *anguštārī-yi zinhār*, кольцо, которое правитель вручал как знак того, что человек находится под его защитой и никто не должен чинить ему препятствий [13, сл. ст. *Anguštārī*]; ср. использование того же образа в газели Салмана Саваджи: «От того рта ради безопасности хочет [получить] кольцо (*anguštārī*) // Моя горестная душа, которая пришла к губам за прибежищем (*ba zinhār*)» [23, газель 64: 4].

«Сто царств» – *šad mulk* – популярная гипербола, указывающая на размеры подвластной территории (также «тысяча царств» – *hazār mulk*), ср., например: «Чарами, что таил ее взор, // Она с полувзгляда завоевывала сотни царств» [24, с. 281]. «Царство Сулаймана» – *mulk-i sulaymān*, прославленное пышностью и богатством царство пророка Сулаймана стало обозначением великого царства вообще и владений атабеков Фарса в частности (в Фарсе, близ Шираза, находится Тахт-е Джамшид (букв. – Трон Джамшида), который иначе называли Тахт-е Сулайман (Трон Сулаймана), см.: [1, коммент. к газели 28:4]); Са’ди неоднократно именовал атабеков Фарса «наследниками царства Сулаймана» (см., например, предисловие к «Гулистану» [25, с. 29]). Уже предшественники Хафиза соединили эти два клише; см. у Амира Хусрава: «На тех устах, перед чьей сладостью сахар – соленый, // Тысяча царств Сулаймана – цена одного муравья» [26, газель 343:1].

«Под перстнем» – *zīr-i nigīn*, т. е. в подчинении, во власти; ср. «Он называет меня своим нищим и в эту пору словно бы // Царство двух миров помещает под мой перстень» [26, газель 44:2].

В переводе Г. Плисецкого представлен иной вариант интерпретации смысла бейта: «Если ты мне пришьешь, как угрозу, рубиновый перстень...», что связано как раз с перстнем и толкованием выражения



anguštari-yi zinhār в первом полустишии. Н. Б. Кондырева, в сотрудничестве с которой работал поэт, опиралась на пояснения Анджави, иранского филолога и издателя комментированного Дивана Хафиза. В своих примечаниях к книге «Сто семнадцать газелей Хафиза» она пишет, ссылаясь на мнение Анджави: «В средневековом Иране правитель посылал приближенным свой перстень, что могло означать “берегись!”, а могло и – “ты под моей защитой”. Здесь Хафиз имеет в виду первый случай, что дает ему повод для красивой гиперболы» [20, с. 164–165].

Бейт 3. «Завистник» – *husūd*, входит в Диване Хафиза в число антагонистов лирического персонажа. Это может быть «аскет» (*zāhid*) или «суфий», противник поэта-ринда, а может быть и придворный соперник поэта-панегириста. Поэтическая функция «завистника» – причинение зла (порицание аскета, поношение соперника-поэта, клевета противника при дворе). Порой поношения и обиды завистника идут на пользу герою, из его брани даже можно извлечь назидание и предупреждение [2, газель 161:3], но лучше отнестись к нему с пренебрежением [2, газель 256:8], пропустить мимо ушей его дурацкие (*aḥmaq*) оскорбления [2, газель 378:7], спокойно вынести наносимые им обиды (*jūr*), особенно если у тебя есть дорогой друг и покровитель [2, газель 445:8].

Дидактический смысл бейта восходит, как отмечено в [5, с. 471] и в [9, с. 628], к кораническому аяту: «Предписано вам сражение, а оно ненавистно для вас. И может быть, вы ненавидите что-нибудь, а оно для вас благо, и может быть, вы любите что-нибудь, а оно для вас зло, – поистине, Аллах знает, а вы не знаете!» [27, 2: 212-213 (216)].

Бейт 4. «Перо» – *kilk*, такое обозначение пера употребляется в Диване в трех типах контекстов: а) перо Творца, «рисующее» вещи мира [2, газели 77:5; 138:7; 156:4; 304:4; 332:7; 461:5]; б) перо восхваляемого – друга или покровителя [2, газели 190:1; 267:9; 410:5; 489:2]; в) перо поэта, собственное перо Хафиза [2, газели 25:9; 31:9; 58:7; 77:5; 125:10; 139:7; 324:5; 356:7; 404:7].

«Перо, вызывающее образы» – *kilk-i xayāl-angīz*; также «перо, пробуждающее грезы», «перо, будоражащее воображение»; *xayāl* может обозначать и образ или видение возлюбленного (см.: [1, коммент. к газели 29:1], отсюда еще один, частный смысл – «перо, создающее образ [возлюбленного]»). Определение *xayāl-angīz* “вызывающий образы” использовано здесь единственный раз во всем Диване, что заставляет задуматься, о чьем же пере в данном случае идет речь (во всех перечисленных выше контекстах принадлежность пера Творцу, другу или поэту обозначена ясно). Хуррамшахи [9, с. 629] видит здесь реализацию приема *ихам*, полагая, что речь идет одновременно о Пере творения и пере поэта.



«Не дозволено рисовать» – *naqš-aš ba-ḥarām*, букв. «его рисунок – под запретом!», обыграно выражение *naqš-i ḥarām*, так называют людей, «внешне статных, но ленивых и никчемных» [13, сл. ст. *Naqš*, рубрика *naqš-i ḥarām*].

«Художник» – *šūratgar*, букв. «творец форм», такой выбор слова дает противопоставление двух типов мастерства – создания иллюзорных образов-видений и изображения зримых форм. «Китайский художник» – *šūratgar-i čīn*, т. е. художник, славящийся мастерством и знанием ремесла (в XIII в. монгольские завоеватели привезли в Иран китайских художников, которые оказали заметное влияние на развитие иранской традиции миниатюры); в поэзии в качестве лучшего из китайских мастеров часто упоминается Мани (основатель манихейства), якобы научившийся живописи в Китае и разукрасивший рисунками свою книгу Артанг (Аржанг). Превосходство поэта, рисующего словом, над «китайским художником», даже самим Мани, описано еще в одной газели Хафиза: «Если ты не веришь, пойдя, спроси у китайского художника (*šūratgar-i čīn*) – // Ведь Мани просит рукопись, [выполненную] кончиком моего мускусного пера» [2, газель 356:7].

Смысл бейта: тому, кто не способен понять образы, которые создает это перо (поэта или Творца), не стоит самому браться за творчество, даже если он обладает мастерством.

Бейт 5. «Чаша вина» (*jām-i may*) и «кровь сердца» (*xūn-i dil*) – символы соответственно веселья и страдания. С одной стороны, они часто противопоставляются, тем более что блеск вина в чаше ассоциируется со смехом, а «кровь сердца» – с кровавыми слезами; ср. бейт Салмана: «Если выпьют кровь моего сердца (*xūn-i dil*), я буду смеяться, как чаша с вином (*jām-i may*), // Если станут меня упрекать, я, как ветка лозы, не стану жаловаться» [28, с. 371–372, газель 285:2]. С другой стороны, среди поэтических клише есть и обозначение вина как «крови лозы», в этой формуле вино и кровь соединены; ср. рубаи Хайяма: «Вино – расплавленный рубин, а бутылка – рудник, // Тело – пиала, а вино – его душа. // Та хрустальная чаша, что смеется вином // – Слеза, в которой скрыта кровь лозы (*xūn-i raz*)» [29, № 100, с. 36 перс. текста].

«Круг судьбы» – *dāyara-yi qismat*; выражение встречается в Диване еще один раз [2, газель 493:9], в нем *qismat* “доля, судьба” (от араб. *qasama* “делить, разделять”) предстает как зависящая от небосвода; в других газелях Хафиза связь круга с небосводом выражена прямо: *dāyara-yi čarx-i kabūd* “круг синего небосвода” [2, газель 252:5]; *dāyara-yi mīnāyī* “лазурная окружность” [2, газель 141:6].

Внешне смысл бейта очень прост: кому-то в жизни предначертана радость (вино), а кому-то – горе (кровавые слезы), а кому-то – и то, и другое. Однако, возможно, здесь скрыт намек: даже радость, которую дает



судьба, включает в себе скрытое страдание (о муках «лозы – матери вина», см. также знаменитую касыду Рудаки «Мать вина»).

Бейт 6. «Розовая вода» – *gulāb*, эссенция, получаемая из лепестков красной розы, которые кипятят на огне, собирая экстракт из охлаждаемого пара; она широко использовалась в косметических средствах и лекарствах (например, при лечении лихорадки); *gulāb* входит в состав ряда поэтических фразеологизмов в значениях «слезы» и «благовоение», ср. *gulāb-afšānī kardan az dīda* “проливать розовую воду из глаз”, т. е. лить слезы, *gulāb-angīz* “вызывающий розовую воду”, т. е. благовонный (см. другие выражения и примеры из стихов Хакани, Низами, Руми и ‘Аттара в [18, с. 2174–2175]). «Предвечный приказ» – *ḥukm-i azalī*, Божественное предопределение. «Базарная красавица» – *šāhid-i bāzārī*; слово *bāzārī* “базарный” имеет и переносное значение “обыкновенный, простецкий, выставленный на всеобщее обозрение”, см.: [13, сл. ст. *Bāzārī*], обсуждаемый бейт включен в число примеров. «Затворница» – *parda-nišīn*, букв. «сидящая за завесой», почтенная госпожа; также «спрятанный, скрытый», в форме мн. ч. *parda-nišīnān* – распространенная метафора «скрытого от глаз» – невидимых ангелов, садовых цветов в бутонах [18, с. 372–373]; в суфийских контекстах выражение *parda-nišīnān* употреблялось по отношению к «друзьям Бога (*awliyā*)», поскольку их близость Богу скрыта от глаз непосвященных.

Понимание бейта напрямую связано с тем, на кого указывают местоимения *ān* “та” и *īn* “эта”. На альтернативные возможности толкования указал Суди [11, с. 969]: «базарной красавицей» может быть розовая вода, потому что она повсюду продается и в разных составах используется, а «роза» – цветок, спрятанный под завесой бутона (так и в [2, с. 218]). И наоборот, «базарной красавицей» можно счесть розу – ее цветы выставлены на всеобщее обозрение на подносах базарных разносчиков, тогда как розовая вода «спрятана» в склянках и сосудах (так в [9, с. 629]), а также таится в лепестках самой розы.

Современник Хафиза ‘Имад ад-Дин Факих Кирмани (ум. ок. 1371) употреблял выражение «базарная красавица» по отношению к розе: «Надежда влюбленного соловья – на розу и верность, // Но не бывает верности у красавицы, коли она – базарная (*šāhid-i ki bāzārī-st*)», цит. по: [8, с. 689].

Бейт Хафиза можно понять и как продолжение раздумий о сути поэзии. В бейте 3 поэт говорил о нападках соперников, в бейте 4 – о своем (или Божественном) пере, рождающем образы, внятные лишь искусственным. Здесь разные судьбы розы и розовой воды могут служить метафорой стихов, блещущих лишь внешней формой (какие пишут соперники) и стихов самого Хафиза, наполненных скрытыми смыслами.



Бейт 7. «Риндство» (*rindī*) – образ жизни гуляки-ринда; об истории образа ринда в персидской поэзии см.: [9, с. 403–413]; о мотивах риндства в Диване Хафиза см.: [30, с. 201–205]. «История» – *sābiqa*, букв. араб. «прошлая» (ж. р. от *sābiq*). В словаре Диххуда [13, сл. ст. *Sābiqa*] это слово в значении *kārnāma-yi gūzašta* “летопись прошлого” иллюстрировано данным бейтом Хафиза. М. Му’ин [31, сл. ст. *Sābiqa*] отмечает также специфические значения *sābiqa* – «предвечная участь» и «предвечная милость» (см. также: [1, коммент. к газели 80:5]. «Давняя история» – *sābiqa-i pišīn*, намек на то, что «риндство» Хафиза предопределено в предвечности. «Последний день» – *rūz-i rasīn*, также день Воскресения и Страшного суда; смысл бейта имеет как «житейское», так и философское измерение: 1) Хафиз был пьяницей-риндом в прошлом и останется таким до конца своих дней; 2) Хафизу в предвечности было предначертано быть пьяницей-риндом, а предопределенная участь останется неизменной до Судного дня.

Оправдание пьянства и влюбленности лирического персонажа предвечным приговором – один из лейтмотивов Дивана, см., например, [1, газели 5:7; 10:3; 26:5–6; 58:9; 62:4].

Заключение

Сравнение поэтического и филологического переводов помогает четко разграничить два радикально разных подхода к пониманию и интерпретации поэтического текста, принадлежащего средневековой традиции персидской классической литературы. Поэтический перевод ценен своей эмоциональной и эстетической составляющей и, осмелимся сказать, что чем он менее буквален, тем больше в нем «воздуха», и напротив, чем больше поэт-переводчик стремится приблизить грамматику или набор реалий к оригиналу, тем дальше перевод от него отстоит. Кроме того, поэт-переводчик ищет путь приблизить «чужое» к «своему», культурно удаленный оригинал к современному российскому читателю. Не удивительно поэтому, что газель Хафиза, часто состоящая из не связанных между собой бейтов, в поэтическом переводе обретает целостность поэтического высказывания, не только отсутствующую в оригинале, но и не требующуюся от него по канонам жанра.

Чем более обстоятелен и глубок филологический комментарий, который можно считать самой сутью филологического подхода, тем больше он разрушает образную ткань оригинала. Многоуровневый анализ текста во всей многомерности его связей не в состоянии объяснить, почему Хафиз – великий поэт. И это его недостаток.

Но зато он позволяет понять, что привлекало иранского читателя в причудливом ходе хафизовской мысли, какие культурные пережива-



ния (термин В. М. Жирмунского) вызывали в нем легкие касания тех поэтических мотивов, которые так обстоятельно и порой, тяжеловесно представляет комментарий. А это знание нельзя получить никаким другим путем.

Литература

1. Пригарина Н., Чалисова Н., Русанов М. *Хафиз. Газели в филологическом переводе*. Ч. 1. М.: РГГУ; 2012. 609 с.
2. Rahbar X. X. *Dīvān-i ġazaliyyāt-i mawlānā Šams al-Dīn Muḥammad Xvāja Ḥāfiz-i Šīrāzī*. Tihrān: Intišārāt-i Šafi 'Alīšāh; 1994. 734 с. (На перс. яз.)
3. *Divān-i Ḥāfiz. Ba tašhīḥ va tawzīḥ-i Parvīz Nātil Xānlarī*. Tihrān: Intišārāt-i bunyād-i farhang-i Īrān; 1980. 1006 с. (На перс. яз.)
4. Hafez. *Canzoniere*. Milano: Ariete, lo scaffale di Mecenate; 2005. 732 p.
5. Hafez de Chiraz. *Le Divan*. Lonrai: Verdier, Lagrasse; 2006. 1275 p.
6. Хафиз Ширази. *Диван*. М.: Мир поэзии; 1998. 543 с.
7. Deraxšān M. *Dīvān-i aš'ār-i Našīr Buxārāī az suḥanvarān-i qarn-i haštum-i hijrī*. Tihran: Majmū'a-i Aṭār va aḥvāl-i šā'irān; 1974. 496 с. (На перс. яз.)
8. Ḥusayn 'Alī Hiravī. *Šarḥ-i ġazalhā-yi Ḥāfiz. Bā kūšīš-i doktor Zahra Šādmān*. Jild-i 1-4. Tihrān: Tanvir-Našr-i naw; 1999. 2211 с. (На перс. яз.)
9. Bahā al-Dīn Xurramšāhī. *Hāfiz-nāma. Šarḥ-i alfāz, a'lām, mafāhim-i kalidī va abyāt-i dušvār-i Ḥāfiz. Vaxš-i avval va duvvum*. Tihrān: Širkat-i intišārāt-i 'ilmī va farhangī; 1999. 1540 с. (На перс. яз.)
10. Abu-l-Ḥasan 'Abd al-Raḥmān Xatmī Lāhurī. *Šarḥ-i 'irfānī-yi ġazalhā-yi Ḥāfiz*. Tihrān: Qaṭra; 1995. 3009 с. (На перс. яз.)
11. Muḥammad Sūdī Bosnavī. *Šarḥ-i Sūdī bar Hāfiz. Tarjuma-i doktor 'Išmat Sattār-zāda*. Jild-i 1–2. Tihrān: Čarxāna-i rangīn; 1962-63. 1472 с. (На перс. яз.)
12. Lewis F. *Hafez IX. Hafez and Music*. Encyclopaedia Iranica; 2002. Available at: <http://www.iranicaonline.org/articles/hafez-ix>
13. 'Alī Akbar Dihxudā. *Luġat-nāma*. Jild-i 1-14. Tihrān: Dānišgāh-i Tihrān; 1993. 21149 с. (На перс. яз.)
14. Ватват Рашид ад-Дин. *Сады волшебства в тонкостях поэзии*. М.: Главная редакция восточной литературы; 1985. 324 с.
15. Руми Джалал ад-Дин Мухаммад. *Маснави-йи ма'нави = Поэма о скрытом смысле. Первый дафтар*. СПб.: Петербургское востоковедение; 2007. 448 с. (На перс. яз.)
16. Prigarina N. *Sarmad: Life and Death of a Sufi*. В: *Ишрак. Ежегодник исламской философии*: 2012. № 3. М.: Восточная литература; 2012;3:314–330.
17. Чунакова О. М. *Пехлевийский словарь зороастрийских терминов, мифических персонажей и филологических символов*. М.: Восточная литература; 2004. 284 с.
18. 'Afīfī Raḥīm. *Farhangnāma-yi šī'rī*. Jild-i 1-3. Tihrān: Surūš; 1993. 2744 с. (На перс. яз.)
19. Милославский Г. В., Петросян Ю. А., Пиотровский М. Б., Прозоров С. М. (ред.) *Ислам. Энциклопедический словарь*. М.: Главная редакция восточной литературы; 1991. 312 с.



20. Хафиз. *Сто семнадцать газелей*. М.: Главная редакция восточной литературы; 1981. 183 с.
21. Камал Худжанди. *Диван*. Т. 1–2. М.: Главная редакция восточной литературы; 1975. 1060 с.
22. Nizārī-yi Quhistānī. *Divān*. Tih-rān: Intišārāt-i 'ilmī; 1992. 451 с. (На перс. яз.)
23. Salmān Sāvajī. *Divān*. Tehran: Mehr Argham Rayaneh Co; 2007. (На перс. яз.)
24. Низами. *Лайли и Маджнун*. М.: РГГУ; 2008. 773 с.
25. Sa'dī. *Kullīyyāt*. Tih-rān: Mausasa-yi intišārāt-i nigāh; 1996. 997 с. (На перс. яз.)
26. Амир Хусрав. *Диван*. Tehran: Mehr Argham Rayaneh Co; 2007. (На перс. яз.)
27. Крачковский И. Ю. (пер.) *Коран*. М.: Главная редакция восточной литературы; 1986. 727 с.
28. 'Abās'alī Vafāyī. *Kullīyyāt-i Salmān Sāvajī*. Tih-rān: Intišārāt-i Suxān; 2010. 779 с. (На перс. яз.)
29. Хаййам 'Омар. *Руба'уйат*. Ч. 2. М.: Издательство восточной литературы; 1959. 184 с.
30. Рейснер М. Л. *Эволюция классической газели на фарси (X–XIV века)*. М.: Главная редакция восточной литературы; 1989. 221 с.
31. Muḥammad Mu'īn. *Farhang-i fārsī*. Jild-i 1–6. Tih-rān: Mausasa-yi intišārāt-i Amīr Kabīr; 1983. (На перс. яз.)

References

1. Prigarina N., Chalisova N., Rusanov M. *The Ghazals in philological translation*. Part 1. Moscow: RGGU; 2012. (In Russ.)
2. Rahbar X. X. *Dīvān-i ġazalīyyāt-i mawlānā Šams al-Dīn Muḥammad Xvāja Ḥāfīz-i Šīrāzī*. Tih-rān: Intišārāt-i Šafi 'Alīšāh; 1994. (In Persian)
3. *Divān-i Ḥāfīz. Ba tašhīḥ va tawzīḥ-i Parvīz Nātil Xānlarī*. Tih-rān: Intišārāt-i bunyād-i farhang-i Īrān; 1980. (In Persian)
4. Hafez. *Canzoniere*. Milano: Ariete, lo scaffale di Mecenate; 2005.
5. Hafez de Chiraz. *Le Divan*. Lonrai: Verdier, Lagrasse; 2006.
6. Hafiz Shirazi. *Divan*. Moscow: Mir poezii; 1998. (In Russ.)
7. Deraxšān M. *Dīvān-i aš'ār-i Našīr Buxārāī az suxanvarān-i qarn-i haštum-i hijrī*. Tih-ran: Majmū'a-i Aṭār va aḥvāl-i šā'irān; 1974. (In Persian)
8. Ḥusayn 'Alī Hiravī. *Šarḥ-i ġazalhā-yi Ḥāfīz. Bā kūšīš-i doktor Zahra Šādmān*. Jild-i 1-4. Tih-rān: Tanvir-Našr-i naw; 1999. (In Persian)
9. Bahā al-Dīn Xurramšāhī. *Hāfīz-nāma. Šarḥ-i alfāz, a'lām, mafāhim-i kalīdī va abyāt-i dušvār-i Ḥāfīz. Baxš-i avval va duvvum*. Tih-rān: Širkat-i intišārāt-i 'ilmī va farhangī; 1999. (In Persian)
10. Abu-l-Ḥasan 'Abd al-Raḥmān Xatmī Lāhurī. *Šarḥ-i 'irfānī-yi ġazalhā-yi Ḥāfīz*. Tih-rān: Qaṭra; 1995. (In Persian)
11. Muḥammad Sūdī Bosnavī. *Šarḥ-i Sūdī bar Ḥāfīz. Tarjuma-i doktor 'Išmat Sattār-zāda*. Jild-i 1–2. Tih-rān: Čāpxāna-i rangīn; 1962-63. (In Persian)
12. Lewis F. *Hafez IX. Hafez and Music*. Encyclopaedia Iranica; 2002. Available at: <http://www.iranicaonline.org/articles/hafez-ix>



13. 'Alī Akbar Dihxudā. *Luġat-nāma*. Jild-i 1-14. Tihṛān: Dānišgāh-i Tihṛān; 1993. (In Persian)
14. Vatvat Rashid ad-Din. *The gardens of magic in the of nuances of poetry*. Moscow: Glavnaya redaktsiya vostochnoi literatury; 1985. (In Russ.)
15. Rumi Jalal ad-Din Muhammad. *Masnavi-yi ma'navi*. St. Petersburg: Peterburgskoe vostokovedenie; 2007. (In Persian)
16. Prigarina N. Sarmad: Life and Death of a Sufi. In: *Ishraq. Islamic philosophy yearbook: 2012*. No. 3. Moscow: Vostochnaya literatura; 2012;3:314–330.
17. Chunakova O. M. *The Pahlavi dictionary of Zoroastrian terms, mythological personages and symbols*. Moscow: Vostochnaya literatura; 2004. (In Russ.)
18. 'Afīfī Raḥīm. *Farhang-nāma-yi šī'rī*. Jild-i 1-3. Tihṛān: Surūš; 1993. (In Persian)
19. Miloslavskii G. V., Petrosyan Yu. A., Piotrovskii M. B., Prozorov S. M. (eds) *Islam. The encyclopedic dictionary*. Moscow: Glavnaya redaktsiya vostochnoi literatury; 1991. (In Russ.)
20. Hafiz. *One hundred and seventeen ghazals*. Moscow: Glavnaya redaktsiya vostochnoi literatury; 1981. (In Russ.)
21. Kamal Kḥudzhandi. *Divan*. Vol. 1–2. Moscow: Glavnaya redaktsiya vostochnoi literatury; 1975. (In Russ.)
22. Nizārī-yi Quhistānī. *Divān*. Tihṛān: Intišārāt-i 'ilmī; 1992. (In Persian)
23. Salmān Sāvajī. *Divān*. Tehran: Mehr Argham Rayaneh Co; 2007. (In Persian)
24. Nizami. *Layli and Majnun*. Moscow: RGGU; 2008. (In Russ.)
25. Sa'dī. *Kullīyyāt*. Tihṛān: Mausasa-yi intišārāt-i nigāh; 1996. (In Persian)
26. Амир Хусрав. *Диван*. Tehran: Mehr Argham Rayaneh Co; 2007. (In Persian)
27. Krachkovskii I. Yu. (ed.) *Quran*. Moscow: Glavnaya redaktsiya vostochnoi literatury; 1986. (In Russ.)
28. 'Abās'alī Vafāyī. *Kullīyyāt-i Salmān Sāvajī*. Tihṛān: Intišārāt-i Suxān; 2010. (In Persian)
29. Khayyam 'Omar. *Ruba'iyat*. Part 2. Moscow: Izdatelstvo vostochnoi literatury; 1959. (In Russ.)
30. Reysner M. L. *The evolution of the classical ghazal in Farsi (10–14 century)*. Moscow: Glavnaya redaktsiya vostochnoi literatury; 1989. (In Russ.)
31. Muḥammad Mu'īn. *Farhang-i fārsī*. Jild-i 1–6. Tihṛān: Mausasa-yi intišārāt-i Amīr Kabīr; 1983. (In Persian)

Информация об авторах

Пригарина Наталья Ильинична, профессор, доктор филологических наук, главный научный сотрудник Отдела памятников письменности народов Востока, Институт востоковедения РАН, г. Москва, Российская Федерация.

Information about the authors

Natalia I. Prigarina, Ph. D habil. (Philol.), Professor, Head Research Fellow at the Department of Oriental Written Sources, Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russian Federation.



Пригарина Н. И., Чалисова Н. Ю., Русанов М. А. Хафиз в поэтическом и филологическом переводе. *Ориенталистика*. 2018;1(3-4):489–510

Чалисова Наталья Юрьевна, кандидат филологических наук, главный научный сотрудник Института классического Востока и античности, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», г. Москва, Российская Федерация.

Русанов Максим Альбертович, кандидат филологических наук, профессор Института классического Востока и античности, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», г. Москва, Российская Федерация.

Раскрытие информации о конфликте интересов

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Natalya Yu. Chalisova, Ph. D (Philol.), Head Research Fellow, Faculty of Humanities, Institute for Oriental and Classical Studies, National Research University Higher School of Economics, Moscow, Russian Federation.

Maxim A. Rusanov, Ph. D (Philol.), Professor, Faculty of Humanities, Institute for Oriental and Classical Studies, National Research University Higher School of Economics, Moscow, Russian Federation.

Conflicts of Interest Disclosure

The authors declare that there is no conflict of interest.

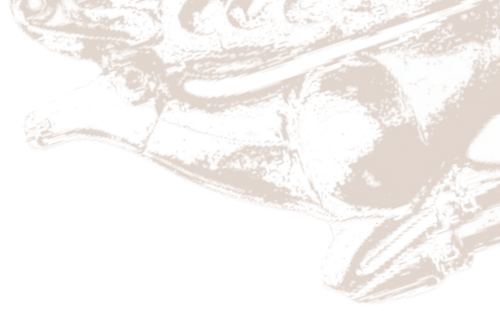
Информация о статье

Поступила в редакцию: 22 октября 2018 г.
Одобрена рецензентами: 13 ноября 2018 г.
Принята к публикации: 29 ноября 2018 г.

Article info

Received: October 22, 2018
Reviewed: November 13, 2018
Accepted: November 29, 2018

SCIENTIFIC LIFE

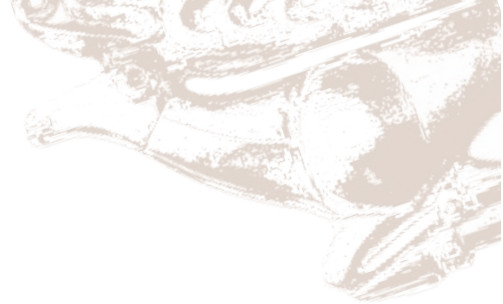


■ **The 200th Anniversary
of the Institute of Oriental Studies**

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ



■ К 200-летию Института
востоковедения РАН



The 200th Anniversary of the Institute of Oriental Studies

К 200-летию Института востоковедения РАН

DOI 10.31696/2618-7043-2018-1-3-4-513-533
УДК 93/94

Обзорная статья
Review

VIII международная конференция «Письменные памятники Востока. Проблемы перевода и интерпретации»

Л. В. Горяева^{1а}, Н. И. Пригарина^{1б*}

¹ Институт востоковедения РАН, г. Москва, Российская Федерация

^а ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-4744-6005>, e-mail: goriaeva@mail.ru

^б ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-1941-0467>, e-mail: prigarina@gmail.com

Резюме: в 2018 г. конференция «Письменные памятники Востока: проблемы перевода и интерпретации» (31.10.2018 – 02.11.2018) была посвящена 200-летию Института востоковедения Российской академии наук. На заседаниях было представлено более 40 докладов ученых из Москвы, Санкт-Петербурга, Уфы, Еревана, Тбилиси, Кембриджа, Лейдена, Лондона, Рима и Торонто. Все они были посвящены изучению классического наследия Востока – рукописей и предметов изобразительного искусства, фольклора, религии и мифологии. Этим объясняется растущая популярность ежегодно проводимой в Москве конференции, расширение ее тематического спектра и круга участников. Как и в предыдущие годы, организатором конференции стал Институт востоковедения РАН (Отдел памятников письменности народов Востока).

Ключевые слова: Институт востоковедения; интерпретация текста; источниковедение; Йусуф; классическое наследие; письменные памятники Востока; рукописи

Для цитирования: Горяева Л. В., Пригарина Н. И. VIII международная конференция «Письменные памятники Востока. Проблемы перевода и интерпретации». *Ориенталистика*. 2018;1(3-4):513–533. DOI: 10.31696/2618-7043-2018-1-3-4-513-533.

VIII International Conference “Written Monuments of the East. Translation and Interpretation Problems”

Liubov V. Goriaeva^{1а}, Natalia I. Prigarina^{1б*}

¹ Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russian Federation

^а ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-4744-6005>, e-mail: goriaeva@mail.ru

^б ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-1941-0467>, e-mail: prigarina@gmail.com

Abstract: in 2018 the 8th International Conference “Written Monuments of the East. Translation and Interpretation Problems” (October 31, 2018 – November 2, 2018) was

* Авторы внесли равный вклад в эту работу.

** These authors contributed equally to this work.



dedicated to the 200th anniversary of the Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences. At the conference sessions more than 40 papers were presented by scholars from Moscow, St. Petersburg, Ufa, Yerevan, Tbilisi, Cambridge, Leiden, London, Rome and Toronto. All of them were devoted to the study of the classical heritage of the East – manuscripts and visual arts, folklore, religion and mythology. This explains the growing popularity of our conference, year by year, its expanding thematic spectrum and range of participants. As in previous years, the conference's organizer was the Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences (Department of Written Monuments of the East).

Keywords: classical heritage; Institute of Oriental Studies; manuscripts; source studies; text interpretation; written monuments of the East; Yusuf

For citation: Gorjaeva L. V., Prigarina N. I. VIII International Conference "Written Monuments of the East. Translation and Interpretation Problems". *Orientalistica*. 2018;1(3-4):513–533. (In Russ.) DOI: 10.31696/2618-7043-2018-1-3-4-513-533.

Введение

Ежегодная конференция под этим названием, проходившая с 31 октября по 2 ноября 2018 г. в Москве, стала частью программы юбилейной конференции «Классическое востоковедение: источниковедение, архивистика, археология», приуроченной к 200-летию Института востоковедения РАН. Важность этой даты для науки о Востоке предопределила и размах самого события: на нашей «малой» конференции было представлено более 40 докладов ученых из Москвы, Санкт-Петербурга, Уфы, Еревана, Тбилиси, Рима, Лондона, Кембриджа, Лейдена и Торонто. Это веское подтверждение неослабевающего интереса исследователей разных стран к классическому наследию Востока – памятникам письменности и изобразительного искусства, фольклору, религии и мифологии.

Как и в предыдущие годы, организатором конференции стал Отдел памятников письменности народов Востока Института востоковедения РАН. Поскольку конференция проводилась в рамках постоянного семинара «Текстология и источниковедение Востока» (руководитель Л. В. Горяева), она приобрела большую популярность, и число желающих принять в ней участие заметно превысило двухдневный формат конференции. Пришлось предусмотреть дополнительный день – это позволило расширить не только круг приглашенных докладчиков, но и аудиторию слушателей.

Два первых дня работы конференции прошли в уютном и вместительном зале отеля «Будапешт». Завершающие сессии и подведение итогов состоялись непосредственно в Отделе памятников письменности народов Востока ИВ РАН (руководитель – В. Н. Настич). Круг участников и аудитория заседаний были отмечены широтой и разнообразием. За годы работы семинара и предыдущих конференций сложился коллектив



единомышленников, интересующихся проблематикой и методологией изучения письменных источников, а не только вопросами сугубо страноведческого характера. Конференция в очередной раз показала, что исследование первоисточников – магистральное направление академической ориенталистики, лучшие образцы которой снискали заслуженную славу отечественному востоковедению.

Отдельное заседание было посвящено тематической сессии «Образ Йусуфа (Иосифа Прекрасного) в литературах и искусстве Востока» (руководитель Н. И. Пригарина). Участники сессии представили визуальный иллюстративный материал, ранее неизвестный в науке, в частности, миниатюру, подаренную А. А. Ахматовой своему сыну Л. Н. Гумилёву, а также книжные миниатюры из британских рукописных собраний; в ряде докладов были предложены новые герменевтические подходы к трактовке классических текстов на избранную тему. Поддержку сессии оказал Фонд исследований исламской культуры им. Ибн Сины и лично его президент г-н Х. Хадави, благодаря чему появилась возможность расширить круг приглашенных докладчиков. Фонд также разместил в отделе выставку книг издательства «Садра», вышедших в свет за последние годы в сотрудничестве с ИВ РАН и другими научными центрами изучения Востока и ислама в России.



*Рис. 1. Мемориальный музей-квартира Л. Н. Гумилёва, Санкт-Петербург.
Фото А. В. Бондарева*

Fig. 1. Lev Gumilev Memorial Apartment-Museum, St. Petersburg. Photo by A. V. Bondarev



Обзор докладов и выступлений

По традиции первое заседание конференции открыл чл.-корр. РАН *В. М. Алтатов* (Ин-т языкознания РАН, Москва), отметивший роль классического востоковедения в эпоху глобализации, ответом на которую в ряде стран Востока стало возросшее значение традиционных социальных, культурных и религиозных институтов. Развитие этой темы предложил *Т. Атабаки* (Нидерланды) в докладе «От собирания древностей к истории: вклад советских историков в историографию Востока». Важная особенность творческого подхода наших соотечественников-востоковедов к изучению исторического и культурного наследия этих стран, подчеркнул он, – их стремление дать всесторонний анализ первоисточников, не навязывая читателю той или иной предвзятой концепции, не навешивая ярлыков.

В докладе *Р. И. Амирбекян* (Армения) «Общая характеристика коллекции иллюминированных арабографических рукописей Матенадарана» рассказывалось об истории этого прославленного фонда и о двух группах восточных рукописей, переданных Матенадарану в 30–50-х гг. XX в. и легших в его основу: одна – из бывшего собрания Дивана Армянских Католиков в Эчмиадзине, другая – из библиотеки бывшего Лазаревского института восточных языков в Москве. В последующие годы фонд расширялся и продолжает расти, причем хронология коллекции охватывает период с XIV до XIX в. Представленные в ее составе Кораны, его фрагменты и толкования, молитвенники, труды по философии, суфизму, математике, грамматике, медицине, астрологии, энциклопедии, словари, учебники, гадательные книги, талисманы, а также списки литературных и поэтических произведений наглядно демонстрируют кодикологические особенности рукописей, изготовленных в пределах региона, объединенного культурной общностью на базе исламской конфессии, – Ближнего Востока, Средней Азии, Османской Турции, Афганистана и Индии.

М. В. Бабкова (ИВ РАН) в докладе «Творчество Кокана Сирэна в контексте превращения чань-буддизма в дзен-буддизм» рассмотрела одно из самых влиятельных направлений китайского буддизма, которое к рубежу XII–XIII вв. практически вытеснило все остальные. К этому же периоду относится всплеск активных заимствований Японией из Китая различных достижений. Исследовательница сосредоточила внимание на некоторых этапах процесса превращения китайского чань-буддизма в японский дзен-буддизм и на роли, которую сыграл в этом японский наставник Кокан Сирэн (1278–1346). Его кисти принадлежит первая в Японии буддийская хроника «Буддийские записи годов Гэнко» (元亨釈書, «Гэнко сякусё»), в которую вошли больше 400 жизнеописаний выдающихся японских монахов. По мнению автора доклада, внима-



тельный взгляд на наследие Кокана Сирэна может позволить четче сформулировать, в чем именно состоял его вклад в формирование последующей японской буддийской культуры.

Свой доклад «Проблемы изучения наследия поэта-классика урду Мира Таки Мира (1723–1810)» Л. А. Васильева (ИВ РАН) посвятила творчеству одного из крупнейших поэтов урду, заслужившего титул «падишаха газели»: именно в этом жанре его творческая индивидуальность нашла наиболее яркое выражение. Она отметила, что подавляющее большинство исследований о его работах принадлежит носителям языка урду. Напротив, внимание, уделенное поэту западными учеными, далеко не соответствует значимости его творчества, а в отечественном востоковедении изучение наследия Мира практически застыло на начальной стадии в минувшем веке, и продолжение его представляется весьма актуальным. По мнению докладчицы, насущной задачей исследователей является восстановление основных фактов биографии Мира по имеющимся источникам, проверка их достоверности, а также выработка принципов отбора газелей Мира для анализа и подходов к их переводу с учетом особенностей языка поэта.

Преданиям о духах, традиционно почитаемых во Вьетнаме в рамках общинного культа, был посвящен доклад Е. В. Гордиенко (РГГУ) «Структура и содержание вьетнамских повествований о духах – хранителях общин (*тхантыть*) на примере повествования об Иет Киеу». Объектом внимания докладчицы стал один из таких духов – участник войн сопротивления китайско-монгольским нашествиям (XIII в.) по имени Иет Киеу. Перевод и исследование текста показали, что повествование об Иет Киеу имеет сложную внутреннюю структуру, отражающую этапы формирования данного сочинения и жанра в целом. Исследовательнице удалось выделить четыре фрагмента, объединенные в единый текст памятника в 1938 г. Это прежде всего наиболее древний пласт – восходящий к фольклорной традиции сюжет о волшебных способностях рыбака Иет Киеу. Позднее, в XV–XVII вв., происходит переосмысление фольклорного персонажа как героя партизанского движения времен китайско-монгольских нашествий. Затем, вероятно во времена редактирования текста в храмовой среде (XVIII–XIX вв.), в нем появляется предание о монгольской невесте Иет Киеу (дочери хана Хубилая). Наконец, в начале XX в. текст дополняется сведениями о праздниках в честь Иет Киеу, ритуалах и жертвоприношениях. Как подчеркнула исследовательница, *тхантыть* об Иет Киеу исследуется в российской науке впервые. Его анализ необходим для изучения религиозных традиций Вьетнама, а также позволит расширить круг источников для других вьетнамоведческих исследований.

Т. А. Денисова (ИВ РАН), представившая доклад «Имена и топонимы в судебных документах Лингги конца XIX – начала XX в.», рассказала



о коллекции документов шариатского суда, хранящейся в местном музее административного центра Даик (остров Лингга, современная Индонезия) и представляющей собой собрание судебных вердиктов, касающихся разных видов торговых актов, финансовых обязательств и имущественных споров. Она отметила, что данное собрание представляет особый научный интерес, поскольку источники, свидетельствующие об экономической деятельности и судебно-правовой системе Малайско-Индонезийского архипелага, редко становились предметом академического исследования. Дипломатический анализ документов позволил выявить общий формуляр документов, применяемый в делопроизводстве шариатского суда Лингги, классификацию имен как по этноконфессиональному признаку, так и по форме и составу имени, реконструировать социальный состав населения Лингги рубежа XIX–XX вв., в том числе этнорелигиозную принадлежность местных жителей. По наблюдению автора доклада, исследование топонимических элементов в антропонимике позволяет установить региональное происхождение людей и подтвердить наличие определенных миграционных явлений внутри архипелага.

Э. И. Введенская (независимый исследователь), автор доклада «Диалог рукописей в драматургии агиографии: цитирование произведений Рупы Госвами (драмы “Видагдха-мадхава” и “Лалита-мадхава”) в тексте “Чайтанья-чаритамриты” Кришнадаса Кавираджа Госвами», рассказала об использованном Кришнадасом приеме философско-творческого диалога основополагающих рукописных источников бенгальского вишнуизма. Автор труда достигает этим нескольких целей, актуальных как для средневековой Индии, так и для современных адептов бенгальского вишнуизма. Агиография Чайтаньи, представленная Кришнадасом, – один из немногих источников, знакомящих нас с историческим контекстом создания драм Рупы Госвами. Автор также вводит в пространство бенгальской культуры до тех пор недоступные санскритские труды по философии и религии. Как отметила докладчица, драматургическими вершинами агиографии стали цитаты из трудов Рупы Госвами. Они же приводятся в качестве незыблемых опор в системе философских доказательств и одновременно служат иллюстрацией к религиозно-эмоциональной кульминации жизнеописания.

Предметом исследования Т. А. Заглубоцкой (ИВ РАН) в докладе «Из литературной жизни эпохи Каджаров: о трех поэтах города Керманшаха» стала антология (*тазкире*) «Хадикат аш-шуара» («Сад поэтов»), отразившая панораму культурной жизни Ирана эпохи Каджаров, а также главы, посвященные литературной жизни Керманшаха в последней четверти XIX в. Автор *тазкире*, купец Саид Ахмад Диванбиги Ширази, объездил по купеческим делам множество городов, побывал в Тегеране, Исфагане,



Йезде, Фарсе, Ширазе, Нихаванде, Казвине, Куме, Бехбехане, Хорасане, Кермане, Керманшахе, Тебризе и др. Испытывая сильную тягу к наукам и поэзии, в каждом из своих многочисленных путешествий он старался знакомиться с выдающимися поэтами, учеными, суфиями, и всегда делал заметки, в которых пересказывал услышанные от них истории и стихи. В конце жизни он составил из этих заметок *тазкире*, в которую, в частности, входят краткие жизнеописания и образцы произведений около 1440 поэтов XIX в.

Е. М. Берзон (МГУ им. М. В. Ломоносова), выступившая с докладом «Вавилонский царский список эллинистического времени как источник по истории Селевкидов», прокомментировала некоторые вопросы, связанные с прочтением и интерпретацией одного из важнейших клинописных поздневавилонских документов – царского списка эллинистического времени. Были рассмотрены титулатура представителей династии Селевкидов, используемая в Вавилонском списке, а также формулировки о вступлении на престол или смерти того или иного царя. По ее мнению, различие формул вступления на престол на обверсе и реверсе царского списка обуславливалось не столько смыслом, сколько длиной строки. Что же касается констатации смерти, то употребление в тексте глагола *šagāšu* зависело не от самого факта убийства правителя как такового; он использовался только в тех случаях, когда царь был убит в результате некоего инцидента в ходе военной экспедиции за пределами своих владений. Также было показано, что слово *aplu*, выражаемое через знак А и чаще всего переводимое в «классических» текстах как «сын», в селевкидское время приобретает более общее значение – «наследник», который при этом не обязательно был сыном: чаще всего это слово употребляется применительно к представителям династии. Так следует переводить этот знак и в Вавилонском царском списке эллинистического времени. В целом исследуемый документ дает возможность прояснить многие вопросы хронологии и датировки правления Селевкидов, что не всегда позволяет сделать «классическая» нарративная традиция.

Доклад И. А. Зайцева (ИСАА МГУ) «К вопросу о классификации бирманских каменных надписей» был построен на анализе источников, принадлежащих к нескольким текстуально-смысловым группам. Это дарственные надписи; инвентарные списки; надписи, отражающие восхваление правителя; сведения о демаркации земель; надписи, свидетельствующие о купле-продаже движимого и недвижимого имущества; декларации прав на участок земли. Рассмотренные источники расположены в районах современных городов Тэда У, Ньяун У и деревни Миннанту. Классификация документов проводилась по двум главным критериям: предполагаемое время составления и информационно-содержательный признак. Автор доклада предложил расширить уже



существующую классификацию источников по информационно-содержательному признаку и добавить еще одну категорию документов: компилятивные надписи. По предположению исследователя, целью создания таких документов являлась демонстрация провенанса владения той или иной землей и механическое соединение различных документов в рамках одного архива.

С. А. Полхов (ИВ РАН), представивший доклад «Судебные тяжбы в княжестве Такэда (по материалам “Коёгункан”)», исследовал источник, причисляемый с оговорками к жанру *гунки моногатари* («военных повестей»), сформировавшемуся к началу XVII в. Как отметил ученый, эти материалы серьезно дополняют сведения документов дома Такэда, в которых содержится мало информации, касающейся княжеского правосудия в период Сэнгоку («воюющих княжеств»). Данные «Коёгункан» могут быть использованы не только для исследования судебной системы в уделе Такэда, но и для воссоздания представлений самураев о справедливом суде и законе в период Сэнгоку. Докладчик подчеркнул, что в «Коёгункан» в основном рассказывается о суде даймё и мало говорится о судебных прерогативах местных землевладельцев. Тяжбы из-за умаления чести, описываемые в «Коёгункан», не отражены в документальных источниках дома Такэда. Однако есть основания полагать, что подобные судебные разбирательства в уделе Такэда действительно происходили.

А. В. Привезенцев (независимый исследователь) в докладе «Разведка в письменных памятниках Древнего Востока» на основе анализа таких письменных источников, как «Артхашастра» Каутильи, «Трактат о военном искусстве» Сунь-цзы и «Шесть секретных учений» Тай-гуна, сделал попытку обобщить исторический опыт деятельности древних государств по организации разведки, который, по мнению автора, должен учитываться при государственном и военном строительстве в современную эпоху. Как показал исследователь, в государствах Древнего Востока существовала стройная система разведывательной деятельности, пронизывавшая все структуры древнего общества, что позволяло главе государства иметь оперативную информацию обо всем, что происходило в стране и за ее пределами. Авторская классификация категорий тайных агентов показывает, что последние активно воздействовали на положение дел в неприятельской стране: организовывали заговоры, убийства, провокации, диверсии, восстания; распространяли ложные слухи; устраивали вражеские коалиции; разжигали рознь между различными группировками знати. Для добывания разведывательных сведений подбирались специально подготовленные лица. Докладчик подчеркнул, что в государствах Древнего Востока принципы руководства агентами были детально разработаны и применялись на практике, а к организатору разведки предъявлялись особые требования.



В сообщении *О. А. Казакевич* (НИВЦ МГУ; ИЯ РАН; ИЛ РГГУ) «Предчувствие любви и смерти в традиционных личных песнях западных эвенков» речь шла о малоизвестном жанре устного народного творчества одного из народов Северной Сибири. Исследовательница рассказала об истории первых публикаций и аудиофиксации эвенкийских песен, начало которым было положено в XX в. С тех пор был издан ряд монографий, посвященных эвенкийской песне, как традиционной, так и современной, однако текстов традиционных эвенкийских песен опубликовано не так уж много. Регулярно издаваемые с 1930-х гг. сборники отражают по преимуществу «новую волну» – песни, созданные под влиянием отчасти русской, отчасти мировой традиции поп-музыки. Две песни, о которых шла речь в докладе, записанные в 1999 г. в с. Туруханск от Марии Фёдоровны Безруких (Курматовой), представляют собой редкое исключение. По жанру это традиционные личные песни, но не самой исполнительницы, а ее старших родственников. Первая – песня юной девушки, мечтающей о встрече с неведомым пока избранником, вторая – песня старика, предчувствующего скорую кончину. Докладчица проанализировала тексты этих песен, сопоставив их с песнями соседних сибирских народов, и рассказала о личности самой исполнительницы.

Тему песенного фольклора продолжил доклад «Рапануйский песенный метр: опыт описания» *Е. В. Коровиной* (ИЯ РАН). Она отметила, что в целом полинезийские песенные метры документированы достаточно хорошо, прежде всего – маорийский метр. Для других полинезийских традиций подобный анализ был проделан А. В. Козьминым, показавшим, что в прочих традициях песенные метры сильно отличаются по степени «расшатанности» от наиболее строгого маорийского или тонганского до значительно менее упорядоченного рапануйского. В ходе дальнейших исследований было установлено, что степень упорядоченности рапануйского метра весьма различается в зависимости от жанра, также существенно различается и средняя длина строки. Автор доклада предполагает, что в ряде случаев деление на строки при публикации было сделано до некоторой степени произвольно, о чем свидетельствует сравнение текстов песен с их нотной записью. В докладе был предложен анализ подобных случаев, сделана попытка формализации описания рапануйской песенной традиции и описания соотношения музыки и текста с точки зрения лингвистического стиховедения.

Доклад *Ф. Машади Рафи* (ННГУ им. Лобачевского) «Хлебниковское обращение к терминам и понятиям зороастрийского учения в стихотворении "Видите, персы, вот я иду..."» продолжил цикл работ иранской исследовательницы, посвященных русско-персидским литературным связям. В нем рассказывалось об увлечении Велимира Хлебникова древнеиранским пророком и реформатором Заратуштрой, которого поэт считал своим духовным пра-двойником. Особый подход Заратуштры



к судьбе человечества и миру, выражающий «уверенность в возможности осуществления вековой мечты человечества о приходе Эры разделения Добра от Зла и об окончательной победе Добра», во многом перекликался с главной мечтой всей жизни Хлебникова – «мечтой о будущем человека, о бесклассовом обществе без порабощения человека человеком, о мире всеобщего равенства и свободы». Именно это ощущение, по мнению докладчицы, и стало основным стимулом для создания стихотворения «Видите, персы, вот я иду...» (1920), одного из так называемых «иранских» стихотворений Хлебникова. Данное стихотворение можно рассматривать как краткое содержание изречений Заратуштры, так называемых гат, так как оно содержит основные темы всех пяти гат: гата Ахунавайрйа, гата Уштаваити, гата Спента Маинью, гата Вохушатра, гата Вахиштоишти. Использование в нем терминов и понятий зороастрийского учения, с одной стороны, показывает конкретным адресатам, которыми – как явствует из названия стихотворения – являются персы (иранцы), свое глубокое понимание учения Заратуштры, а с другой – служит для Хлебникова средством выражения собственных мыслей о революции.

Д. В. Микульский (ИВ РАН) в докладе «Легенды в “Кашф ал-гумма ал-джами’ ли-ахбар ал-’умма”» проанализировал сочинение оманского ученого XVIII в. Сархана б. Са’ида Ибн Сархана Амбу’али, содержащее сведения по истории мусульманской общины Омана той эпохи. Помимо этого, автор «Кашф ал-гумма ал-джами’ ли-ахбар ал-’умма» (в переводе – «[Книга], рассеивающая печаль»), сторонник ибадизма (одного из направлений хариджизма), дал интересную интерпретацию всемирной истории, а также истории мусульманской общины с начала ее зарождения и истории хариджитских группировок, действовавших в различных частях арабо-мусульманского мира. Ярким элементом повествования здесь являются три легенды. Все они, по мнению автора исследования, носят этиологический характер. Первая из них объясняет появление идолопоклонства и, скорее всего, имеет сугубо книжное происхождение. Вторая легенда повествует о заселении Омана арабами и судьбе первых арабских правителей этой страны, а третья, также относящаяся к ранней истории Омана, повествует о появлении в Омани последователей ислама (в этой легенде, так же как и в первой, присутствует элемент сверхъестественного). По мнению докладчика, вторая и третья легенды, отмечающие ключевые пункты истории Омана, восходят, скорее всего, к оманскому фольклору, что свидетельствует об органической связи памятника как с книжной, так и с устной традициями.

Исследование И. Р. Саитбатталова и Ю. А. Саитбатталовой (БашГУ, Уфа) «Толкования к одной седьмой части Корана работы башкирских богословов 1-й половины XIX в.» посвящалось нескольким сочинениям, изданным в Казани между 1859 и 1885 гг. и озаглавленным «Китаб-и



шараф ма'аб Хафтийак тафсири турки тилинда» – «Книга подражания благородному – толкование к одной седьмой части Корана на тюркском языке». В современных каталогах и библиографических указателях они зачастую фигурируют под сокращенным названием «Хафтийак тафсири» («Толкование к одной седьмой части Корана»). Анализ изданий «Книги» показал, что наиболее ранним по времени написания является издание 1859 г., завершенное Бахади́ршахом ибн Суйаргулом ал-Гайнави ал-Каджмакти в 1805 г. В 1861 г. было впервые издано толкование, принадлежащее перу Абу-н-Насра Абд ан-Насира ал-Курсави (1776–1812). Третье издание (1885) вышло из-под пера суфийского поэта и историографа Тадж ад-Дина ибн Йалчигула (1867–1837) и было завершено около 1829 г. Эти *тафсиры* представляют собой «толкования на основе предания», однако различаются на всех уровнях. По мнению авторов доклада, первый и третий из названных текстов обладают большими литературными достоинствами и заслуживают более пристального исследовательского внимания.

М. М. Сахокия (Ин-т востоковедения Тб.ГУ, Грузия) в докладе «Иранское риторическое наследие: Ахемениды и "Шахнаме"» поделилась опытом работы над литературным переводом древнеперсидских ахеменидских надписей на грузинский язык, который показал определенную степень сходства их риторической традиции и средневекового персидского эпоса – поэмы Фирдоуси. Она отметила художественно-идеологическую общность двух различных и отдаленных во времени эпох, сходную систему риторических признаков, знаковых единиц; схожие парадигмы, образующие вертикальные ряды формул или системно повторяющихся семантических групп. Наличие семантических и лексических параллелей между ахеменидскими и сасанидскими надписями свидетельствует о культурно-идеологической общности трех эпохальных звеньев, риторически отображенной в соответствующих текстах, и позволяет говорить о преемственности риторической традиции в плане диахронии, передающей культурные и духовные ценности от эпохи к эпохе (даже при наличии определенного временного разрыва).

А. Кейдан (Ун-т Сапиенца, Италия), представивший доклад «Устная передача или рукописная традиция? Текстология грамматики Панини», отметил в нем актуальность, полноту и чистоту формального подхода, присущую Панини (ок. 400 до н. э.), но подчеркнул, что текстология самого «Восьмикнижья» (как переводится название *Aṣṭādhyāyī*) еще ждет своего исследователя. Широко распространено мнение о том, что статус этого текста, сравнимый со статусом Вед, позволил пронести его сквозь века фактически без изменений, причем в исключительно устной передаче (и даже, по мнению некоторых ученых, благодаря таковой). Доклад был посвящен обоснованию правомерности текстологического исследования грамматики Панини. Исходная предпосылка заключается в том,



что текст такого уровня сложности был написан неестественным языком (так, некоторые металингвистические символы состоят из цепочек сегментов алфавита, которые не только противоречат принципам санскритских сандхи, но зачастую являются фактически произносимыми уже с артикуляторной точки зрения). Исследователь привел примеры известных интерполяций, а также наиболее убедительные из гипотез о постепенном формировании текста грамматики.

Д. М. Тимохин (ИВ РАН), выступивший с сообщением «Сочинение Киракоса Гандзакеци “История” как предмет историографической дискуссии: происхождение и современное состояние», рассказал о проблеме языка написания оригинала отдельных памятников по истории Южного Кавказа в Средние века, а также этнического происхождения их авторов. Речь шла, в частности, о трудах Моисея Каланкатуйского, Мхитара Гоша, Киракоса Гандзакеци и др. Узловыми моментами оказалось этническое происхождение автора, а также язык первоначального текста источника – армянский или албанский. Именно вокруг двух этих ключевых моментов выстраивается стратегия полемики между современными историческими школами Армении и Азербайджана. Автор доклада отметил, что упомянутые исторические источники – лишь небольшая составляющая более значимой исторической дискуссии: присутствовал ли албанский этнос, религия и государственность на Южном Кавказе в Средние века или же он был полностью арменизирован, а то и вовсе перестал существовать. Отмечая важность понимания сути этой полемики для отечественных кавказоведов, вынужденных вольно или невольно принимать ту или иную сторону в данном вопросе, исследователь на примере сочинения Киракоса Гандзакеци постарался обозначить некоторые «болевые точки» данной дискуссии, максимально объективно рассмотреть доводы обеих сторон и выделить некоторые сложные вопросы, на которые, на его взгляд, до сих пор не дано вразумительного ответа.

Доклад *М. В. Торопыгиной* (ИВ РАН) «Средневековый японский гомункул в рассказе “О том, как Сайгё сделал человека в горах Коя”» был посвящен одному из произведений в составе сборника, создание которого долгое время приписывалось знаменитому поэту, буддийскому монаху Сайгё (1118–1190). Как отмечает исследовательница, эта гипотеза сейчас отвергнута, составитель остается неизвестным, временем создания произведения считается вторая половина XIII – первая половина XIV в. Сайгё превратился в легендарного героя почти сразу после смерти, и уже в середине XIII в. появилось произведение под названием “Сайгё моногатари эмаки”, объединившее основные легенды о нем. Автор доклада обратился к рассказу о том, как Сайгё удалось сделать существо, похожее на человека. В нем рассматривается ряд вопросов: почему возникает желание создать человека; наличие души



как признак человека; что делать с получившимся неудачным существом, у которого нет души, но облик человеческий, можно ли его просто разломать, или это равносильно убийству; овладение секретами магии; отказ героя от дальнейших попыток создать человека; сон как пространство общения с потусторонними силами.

Е. В. Тюлина (ИВ РАН) сообщение «Дхарма и Царь дхармы (Яма) в древнем и средневековом вариантах "Сказания о Савитри"» посвятила сочинению, не имеющему прямого отношения к основному повествованию «Махабхараты» и вставленного в него по типу так называемых обрамленных повестей. В «Матсья-пуране», средневековом эпическом памятнике, среди других пересказов древних эпосов «Махабхараты» и «Рамаяны» есть и пересказ «Сказания о Савитри», что дает возможность сравнить оба варианта и проследить динамику развития текста. Как показала докладчица, центральное место в обоих вариантах занимает диалог героини сказания Савитри и царя мертвых Ямы – своего рода словесный поединок, в котором победителем остается Савитри. Яма считался царем над царями и высшим знатоком дхармы (одним из его имен было Царь дхармы). Не случайно дхарме посвящен их диалог, и именно знанием дхармы Савитри побеждает царя мертвых. По наблюдению исследовательницы, древний и средневековый варианты сказания основаны на совершенно непохожих представлениях о дхарме. Кроме того, Савитри одолевает Яму с помощью своего красноречия, при этом каждый вариант сказания демонстрирует собственное представление о слове, его сакральной силе. Это проявляется и в изобразительных средствах исследуемых текстов, в эпитетах и описаниях героев.

Взглядам одного из виднейших иранских мыслителей XX в. был посвящен доклад Ю. Е. Фёдоровой (ИФ РАН) «Соотношение веры и знания: философский анализ Муртазы Мутаххари (1920–1979)». Этот мыслитель, крупный идеолог и сподвижник лидера исламской революции 1978–1979 гг. аятоллы Хомейни, руководствовался принципом главенствующей роли религии в иранском обществе и рассматривал ислам как религию, опорой которой служит разум. Основное внимание в докладе было сосредоточено на анализе проблемы веры (*иман*) и знания (*илм*), предложенном Мутаххари. Вера и знание у него не противопоставлены дихотомически, но представляют собой два взаимодополняющих понятия и осмысливаются как соотношение категорий «внешнее – внутреннее» (*даруни – бируни*). Мутаххари полагал, что утверждение единства веры и знания может быть достигнуто в рамках так называемого монотеистического мировоззрения (*джаханбини-и тавхиди*). Знание трактовалось им как необходимое условие религиозной веры (*иман-и мазхаби*), понимаемой как важнейшее «конституирующее» начало в человеке, иранском обществе и исламском государстве. Обращаясь к проблематике веры и знания, получившей развитие в раз-



работанной им концепции монотеистического мировоззрения, Мутаххари преследовал важную цель – обосновать принцип *тавхид*, утвердить единство и единственность Бога и тем самым заложить основы идеологии исламской республики.

М. В. Фролова (ИСАА МГУ) в докладе «Яванские реалии XVII в. в “Роро Мендут” Аипа Росиди» рассмотрела проблему трансформации образов и мотивов популярного фольклорного текста о любви Роро Мендут и Проночитро в литературной обработке индонезийского писателя середины XX в. Как отметила исследовательница, первая письменная фиксация этого яванского фольклорного текста датируется 1820 г. и представлена печатными изданиями 1873 и 1888 гг., а также сценарием для театра *ваянг оранг* (1898). В 1920 г. «Роро Мендут» публикуется издательством «Балэй Пустака», в 1930-х гг. переводится на нидерландский и индонезийский языки. На основе устного предания и опубликованных текстов в 1960 г. сунданец Аип Росиди создает свой авторский перевод-переложение. Роман снабжен глоссарием, так как его лексика частично стилизована под яванскую старину, при этом текст доступен пониманию современного читателя. Аип Росиди сохраняет многие реалии времени действия, эпохи правления Султана Агунга, репрезентативной для понимания синкретической яванской культуры, уже познавшей ислам, но сохранившей доисламский уклад жизни и обычаи. Красочные сцены петушиных боев, азартных игр, шумных попок и пиров, придворных танцев, описания традиционной одежды, представлений оркестра *гамелан* и театра теней *ваянг*, воссоздают в слове неповторимую атмосферу яванского мира XVII в.

В сообщении А. Г. Хайрутдинова (Ин-т истории им. Ш. Марджани АН Республики Татарстан) «Проект независимого перевода образов Корана на русский язык и его особенности» речь шла об инициативе, начало которой было положено в 2009 г. под руководством А. Р. Бахтиярова. «Независимый перевод образов» подразумевал методологический подход, согласно которому образы Корана раскрываются посредством самого Корана. Он потребовал критического осмысления существующих переводов и *тафсиров*, что, по мнению участников проекта, повысило объективность перевода. Помимо прочего, данный методологический подход реализован в особой форме представления материала. На левой стороне каждого альбомного разворота расположена таблица, содержащая: 1) арабский текст Корана; 2) транслитерацию арабских слов кириллицей, 3) дословный перевод (подстрочник) каждого слова. На правой стороне разворота располагается наиболее близкий к смысловому содержанию оригинала перевод образов соответствующего коранического фрагмента. В 2013 г. была издана первая часть перевода, включающая первые 19 сур Корана, что составляет около половины от его общего объема [1]. В 2017 г. в Интернете была размещена последняя редакция



перевода 2013 г. [2] В настоящее время работа над переводом образов Корана близится к завершению.

Н. А. Чеснокова (РГГУ, НИУ ВШЭ), выступившая с докладом «"Пэктусанский большой ствол" (*Пэкту тэган*) в корейских историко-географических сочинениях XVII–XVIII вв.» [3], посвятила его изучению идеи единства гор Корейского полуострова, впервые появившейся в указанный период. Суть ее заключалась в том, что все горные гряды Корейского полуострова представляли связанными с горой Пэктусан – самой большой из всех гор полуострова. Идея *Пэкту тэган* впервые получила отражение в произведении «Описание избранных деревень» (*Тхэнниджи*, 1751 г.) опального ученого Ли Джунхвана (1690–1756?) и вскоре приобрела популярность и была «доработана» в труде «Описание гор» (*Сангёнпхё*), приписываемом придворному географу Син Гёнджу (1712–1781). Как отметила автор доклада, идея о единстве гор повлияла на восприятие всего полуострова как единого организма. В начале XX в., перед японской колонизацией, она была развенчана японскими географами; но корейцы так и не отказались от нее, и вплоть до настоящего времени *Пэкту тэган* является одним из символов объединенной Кореи. В докладе были рассмотрены как сама концепция и ее доказательная база, так и вопрос о роли *Пэкту тэган* в формировании нового культурного пространства в Дальневосточном регионе в XVII–XVIII вв. в условиях подъема корейского самосознания и отказа от навязываемой извне культуры цинского Китая. Источниками для написания статьи послужили географические труды XVII–XVIII вв., корейские королевские летописи, а также корейские географические карты.

М. Симидчиева (Йоркский ун-т, Торонто, Канада) в докладе «Зороастрийская мифология и иранский модернизм в "Слепой сове" Садега Хедаята» рассмотрела элементы зороастрийского мировидения в творчестве иранского писателя Садека (Садега) Хедаята (1903–1951) и их литературную трансформацию в его модернистском романе «Слепая сова» (опубл. в 1936/37 г.). Исследовательница отметила присущую этому роману двойственность мира, с его протагонистами и множеством их «двойников» или «духов семьи», в ее соотношении с традиционным дуализмом иранского мифологического мировоззрения, и высказала предположение о значимости таких заимствований для Хедаята.

В докладе «"Известия о Китае и об Индии" и не только: Малайско-Индонезийский регион в арабском источнике IX–X вв.» А. А. Янковская (МАЭ РАН) проанализировала один из ранних арабских текстов, упоминающих острова Малайского архипелага и Малаккский полуостров. Это сочинение, состоящее из двух частей – анонимного текста, датированного серединой IX в., и текста X в. автора Абу Зейда ас-Сирафи, – содержит разнообразные сведения о восточных берегах Индийского океана. Среди них – не только свидетельства об Индии и Китае, но и описания портов



и островов, расположенных вдоль морских путей через Юго-Восточную Азию. Наряду с китайскими династийными хрониками книга входит в число наиболее ранних источников по истории и исторической географии Малайско-Индонезийского региона, причем обе части сочинения содержат сведения о западной части малайского мира – Суматре, Яве и Малаккском полуострове. В первой части описаны маршруты ближневосточных кораблей через Бенгальский залив, Малаккский и, возможно, Зондский проливы, тогда как в тексте Абу Зейда рассказывается о походе Шайлендров на Камбоджу, вероятно, восходящем к концу VIII в. В докладе были рассмотрены эти свидетельства, а также упоминаемые в них топонимы, применявшиеся средневековыми арабскими географами и путешественниками к островам Малайского архипелага и побережью Малаккского полуострова.

С. А. Качан (независимый исследователь), выступивший с докладом «Образ Антиноя: синтез греко-римских и египетских религиозных представлений», рассказал о культе, установленном в Египте (в основном в Фиваиде) в середине II в. по приказу императора Адриана в честь его фаворита – Антиноя. Теология и образ «нового» бога были зафиксированы в иероглифических текстах обелиска Барберини. На основе изучения данного памятника докладчик показал, какие черты образа Осириса-Антиноя позволяли сопоставить его с императором, какие возможные эллинистические влияния оказали воздействие на теологию «нового» бога. Исследователь предложил также новое прочтение некоторых частей текста обелиска Барберини.

Доклад «Существовала ли “исфаганская школа”?» представил Я. Эшотс (Ин-т исмаилитских исследований, Великобритания). Он отметил, что этот термин введен в научный оборот в 1950-х гг. Анри Корбеном, подразумевавшим под ним философско-гностическое движение, опекаемое Шахом Аббасом I и процветавшее в эпоху его правления (1588–1629). По мнению Корбена, ключевые фигуры этой школы – Мир Дамад (ум. в 1631 г. или 1632 г.) и Мулла Садра (ум. в 1640 г.) – оказали решающее влияние на последующее интеллектуальное развитие Ирана. Бытовало мнение, что Мулла Садра был самым выдающимся учеником Мира Дамада, учение которого он развил и усовершенствовал. Однако на самом деле Садра отверг все ключевые положения учения Дамада, в частности учение о метавременном создании (*ал-худус ад-дахри*) и положение о сотворенности «чтойности» (*мадж’улийят ал-махийа*). В свою очередь, ключевые элементы доктрины Садры (учение о субстанциальном движении и положение об аналогичной градации бытия) были недвусмысленно отвергнуты Дамадом. Таким образом, подчеркнул исследователь, Садра, бывший некогда учеником Дамада, не входил в его ближний круг: учитель и ученик не разделяли ключевые философские убеждения друг друга.



Секция «Образ Йусуфа (Иосифа Прекрасного) в литературах и искусстве Востока»

Об одном из самых малоизученных и загадочных экспонатов Санкт-Петербургского Музея-квартиры Л. Н. Гумилёва рассказали ее сотрудник *А. В. Бондарев* и *Н. И. Пригарина* (ИВ РАН). Речь идет о так называемой «Персидской миниатюре», впервые упоминаемой в одном из писем А. А. Ахматовой сыну: «Мне подарили персидскую миниатюру XVI века невообразимой красоты. Вокруг нее стихотворная надпись, кажется, позднейшая. Призванный для этого специалист прочел и перевел ее». Как бы случайно брошенные А. Ахматовой слова о миниатюре были на самом деле глубоко продуманным символическим жестом: дата написания письма – 3 апреля 1956 г., сообщение о персидской миниатюре иносказательно говорило сыну о семидесятилетней годовщине со дня рождения отца, Н. С. Гумилёва. Напрямую сыну, отбывающему наказание в системе ГУЛАГа, об этом писать было невозможно: любое упоминание имени Николая Гумилёва, расстрелянного по обвинению в контрреволюционном заговоре против советской власти, имело бы самые негативные последствия и для опальной А. Ахматовой, и для Л. Гумилёва, осужденного на лагерный срок «за принадлежность к антисоветской группе, террористические намерения и антисоветскую агитацию».

После освобождения в мае 1956 г. и возвращения Л. Гумилёва из лагеря Ахматова подарила ему эту миниатюру. В надписях, обрамляющих композицию, содержатся 24 поэтических фрагмента. В них наиболее часто встречаются строки из главы 7 поэмы Джамии «Йусуф и Зулайха». Последовательное прочтение 24 фрагментов дает связный текст, вступающий во взаимодействие с сюжетом миниатюры – это рассказ о любви, исполненной страданий. Опора на текст Джамии позволяет предположить, что в композиции миниатюры отражена коллизия объяснения Зулайхи в любви к Йусуфу.

Докладчики сообщили и другие подробности, касающиеся дара А. А. Ахматовой. По имеющимся сведениям, для перевода текста был «призван» А. Н. Болдырев. Возникает гипотетическая связь дарения миниатюры А. Ахматовой Л. Гумилёву с ее знакомством с содержанием стихотворного обрамления. Письмо Ахматовой с рассказом о миниатюре уже дышит тайной материнской любви к своему сыну, обреченному на тяжелые испытания в лагере, и напоминанием об отце, имя которого было под запретом. Можно высказать предположение, что подарок сыну несет объяснение в любви и описание страданий матери, душа которой «дошла до крайности» в своей печали, а «речам не осталось места».

Ф. Абдуллаева-Мелвилл (Кембриджский ун-т, Великобритания) говорила об интерпретации современными художниками тем и мотивов,



популярных в классической персидской литературе. Основное внимание она сосредоточила на сюжетах (как литературных, так и изобразительных), связанных с различными версиями коранической легенды о Йусуфе (Иосифе) и Зулайхе (жене Потифара), наряду с их доисламскими иранскими эквивалентами – такими как Сиявуш и Судаба в «Шахнаме» Фирдоуси; эллинистическая Федра; библейская жена Потифара и некоторые другие. Среди упомянутых ею художников были Фарах Оссули, Сиамак Филизаде и Хамид Хемаятян.

Тему продолжил доклад Ч. Мелвилла (Кембриджский ун-т, Великобритания) «Йусуф и Зулайха: “бродячие” образы», в котором были рассмотрены миниатюры, изображающие один сюжет из предания о Йусуфе и Зулайхе в различных рукописях XV–XVI вв. Они иллюстрируют эпизод, когда брошенный братьями в колодец Йусуф был обнаружен купцами из проходившего мимо каравана, которые опустили в колодец ведро и достали оттуда мальчика. Как правило, иллюстрации отражают либо сцену пребывания Йусуфа в колодце, когда его охраняет Джабраил, либо момент, когда он появляется из колодца с огненным ореолом над головой. Обычно они связаны с текстом, и их число примерно одинаково. Сходный мотив из истории Бижана и Маниже можно обнаружить в иллюстрациях к «Шахнаме». Однако иконография Бижана в колодце отличается от иконографии Йусуфа, равно как и соотношение иллюстраций: как правило, изображается его нахождение в колодце, а его появление из колодца – гораздо реже. Как отметил докладчик, дальнейшее исследование должно показать хронологические и иконографические связи между этими иллюстрациями, а также зависимость изображения от вербального контекста разных произведений, таких как «Истории пророков», а также хроники Хафиза Аbru, Мирхонда и Хондемира (XV – начало XVI в.).

Н. Ю. Чалисова (ИВКА НИУ ВШЭ), представившая доклад «“Пропавший Йусуф”: о формуле *yūsuf-i gumgašta* в персидской газели», отметила, что история Йусуфа, изложенная в Коране и дополненная в *тафсирах* и рассказах о пророках, принадлежит к числу продуктивных коранических ресурсов персидской поэзии. В больших поэмах главным был смысл этой истории в целом, а ее сюжет в процессе нарративизации постепенно усложнялся и обрастал деталями; в лирике, особенно в газели, по мере поэтизации отдельных элементов сюжета формировался «йусуфовский» кластер конвенционального языка. Такие выражения, как «рубашка Йусуфа», «колодец Йусуфа», «аромат Йусуфа», «глаза Йа‘куба» и т. д., по мере накопления контекстов употребления на протяжении веков семантически обогащались и трансформировались. Как отметила автор доклада, исследование характера семантических дериваций и смыслового наполнения подобных формул – одна из задач герменевтики персидской газели. Обратившись к выражению *yūsuf-i gumgašta* («пропавший



Йусуф»), она отметила, что его ввел в поэтический обиход Амир Хусрав Дихлави (1253–1325), а в газелях Хаджу-йи Кирмани (1280–1352) оно употребляется многократно и приобретает завершенность поэтической формулы, обозначающей «сгусток смысла». Шамс ад-Дин Мухаммад Хафиз (1325–1389), состоявший с Хаджу в поэтической переписке, использовал эту формулу Хаджу в знаменитой газели «Пропавший Йусуф вернется в Кан'ан, не печалься...». Этот бейт, вошедший в поговорку, которой утешают всех разлученных с любимыми, вызвал множество разноречивых комментариев из-за расхождения с коранической историей, в которой Йусуф не возвращается на родину. В завершение доклада исследовательница предложила свой вариант возможной трактовки данного бейта в интертексте газелей Хаджу.

В докладе *Л. Г. Лахути* (ИВ РАН) «Рассказы о Йусуфе в поэмах-маснави 'Аттара» было показано, как в суфийских поэмах-маснави Фарид ад-Дина 'Аттара (XII–XIII вв.) использованы возможности, которыми наделила персидскую поэзию история прекрасного и праведного Йусуфа. Ею рассматриваются метафоры, сравнения и аллюзии, намекающие на некоторые узловые элементы рассказов о Йусуфе, контексты, в которые они встроены, и то, как они используются персонажами поэм 'Аттара в качестве аргумента для оправдания собственной позиции или опровержения позиции собеседника. Также докладчица проследила, как сюжеты, связанные с Йусуфом, в том числе заимствованные из «Историй пророков» (встреча Йусуфа и Йа'куба, встреча Йусуфа с братьями, развитие коранического рассказа о Йусуфе и Зулайхе и др.), служат для 'Аттара средством выражения идей, которым посвящены соответствующие главы его поэм.

О превращении библейской и коранической истории Иосифа (Йусуфа) в «вечный сюжет» говорилось в докладе *М. Л. Рейснер* (ИСАА МГУ) «История Йусуфа: как складывался романический нарратив». Она отметила, что эта история прошла несколько этапов. В изначальной версии предания были заложены богатые возможности для литературных переработок, построения увлекательного сюжета. В иудейской традиции поначалу основным источником расширения повествовательного горизонта выступали комментарии Агады, популярного толкования нарративных частей Библии. Именно в ее рамках в рассказе об Иосифе появляются признаки логически выстроенного повествования, а история начинает обростать элементами чудесного, ставшими в последующих версиях постоянным атрибутом изложения. В Коран, таким образом, вошло известное сказание, прошедшее первую стадию литературной обработки. Следующая ступень беллетризации уже в мусульманской экзегетике, в частности в популярных сочинениях, объединенных общим названием «Истории пророков», продолжила стратегию первого этапа. Развитие нарративной техники проявилось



не только во включении в рассказ разъяснений логики событий и поведения персонажей, но и в добавлении новых эпизодов, повествующих о чудесах, а также в появлении чисто романических персонажей (например, няньки – наперсницы главной героини), введении диалогов. На этом фундаменте и слагаются поэмы, развивающие как перечисленные, так и иные способы построения романического нарратива, подчеркнула исследовательница.

Заключение

В завершение этого обзора следует упомянуть о сложившейся в последние два года практике публикации материалов конференций и семинаров, организуемых Отделом памятников письменности народов Востока Института востоковедения РАН, издательским отделом института. К моменту открытия конференции 2018 г. вышли из печати тезисы докладов ее участников [2], а также очередной тематический выпуск «Трудов Института востоковедения РАН» – «Письменные памятники Востока: проблемы перевода и интерпретации. Том II» [3], где были опубликованы избранные доклады из числа прочитанных на конференциях и семинарах 2017–2018 гг.



Рис. 2. Заключительное заседание конференции. Фото М. Д. Симидчиева

Fig. 2. The last session of the conference. Photo by Marta Simidchieva



Литература

1. Бахтияров А. Р. (ред.) *Коран. Перевод образов с арабского языка с подстрочником и транслитерацией*. Т. 1. М.: Вече; 2013. 1060 с.
2. Горяева Л. В., Настич В. Н. (сост.) *VIII Международная проблемно-методологическая конференция «Письменные памятники востока: проблемы перевода и интерпретации»*. (К 200-летию Института востоковедения РАН). 31 октября – 2 ноября 2018 г. М.: ИВ РАН; 2018. 54 с.
3. Горяева Л. В., Настич В. Н. (ред.) *Труды Института востоковедения РАН*. Вып. 2: Письменные памятники Востока: Проблемы перевода и интерпретации. Избранные доклады. М.: ИВ РАН; 2017. 336 с.

References

1. Bakhtiyarov A. R. (ed.) *The Holy Qur'an Translation of ideas. Translated from Arabic with interlinear translation, transliteration and commentaries*. Vol. 1. Moscow: Veche; 2013. (In Russ.)
2. Goriaeva L. V., Nastich V. N. (eds) *8th International Meeting "The Written Heritage of the East: their translations and interpretations. Papers presented on occasion of the 200th Anniversary of the Institute of Oriental Studies of the Russian Academy 31 October – 2 November 2018*. Moscow Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences; 2018. (In Russ.)
3. Goriaeva L. V., Nastich V. N. (eds) *Institute of Oriental Studies. Collection of Papers*. Issue 2: The Written Heritage of the East: their translations and interpretations. Selected papers. Moscow: Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences; 2017. (In Russ.)

Информация об авторах

Горяева Любовь Витальевна, кандидат филологических наук, ведущий научный сотрудник Отдела памятников письменности народов Востока, Институт востоковедения РАН, г. Москва, Российская Федерация.

Пригарина Наталья Ильинична, доктор филологических наук, главный научный сотрудник Отдела памятников письменности народов Востока, Институт востоковедения РАН, г. Москва, Российская Федерация.

Раскрытие информации о конфликте интересов

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Information about the authors

Liubov V. Goriaeva, Ph. D (Philol.), Leading Research Fellow at the Department of Oriental Written Sources, Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russian Federation.

Natalia I. Prigarina, Ph. D habil. (Philol.), Professor, Head Research Fellow at the Department of Oriental Written Source, Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences, Advisor to the periodical *Orientalistica*, Moscow, Russian Federation.

Conflicts of Interest Disclosure

The authors declares that there is no conflict of interest.

Информация о статье

Поступила в редакцию: 3 декабря 2018 г.
Принята к публикации: 14 декабря 2018 г.

Article info

Received: December 3, 2018
Accepted: December 14, 2018



Микульский Д. В. Два века славы!
Ориенталистика. 2018;1(3-4):534–536

DOI 10.31696/2618-7043-2018-1-3-4-534-536
УДК 93/94

Краткое сообщение
Short Communication

Два века славы!

Д. В. Микульский

*Институт востоковедения РАН, г. Москва, Российская Федерация,
ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-3505-838X>, e-mail: dmitrimikulski@mail.ru*

Two glorious centuries!

Dmitriy V. Mikulskiy

*Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russian Federation,
ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-3505-838X>, e-mail: dmitrimikulski@mail.ru*

Кто, как не сами востоковеды лучше всего понимают значение востоковедения для России? Ведь сама по себе страна наша «восточная», хотя и имеющая сильную западноевропейскую прививку. Думается, что названное обстоятельство в значительной мере предопределило и размах, и интеллектуальную глубину недавних юбилейных торжеств, проходивших под сенью нашего Института. Полагаю, что глубина наших юбилейных торжеств измеряется качеством и количеством научных конференций, круглых столов и семинаров, которые проводились Институтом в эти дни.

Эти мероприятия со всей очевидностью подразделяются на два цикла – с одной стороны, традиционно востоковедные и, с другой стороны, такие, которые были посвящены социально-политическим проблемам современности. Мое сердце арабиста-источниковеда и культуролога склоняется, конечно, к научным мероприятиям первого цикла. Однако по собственному опыту полевой работы в Средней Азии и в Арабском мире я знаю, насколько тесно *традиционное* и *современное* сплетены на Востоке (в гораздо большей степени, чем у нас). Поэтому отраднo, что, насколько я могу себе представить, эта особенность Востока с высокой степенью полноты отразилась в научных мероприятиях традиционного востоковедного цикла.

Весьма ярким примером подобного синтетического подхода мне представляется конференция «Ислам в современном мире: вероучение и община» (это мероприятие мне дорого не только потому, что близко сфере моих собственных научных интересов, но и потому, что мне довелось обеспечивать на нем русско-арабский синхронный перевод). Так



вот, на научном совещании исламоведов был затронут широчайший круг тем – от состава российских арабографических книжных собраний до актуальных проблем современного исламского образования. Отраднo, что на конференции выступил ряд молодых, хорошо подготовленных и активных наших коллег из республик российского Кавказа и Поволжья, что свидетельствует о глубоком укоренении принципов востоковедной науки и в тех регионах нашей страны, где традиционно господствуют и ислам, и порожденная им культура.

Другим, не менее ярким примером такого синкретического подхода мне представляется XIII конференция арабистов ИВ РАН (на этом мероприятии мне довелось и выступить с докладом, и помочь донести до слушателей содержание докладов наших гостей, выступавших по-арабски). На этом собрании арабистов (и российских, и западных, и арабских) речь шла и о проблемах арабского источниковедения, и новой истории, и религиозной жизни, и этнорелигиозных групп, проживающих в арабских странах, и о научных подходах, присущих современной арабистике.

Актуальные проблемы современной культуры затрагивались и на моей родной конференции, рожденной в недрах Отдела памятников письменности народов Востока, которая в этом году называлась «VIII Международная проблемно-методологическая конференция “Письменные памятники Востока: проблемы перевода и интерпретации”». Здесь мне довелось выступить с докладом и вести одно из заседаний. В плане анализа недавнего прошлого нашей отечественной востоковедной науки мне представился особенно показательным



Рис. 1. Профессор Тураджда Атабаки. Фото С. В. Лахути
Fig. 1. Professor Touraj Atabaki. Photo by Sofiya V. Lahuti

доклад нашего коллеги (родом из Ирана), работающего в Нидерландах, профессора Тураджда Атабаки «От антикваризма к истории: вклад советских историков в историографию Востока». Автору доклада, прекрасно владеющему нашим востоковедным материалом, удалось показать, насколько новыми и небывалыми для своего времени оказались труды советских востоковедов, занимавшихся, на основе марксистской теории,



изучением экономической жизни и социально-классовой структуры средневековых обществ Ближнего и Среднего Востока. Осуществленные нашими учеными подходы и вскрытые ими закономерности стали основой становления исторической науки современного типа, по крайней мере, в Иране и в Турции.

Доклад профессора Атабаки лишней раз свидетельствует о мировом значении нашей востоковедной науки. Об этом же свидетельствует и то, что видные зарубежные востоковеды приняли участие и в других наших юбилейных научных мероприятиях.

Так что мы, ныне работающие на российской востоковедной ниве, должны быть достойны тех великих научных и личностных свершений, которые осуществили наши замечательные предшественники и в эпоху императорской России, и в советский период, чтобы слава нашего востоковедения не умолкала. Полагаю, что и размах, и научная глубина прошедших юбилейных торжеств немало этому способствовали.

Для цитирования: Микульский Д. В. Два века славы! *Ориенталистика*. 2018;1(3-4):534–536. DOI: 10.31696/2618-7043-2018-1-3-4-534-536.

For citation: Mikulskiy D. V. Two glorious centuries! *Orientalistica*. 2018;1(3-4):534–536. (In Russ.) DOI: 10.31696/2618-7043-2018-1-3-4-534-536.

Информация об авторе

Микульский Дмитрий Валентинович, доктор исторических наук, главный научный сотрудник Отдела памятников письменности народов Востока, Институт востоковедения РАН, г. Москва, Российская Федерация.

Information about the author

Dmitry V. Mikulskiy, Ph. D habil. (Hist.), Professor, Head Research Fellow at the Department of Oriental Written Sources, Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russian Federation.

Информация о статье

Поступила в редакцию: 8 декабря 2018 г.
Принята к публикации: 16 декабря 2018 г.

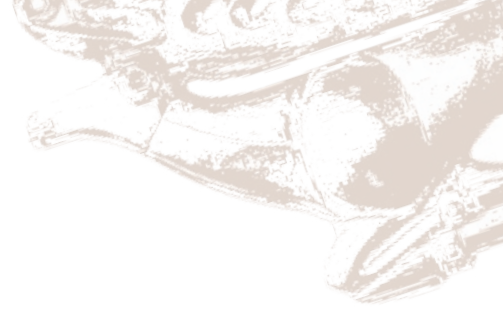
Article info

Received: December 8, 2018
Accepted: December 16, 2018

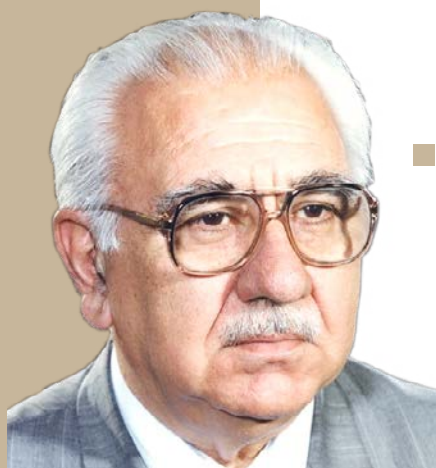
PERSONALIA IN MEMORIAM



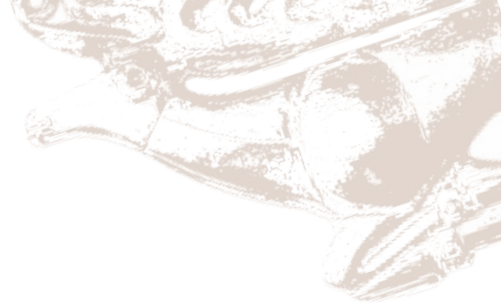
■ **The 200th Anniversary
of the Institute of Oriental Studies**



PERSONALIA IN MEMORIAM



■ К 200-летию Института
востоковедения РАН





Джемшид Гиунашвили: грузин из Тегерана*

Н. З. Мосаки^{1а}, Л. М. Раванди-Фадаи^{1, 2b**}

¹ Институт востоковедения РАН, г. Москва, Российская Федерация

² Российский государственный гуманитарный университет,
г. Москва, Российская Федерация

^а ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-8268-006X>, e-mail: nodarmossaki@gmail.com

^б ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-7964-6335>, e-mail: ravandifadai@yahoo.com

Резюме: статья посвящена выдающемуся грузинскому иранисту Дж. Ш. Гиунашвили, скончавшемуся в 2017 г. В кратком научно-биографическом очерке описан как его жизненный путь, так и его путь в науке, связанный с востоковедением в Грузии, в том числе в постсоветский период. Жизненный путь Дж. Гиунашвили в немалой степени определялся его происхождением: будучи грузином, он в то же время был иранцем, для которого персидский язык являлся родным. Это обстоятельство в некотором роде выделяло его даже в эпоху выдающихся советских иранистов XX в. Не случайно, помимо блестящей карьеры ученого-ираниста, впоследствии он стал первым послом Грузии в Иране.

Ключевые слова: востоковедение в России; Грузия; Джемшид Гиунашвили; Иран; иранистика; СССР

Для цитирования: Мосаки Н. З., Раванди-Фадаи Л. М. Джемшид Гиунашвили: грузин из Тегерана. *Ориенталистика*. 2018;1(3-4):539–552. DOI: 10.31696/2618-7043-2018-1-3-4-539-552.

Dzhemshid Giunashvili: Georgian from Tehran

Nodar Z. Mossaki^{1а}, Lana M. Ravandi-Fadai^{1, 2b***}

¹ Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russian Federation

² Russian State University for the Humanities, Moscow, Russian Federation

^а ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-8268-006X>, nodarmossaki@gmail.com

^б ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-7964-6335>, ravandifadai@yahoo.com

Abstract: the article deals with the biography and scholarly achievements of the outstanding Georgian scholar of Iran Dzhemshid Giunashvili (d. 2017). The authors have placed the life of Dzh. Giunashvili into the broad context of the Oriental Studies as scholarly subject in the former Soviet Union and the post-Soviet Georgia. Being a

* Настоящий текст представляет собой расширенный вариант некролога о Джемшиде Гиунашвили, напечатанного в журнале *Iranian Studies* [1] и публикуется с разрешения редакции этого журнала. В данной версии статья дополнена некоторыми новыми комментариями и более обширными библиографическими данными, необходимыми, на наш взгляд, для ознакомления русскоязычного читателя с научным наследием Дж. Гиунашвили.

** Авторы внесли равный вклад в эту работу.

*** These authors contributed equally to this work.



Georgian by birth Dzh. Giunashvili also belonged to the culture of Iran; Persian was his mother tongue. This fact contributed to the outstanding position, which he took even among the Great Soviet specialists and scholars of Iran in the 20th century. Later in life, Dzh. Giunashvili became the first Georgian Ambassador to Iran.

Keywords: Dzhemshid Giunashvili (1931–2017); Georgia; Iran; Iran, studies of; Russia, oriental studies; USSR

For citation: Mossaki N. Z., Ravandi-Fadai L. M. Dzhemshid Giunashvili: Georgian from Tehran. *Orientalistica*. 2018;1(3-4):539–552. (In Russ.) DOI: 10.31696/2618-7043-2018-1-3-4-539-552.

Введение

23 января 2017 г. на 86-м году жизни скончался известный грузинский иранист Джемшид Шалвович Гиунашвили, доктор филологических наук, профессор, автор более 200 научных работ на русском, грузинском, персидском и других языках. Его труды известны далеко за пределами Грузии и бывшего СССР. С уходом Дж. Ш. Гиунашвили, можно сказать, завершилась эпоха выдающихся грузинских иранистов XX в., берущая начало с проф. Юстина Абуладзе (1874–1962) и продолженная профессорами Давидом Кобидзе (1906–1981), Константином Пагава (1919–1994), Мзией Андроникашвили (1920–2006), Магали Тодуа (1927–2016), Александром Гвахария (1929–2002), Вахушти Котетишвили (1935–2008).

Однако и в ряду выдающихся грузинских иранистов фигура Джемшида Гиунашвили, благодаря которому в значительной степени поддерживалась высокая репутация грузинской иранистики в области иранской филологии, стоит особняком, что было обусловлено его происхождением, поскольку, будучи грузином, Дж. Гиунашвили являлся в то же время и иранцем, для которого персидский язык был родным. Он был признанным авторитетом среди выдающихся советских иранистов. Так, известный российский иранист Ю. А. Рубинчик величал Джемшида Гиунашвили «мэтром, восхищаясь его персидским» [2, с. 9]¹.

Его научное наследие обширно, включает в себя работы в области лингвистики, литературоведения, изучения рукописей, источниковедения; подготовку хрестоматий, составление словарей и др. Однако любое описание научной биографии профессора Дж. Гиунашвили будет, по сути, малосодержательным, если ее рассматривать вне контекста его семейной биографии, штрихи которой в некотором роде повторяют трагическую судьбу, постигшую многие семьи грузинской интеллигенции, подвергшиеся на заре становления советской власти в Грузии политическому преследованию и гонениям.

¹ Дж. Гиунашвили является автором рецензии на известный персидско-русский словарь Ю. А. Рубинчика [3]. См. также некролог Дж. Гиунашвили о Ю. А. Рубинчике [4].



Жизненный и творческий путь

Дж. Гиунашвили родился 1 мая 1931 г. (1310 г.) в Тегеране в семье инженера Шалвы Давидовича Гиунашвили (1908–1981), являвшегося сыном кахетинского священника. Дядя Джемшида (старший брат отца) – выпускник Варшавского университета, известный грузинский врач, оказывавший медицинскую помощь участникам антисоветского восстания 1924 года под руководством Какуцы (Кайхосро) Чолокашвили; был расстрелян советской властью. Командированный в Туркмению в 1928 г. для работы на ирригационных проектах, инженер Шалва Гиунашвили, не знавший персидского языка, вскоре сумел перейти в Иран, где был схвачен иранскими пограничниками и отправлен в лагерь на границу с тогдашней Индией – в Захедан. Однако судьба улыбнулась Шалве Гиунашвили: местный губернатор оказался однокурсником его расстрелянного брата, неоднократно гостившим в их семье в Грузии. Он сумел вместо высылки в Индию перенаправить его в Тегеран, где Ш. Гиунашвили вскоре освободился из заключения и создал семью с Эленэ Гуливердашвили, с которой был знаком еще в Телави, где учился в духовной семинарии, а Эленэ обучалась в женском училище [5, с. 114].

Профессия Шалвы Гиунашвили оказалась весьма востребованной в Иране 30-х годов, где было начато масштабное дорожное строительство, что обеспечило его семье безбедное существование и, как отмечал в своем отчете представитель МИД ГССР при посольстве СССР в Иране, добившегося значительного авторитета в министерстве путей сообщения Ирана [6, с. 80].

Джемшид Гиунашвили учился в известном тегеранском американском колледже «Альборз» (Эльбрус), где блестяще изучил персидский язык. С детства родители обучили его также грузинскому и русскому языкам. В свободное от школы время он общался с русскими эмигрантами, а в 1942 г. стал членом открытого в Тегеране советского клуба [5, с. 180].

В 1947 г. Шалва Гиунашвили с супругой и двумя детьми, наряду с несколькими другими проживающими в Иране грузинами-эмигрантами, получили гражданство СССР и репатрировались в Грузию [6, с. 75]. В Тбилиси Джемшид окончил русскую школу и поступил на иранское отделение факультета востоковедения Тбилисского государственного университета (ТГУ). Однако за обретением Родины последовало новое переселение. В 1952 г., когда Дж. Гиунашвили обучался на 3-м курсе, их семья была выселена в Южный Казахстан. Как позже вспоминал Дж. Гиунашвили, случайно увидев в местной газете заметку о студентах факультета востоковедения Среднеазиатского госуниверситета (САГУ), он предпринял попытку продолжить обучение там и отправил письмо на имя ректора ТГУ Нико Кецховели (который в начале 1920-х годов при-



держивался антибольшевистских устремлений и был даже на непродолжительный период арестован после грузинского восстания 1924 г.) с просьбой выслать академическую справку и аттестат. Получив через месяц документы с прекрасной характеристикой, Джемшид Гиунашвили тайком уехал на товарном поезде в Ташкент, где встретился с деканом факультета востоковедения Среднеазиатского университета Григорием Львовичем Бондаревским (с 1956 г. сотрудник ИВ АН СССР), который предложил ему для получения диплома в 1953 г. сдать за год экстерном 4 курса (поскольку в этот год в СССР прекращалось обучение экстерном в вузах), при этом чтобы никто из студентов не видел его в университете. Готовясь к экзаменам в казахском селе, Джемшид раз в две недели тайком на товарном поезде отправлялся в САГУ для сдачи экзаменов. Вскоре после смерти Сталина ему было разрешено обучение по определенным направлениям, и он выбрал мукомольно-элеваторный техникум (МЭТ) в Ташкенте. Спустя некоторое время с него был снят статус переселенца, Джемшид стал соискателем, а потом и преподавателем в САГУ. При этом знания, полученные в МЭТ, пригодились ему в последующей работе в иранистике – Дж. Гиунашвили подготовил первый русско-персидский словарь технических терминов [5, с. 180]

В 1956 г. в Ташкенте им была подготовлена кандидатская диссертация на тему «Глагольный компонент детерминативных именных образований персидского литературного языка» [7], которую он защитил уже в Тбилиси в 1958 г. [8]. В Ташкенте в 1957–1958 гг. были опубликованы его первые научные работы [9–12]. Примечательно, что первые две научные работы Дж. Гиунашвили, опубликованные в трудах САГУ, были отмечены в библиографии, опубликованной в престижнейшем *Middle East Journal* [13, pp. 357–358]. Не лишним будет вспомнить, что лингвистика в советской иранистике хотя и была представлена заметными фигурами, тем не менее существенно уступала по количеству ученых литературоведов, в связи с чем исследования талантливого молодого специалиста в чрезвычайно востребованной области стали заметным вкладом в советской иранистике.

В 1958 г. Джемшид Гиунашвили по приглашению выдающегося грузинского востоковеда Георгия Церетели возвращается в Грузию (в 1959 г. в Грузию вслед за ним последует его супруга Людмила Семеновна, в девичестве Мирина²) и начинает работать младшим научным сотруд-

² Супруга Джемшида Шалвовича – Людмила Семеновна Гиунашвили (Мирина) – являлась известным специалистом по иранской литературе XX в. Она родилась в 1937 г. в Душанбе в семье служащего. Еще в школьные годы выучила таджикский язык, в 1954 г. поступила в САГУ на ирано-афганское отделение факультета востоковедения, которое окончила в 1959 г. Дипломную работу готовила под руководством известного узбекского ираниста Шаислама Шамухамедова. В 1964 г. защитила кандидатскую, а в 1986 г. – докторскую диссертацию в Ленинграде.



ником в отделе языков Ближнего Востока Института языкознания АН Грузии. В 1958 г. в ТГУ он защищает диссертацию [7], подготовленную в Ташкенте. В 1960 г. в системе АН Грузии был создан Институт востоковедения, который возглавил Георгий Церетели (ныне носит его имя), впоследствии избранный действительным членом АН СССР, в котором Дж. Гиунашвили вскоре стал заведующим отделом, а с 1974 г. (до своего назначения первым Чрезвычайным и Полномочным послом в Иран с 1 августа 1994 г., где он пробыл до 16 января 2004 г.) – заместителем директора института (которым тогда был известный лингвист, академик Тамаз Гамкрелидзе). Одновременно он преподавал на факультете востоковедения ТГУ.

Сразу же после переезда в Грузию Дж. Гиунашвили активно продолжал научную работу. С 1960 г. регулярно выходят его статьи в «Трудах Тбилисского государственного университета» и изданиях АН Грузии.

В 1962 г. Дж. Гиунашвили вместе с Н. Бекаури подготовил книгу «Образцы персидского фольклора» [14]. Кроме лингвистических и литературоведческих исследований [15] Дж. Гиунашвили занимался изучением рукописей. Благодаря обнаруженным в Институте рукописей АН Грузии персидским рукописям он сумел расшифровать «белые пятна» «Истории Систана», которые до этого не смог полностью расшифровать Малек-ош-шо'ара Бахар, «многое уточнить, а некоторые места исправить» [16, с. 161; 17–19]³. В 1971 г. Дж. Гиунашвили издал эту рукопись на персидском языке [21].

В 1964 г. выходит совместная монография известного грузинского лингвиста, заведующего лабораторией экспериментальной лингвистики Института языкознания АН Грузии Шоты Гаприндашвили и Джемшида Гиунашвили «Фонетика персидского языка» [22], в которой они «впервые в мировой иранистике» «осуществили детальное рентгенографическое, осцилло- и спектрографическое исследование всего звукового состава персидского литературного языка» [23, с. 190]. Результаты этого исследования были представлены авторами на Всесоюзной конференции в Баку в 1963 г. [24, с. 129]. Как писал в 1982 г., т. е. почти через двадцать лет после выхода этой монографии В. Б. Иванов, «в иранском языкознании известно одно фундаментальное исследование спектральных характеристик звуков речи – это труд грузинских ученых Ш. Г. Гаприндашвили и Дж. Ш. Гиунашвили [25, с. 51]. Работа получила положительные отзывы [23; 26], сразу же став классической, и с тех пор активно используется в лингвистических исследованиях в области пер-

³ См. также о выступлении Дж. Гиунашвили на научной конференции по вопросам археологии и изучения древних рукописей, организованной Археологической комиссией СССР совместно с Институтом рукописей им. К. С. Кекелидзе АН Грузии 3–5 ноября 1969 г. в Тбилиси, по этой теме: [20, с. 324].



сидского языка (см., например: [27, с. 5, 11; 28, с. 18])⁴. Как отмечал заведующий кафедрой иранской филологии, профессор ИСАА при МГУ им. М. В. Ломоносова В. Б. Иванов, эта книга, являвшаяся «передовым исследованием», стала для него со студенческой скамьи «настолярной книгой». В ней «впервые была использована рентгенография в исследовании персидских звуков речи... с тех пор по настоящее время такого детального исследования звуков речи с помощью рентгенографии никто так и не сделал. Этот труд остается актуальным и по сию пору. В нем Джемшид Шалвович не только дал описания звуков речи – он оценивал те теории и положения, которые существовали в отношении персидского языка на тот момент времени. И некоторые, казалось бы, широко принятые воззрения на персидскую фонетику он опровергал в своей книге, давая новый материал и обосновывая отличия того, что он нашел, от прежнего состояния... прежние оценки делались без экспериментального подхода, на слух, а Гиунашвили проверил это с помощью рентгенографии» [30].

Как бы в продолжение этого исследования в следующем году в «Трудах» Тбилисского университета выходит обширная 55-страничная статья Дж. Гиунашвили о системе фонем литературного персидского языка [31], также получившая положительные рецензии как советских, так и зарубежных иранистов [32–34].

В 35 лет, в 1966 г., Дж. Гиунашвили защитил докторскую диссертацию [35]. В 1970-х гг. Дж. Гиунашвили осуществляет задуманное им ранее издание двух словарей – «Карманного грузинско-персидского и персидско-грузинского словаря» [36] и «Краткого русско-персидского технического словаря» [37], ставшего со времени публикации основным источником специальной терминологии для изучающих персидский язык в СССР. В 1972 г. в свет выходит подготовленная Дж. Гиунашвили в соавторстве с Д. В. Кацитадзе хрестоматия «Персидские исторические тексты» [38], снабженная весьма обширным введением, в котором дана подробная характеристика корпусу «средневековых персидских исторических памятников», ставшая важным подспорьем для изучающих историю Иранского мира [39, с. 106].

Перу Дж. Гиунашвили принадлежат многочисленные исследования по различным аспектам персидской лексики, терминологии, текстологии, источниковедения, свидетельствующие о широте его научных интересов. Часть его работ касаются вопросов влияния персидской литературы в Грузии. Значительное внимание Дж. Гиунашвили уделял публикации работ о грузинских иранистах, некоторые из них изданы им на персидском языке. Особое внимание им уделялось составлению

⁴ В статье Дж. И. Эдельман «Персидский язык» в Большой советской энциклопедии в числе 6 книг по персидскому языку приводится работа Ш. Гаприндашвили и Дж. Гиунашвили [29].



различных учебных пособий для изучающих персидский язык. Им подготовлена хрестоматия персидских исторических текстов, учебник персидского языка для вузов, а также для учащихся начальной школы (в Тбилиси была школа, где персидский язык изучали с начальных классов). Большую группу составляют его работы, посвященные ферейданским грузинам, в частности, касающиеся исследования феномена ферейданского говора грузинского языка, испытавшего существенное влияние персидского. Дж. Гиунашвили, сопоставляя лингвистический материал, анализировал изменение кахетинского диалекта грузинского языка ферейданских грузин.

Дж. Гиунашвили активно участвовал в научных конференциях и симпозиумах [24; 40; 41], публиковал рецензии на выходящие по иранистике работы, его выступления всегда вызывали большой академический интерес.

Заключение

Анализируя этапы исследовательской работы Дж. Гиунашвили, трудно не заметить, что наиболее продуктивный период его деятельности пришелся на 1960–1970-е и первую половину 80-х гг., то есть советский период. Именно в этот период им были созданы фундаментальные научные труды в области иранского языкознания, лексикографии, текстологии, литературоведения, источниковедения и даже различных аспектов истории Ирана на основе изучения лексики [42; 43]. Однако с начала 90-х гг. Дж. Гиунашвили, наряду с немногочисленными сугубо научными работами, время от времени публикует статьи преимущественно публицистического характера в грузинских средствах массовой информации, фактически выступая в роли популяризатора и пропагандиста Ирана (об этом можно судить по заглавиям некоторых статей [44–47]), что в какой-то степени было связано с его карьерой дипломата (на протяжении десяти лет). Однако в этом видится и определенная закономерность, обусловленная факторами, повлиявшими на грузинскую науку в целом и на востоковедческую отрасль в частности в связи с развалом Советского Союза, в котором, несмотря на все имеющиеся проблемы идеологического характера, имелся мощный аппарат академической поддержки, а уровень и престиж науки не подлежал сомнению. В советский период в закавказских и среднеазиатских республиках были созданы крупные востоковедческие учреждения с достаточно высоким по советским меркам финансированием, а также известные крупные научные издательства, что в одночасье пропало в независимой Грузии. Произошло понижение статуса именитых востоковедческих учреждений, которые были лишены необходимого финансирования и до сих пор сталкиваются с проблемами, в том числе и существенным сокращением их штата (так, факультет востоковедения ТГУ был упразднен и вошел наряду с несколь-



кими другими факультетами в состав гуманитарного факультета, а Институт востоковедения АН Грузии в усеченном виде вошел в состав вновь образованного на базе бывшего педагогического института Университета Ильи, где никогда не осуществлялась подготовка востоковедов). Тбилиси перестал быть крупным центром иранистики, каким являлся в советский период, особенно в 60–80-е гг. XX в., где проходили масштабные научные мероприятия⁵ и издавались работы высокого уровня. Очевидно, в современной Грузии публикация фундаментальных работ такого уровня, как та же «Фонетика персидского языка» или статьи по иранистике в востоковедческих сериях «Трудов» ТГУ и «Известиях» АН Грузии, практически невозможна.

Необходимо также отметить, что Дж. Гиунашвили был одним из немногих грузинских иранистов, в постсоветское время публикующихся в российских востоковедческих изданиях [48]. С его именем также связаны те редкие контакты, которые имелись между иранистами двух стран⁶. Эту традицию он продолжил и в качестве дипломата⁷.

Таким образом, с уходом Джамшида Гиунашвили грузинская наука, потеряв уникального человека и крупного ученого, понесла без преувеличения невосполнимую потерю.

Литература

1. Mossaki N., Ravandi-Fadai L. In Memoriam Jamshid Giunashvili (1931–2017): Georgian Scholar of Iran from Tehran, “The Maestro”. *Iranian Studies*. 2017;50(5):755–760.
2. Антадзе-Малашхия Ф. Памяти учителя (из Грузии с любовью). *Караван*. 2013;(Август):8–11.
3. Гиунашвили Дж. Ш. Рецензия на книгу «Персидско-русский словарь в двух томах». Под ред. Ю. А. Рубинчика. *Народы Азии и Африки*. 1972;(3):206–207.
4. Гиунашвили Дж. Ш. Памяти Юрия Ароновича Рубинчика (1923–2012). *Караван*. 2013;(Август):15–21.
5. Гиунашвили Дж. Субъектури чанацереби иранзе. т’авгадасавали чаицера тamar бабуадзем = Субъективные записи об Иране. Записала Тamar Бабуадзе. *Цхели шоколади = Горячий шоколад*. 2008;(37):112–118:180–183. (На груз. яз.).

⁵ См., например, сообщение Дж. Гиунашвили о Всесоюзной научной конференции по иранской филологии, состоявшейся в мае 1970 г.: [40].

⁶ Необходимо отметить, что научное руководство диссертации его дочери Елены Гиунашвили осуществлял выдающийся российский иранист В. А. Лившиц (1923–2017) [49], что, по сути, являлось последним подобным участием российских востоковедов в подготовке диссертаций грузинских иранистов.

⁷ Так, например, в феврале 1999 г., спустя 170 лет со дня трагической кончины А. С. Грибоедова, представитель Московского патриархата игумен Александр (Заркешев) совершил заупокойное богослужение по великому русскому поэту в Свято-Николаевском соборе в Тегеране. После службы в приходском доме посол Грузии Дж. Ш. Гиунашвили рассказал собравшимся прихожанам о жене поэта Нино Чавчавадзе, об истории ее знакомства с Александром Сергеевичем и о древнем роде Чавчавадзе, см.: [50, с. 11].



6. Гурули В., Джикия Л. (ред.) *Тао-кларджети, лазети да ферейдани сабчота кавширис политикури хелмдзхванелобис гегмебши. документеби да масалеби (1944–1951) = Тао-Кларджети, Лазети и Ферейдан в планах политического руководства Советского Союза. Документы и материалы (1944–1951)*. Тбилиси: Универсали; 2012. 112 с. (На груз. яз.).

7. Гиунашвили Дж. *Глагольный компонент детерминативных именных образований персидского литературного языка: дис. ... канд. филол. наук*. Ташкент; 1958. 164 с.

8. Гиунашвили Дж. *Глагольный компонент детерминативных именных образований персидского литературного языка: автореф. ... канд. филол. наук*. Тбилиси; 1958. 17 с.

9. Гиунашвили Дж. Ш. Заметки о морфологическом составе инфинитива в персидском языке. *Труды Среднеазиатского государственного университета*. 1957;(105):45–49.

10. Гиунашвили Дж. Ш. Словообразовательная функция причастия настоящего времени на -анде в литературном персидском языке. *Труды Среднеазиатского государственного университета*. 1957;(105):39–44.

11. Гиунашвили Дж. Ш. Рецензия на книгу «Рудаки, 857–1957: к 1100 со дня рождения поэта: сборник статей». *Узбекистон маданияти = Культура Узбекистана*. 1958; 8 июля. (На узбек. яз.)

12. Гиунашвили Дж. Ш. Тенденция фонетического упрощения и вопросы словообразовательного анализа в персидском языке. *Сборник аспирантских работ Среднеазиатского государственного университета*. 1958;(5):289–309.

13. Glazer S. Bibliography of Periodical Literature. *Middle East Journal*. 1958;12(3):352–365.

14. Бекаури Н., Гиунашвили Дж. (ред.) *Спарсули зепирситквиеребис нимушеби = Образцы персидского фольклора*. Тбилиси: Мецниереба; 1962. (На груз. яз.).

15. Гиунашвили Дж. Ш. К толкованию одного бейта из Голестана. *Труды Тбилисского университета. Серия востоковедения*. 1962;(99):63–67.

16. Хроникальные заметки. *Вопросы истории*. 1963;(10):159–161.

17. Гиунашвили Дж. О тбилисской рукописи «Тарих-и Систан». *Тезисы докладов IV Всесоюзной конференции по иранской филологии*. Ташкент; 1964:70.

18. Giunashvili Dž. A Further Note on the Ta'riḫ-i Sīstān Manuscripts. *East and West*. 1971;21(3/4):345–346.

19. Смирнова Л. П. О тбилисской рукописи «Истории Систана». В: *Письменные памятники и проблемы истории культуры народов Востока. IX годичная научная сессия ЛО ИВ АН (автоаннотации и краткие сообщения)*. Л.: Наука; 1973. С. 79–83.

20. *Археографический ежегодник за 1969 год*. М.: Наука; 1971. 352 с.

21. Giunashvili J. *Dar bāreye noskheye khattiye Tārikhe Sīstān (moujud dar Teflis)*. Teflis; 1971. 72 s. (На перс. яз.).

22. Гаприндашвили Ш. Г., Гиунашвили Дж. Ш. *Фонетика персидского языка. I. Звуковой состав*. Тбилиси: Мецниереба; 1964. 226 с.

23. Эдельман Дж. И. Рецензия на книгу Гаприндашвили Ш. Г., Гиунашвили Дж. Ш. *Фонетика персидского языка. I. Звуковой состав. Народы Азии и Африки*. 1965;(6):190–193.



24. Гусейнов Б. М. Всесоюзная конференция по иранской филологии. *Известия Академии наук Азербайджанской ССР. Серия общественных наук.* 1963;(4):129–130.

25. Иванов В. Б. О соотношении артикуляторных и акустических характеристик персидских гласных. *Вестник Московского университета. Серия 13. Востоковедение.* 1982;(1):51–56.

26. Kramsky J. *Archiv orientální.* Praha; 1966;(34):217–219:459–463.

27. Иванов В. Б. *Вокализм и просодика в персидском языке и дари*: автореф. дис. ... д-ра филол. наук. М.; 1996. 48 с.

28. Рубинчик Ю. А. *Грамматика современного персидского литературного языка.* М.: Восточная литература; 2001. 600 с.

29. Эдельман Дж. И. Персидский язык. В: Прохоров А. М. (ред.) *Большая советская энциклопедия.* М.: Советская энциклопедия; 1975;19:439–440.

30. Соболева А. *Памяти профессора Гиунашвили.* Режим доступа: <http://parstoday.com/ru/news/russia-i58723>

31. Гиунашвили Дж. Система фонем литературного персидского языка. *Труды Тбилисского государственного университета.* 1965;(116):81–141.

32. Machalsky F. *Przegląd Orientalistyczny.* Warszawa; 1967;(1):81.

33. Lazard G. Dz. K. Giunasvili, Sistema fonem persidskogo jazyka, *Otdel'nyj ottisk iz Trudov Tbilisskogo gosudarstvennogo universiteta*, t. 116, str. 87–141. *Indo-Iranian Journal.* 1971;13(1):154–158.

34. Provasi E. *Iranica.* Naples; 1979:257.

35. Гиунашвили Дж. *Фонологическая структура литературного персидского языка: автореф. дис. ... д-ра филол. наук.* Тбилиси; 1966. 30 с.

36. Гиунашвили Дж. *Карманный грузинско-персидский и персидско-грузинский словарь.* Тбилиси: Мецниереба; 1971. 263 с.

37. Гиунашвили Дж. *Краткий русско-персидский технический словарь.* Тбилиси: Мецниереба; 1974. 477 с.

38. Гиунашвили Дж., Кацитадзе Д. *Персидские исторические тексты.* Тбилиси: Издательство ТГУ; 1972. 414 с.

39. Тимохин Д. М. К проблеме изучения истории государства хорезмшахов – Ануштегинидов в отечественной исторической науке. В: Миняжетдинов И. Х., Пахомова М. А. (ред.) *История востоковедения: традиции и современность: материалы 2-й всероссийской школы-конференции.* М.: ИВ РАН; 2015:95–112.

40. Гиунашвили Дж. Ш. IV Всесоюзная научная конференция по актуальным проблемам иранской филологии. *Народы Азии и Африки.* 1970;(6):202–207.

41. Айни К. С., Байматова Т. Международный симпозиум по теме «Энциклопедический справочник (Ономастикон) персоязычной литературы». *Известия АН Таджикской ССР. Отделение общественных наук.* 1983;113(3):111–113.

42. Начкебия И. Н. Основные труды доктора филологических наук, профессора Дж. Ш. Гиунашвили. *Восток.* 1992;(1):194–195.

43. Гиунашвили Е. *Джемшид Гиунашвилис рчеул шромата библиография = Избранная библиография трудов Джемшида Гиунашвили.* В: Гамкрелидзе Т. (ред.) *Issues of Linguistics.* Тбилиси: Издательство Тбилисского университета; 2011. С. 5–14. (На груз. яз.)



44. Гиунашвили Дж. Президенти али акбар хашеми рапсанджани – исламури пасеулобата дамцвели да реалисти политикоси = Президент Али Акбар Хашеми Рафсанджани – защитник исламских ценностей и политик-реалист. *Сакартвелос Республика*. 1995;(42):3. (На груз. яз.)

45. Гиунашвили Дж. Исламури ирани – регионули зесахелмципо = Исламский Иран – региональная сверхдержава. *Сакартвелос Республика*. 2010;(168):6. (На груз. яз.)

46. Гиунашвили Дж. Самртлианобис схивис апеткеба: иранис исламури революциис гамарджвебис 32-э цлистави = Взрыв луча справедливости: к 32-й годовщине победы исламской революции в Иране. *Сакартвелос Республика*. 2011;(27):5. (На груз. яз.)

47. Гиунашвили Дж. «Чвени революция самартлианобис апеткебис схиви ико»: иранис исламури революциис одамецамете цлиставис гамо = «Наша революция являлась лучшим взрывом справедливости»: о 33-й годовщине победы исламской революции. *Сакартвелос Республика*. 2012;(27):5. (На груз. яз.)

48. Гиунашвили Дж. Ш., Гиунашвили Е. Дж. Заметки о говоре ферейданских грузин. В: Оглоблин А. К., Телицин Н. Н. (ред.) *Востоковедение. Историко-филологические исследования*. Вып. 30. СПб.: Изд-во С.-Петербур. ун-та; 2014. С. 20–24.

49. Гиунашвили Е. Дж. Личные глагольные формы в парфянском и ранне-среднеперсидском языках: дис. ... канд. филол. наук. Тбилиси; 1993. 121 с.

50. Архимандрит Августин (Никитин). Седьмая тетрадь. Дело прошлое. «Тегеран-29». *Нева*. 2002;(11):5–11.

References

1. Mossaki N., Ravandi-Fadai L. In Memoriam Jamshid Giunashvili (1931–2017): Georgian Scholar of Iran from Tehran, “The Maestro”. *Iranian Studies*. 2017;50(5):755–760.

2. Antadze-Malashkhia F. In memory of a teacher (from Georgia with love). *Caravan*. 2013;(August):8–11. (In Russ.)

3. Giunashvili Dzh. Sh. Book review: Persian-Russian dictionary in two volumes. *Narody Azii i Afriki. = Peoples of Asia and Africa*. 1972;(3):206–207. (In Russ.)

4. Giunashvili Dzh. Sh. In memory of Yuri Aronovich Rubinchik (1923–2012). *Caravan*. 2013;(August):15–21. (In Russ.)

5. Giunashvili Dzh. Sh. Subjective records of Iran. Recorded Tamar Babuadze. *Tskheli shokoladi. = Hot chocolate*. 2008;(37):112–118:180–183. (In Georgian)

6. Guruli V., Djikia L. (eds) *Tao-Klardzheti, Lazeti and Fereidan in the plans of the political leadership of the Soviet Union. Documents and materials (1944–1951)*. Tbilisi: Universali; 2012. (In Georgian)

7. Giunashvili Dzh. Sh. *Verb component of the deterministic nominal formations of the Persian literary language. PhD Diss. (Philology)*. Tashkent; 1958. (In Russ.)

8. Giunashvili Dzh. Sh. *Verb component of the deterministic nominal formations of the Persian literary language. PhD Thesis (Philology)*. Tbilisi; 1958. (In Russ.)

9. Giunashvili Dzh. Sh. Notes on the morphological composition of the infinitive in Persian. *Proceedings of the Central Asian State University*. 1957;(105):45–49. (In Russ.)



10. Giunashvili Dzh. Sh. The word formation function of the present participle on *-ande* in the Persian literary language. *Proceedings of the Central Asian State University*. 1957;(105):39–44. (In Russ.)

11. Giunashvili Dzh. Sh. Book review: Rudaki, 857–1957: to 1100 since the birth of the poet: a collection of articles. *Uzbekiston madaniyati = Culture of Uzbekistan*. 1958; July, 8. (In Uzbek.)

12. Giunashvili Dzh. Sh. The trend of phonetic simplification and the questions of word-formation analysis in the Persian language. *Collection of works of postgraduate students of the Central Asian State University*. 1958;(5):289–309. (In Russ.)

13. Glazer S. Bibliography of Periodical Literature. *Middle East Journal*. 1958;12(3):352–365.

14. Bekauri N., Giunashvili Dzh. (eds) *Samples of Persian folklore*. Tbilisi: Metsniereba; 1962. (In Georgian)

15. Giunashvili Dzh. Sh. To the interpretation of one *beit* from *Golestan*. *Trudy Tbilisskogo universiteta. Seria vostokovedeniya = Works of Tbilisi University. A series of oriental studies*. 1962;(99):63–67. (In Russ.)

16. Chronicle notes. *Voprosy istorii = Issues of History*. 1963;(10):159–161. (In Russ.)

17. Giunashvili Dzh. Sh. About the Tbilisi manuscript “Tarikh-Sistan”. *Abstracts of the IV All-Union Conference on Iranian Philology*. Tashkent, 1964:70. (In Russ.)

18. Giunashvili Dzh. A Further Note on the Ta’rikh-i Sīstān Manuscripts. *East and West*. 1971;21(3/4):345–346.

19. Smirnova L. P. About the Tbilisi manuscript of the “History of Sistan”. In: *Written monuments and problems of the history of the culture of the peoples of the East. IX annual scientific session of Leningrad Branch of the Institute of Oriental Studies of the Academy of Sciences (auto annotations and short reports)*. Leningrad: Nauka; 1973, pp. 79–83. (In Russ.)

20. *Archaeographic Yearbook for 1969*. Moscow: Nauka; 1971. (In Russ.)

21. Giunashvili J. *Dar bāre-ye noskhe-ye khattiye Tārikhe Sīstān (moujud dar Teflis)*. Teflis; 1971. (In Persian)

22. Gaprindashvili Sh. G., Giunashvili Dzh. Sh. *Phonetics of the Persian language. I. Sound composition*. Tbilisi: Metsniereba; 1964. (In Russ.)

23. Edelman Dzh. I. Book review: Gaprindashvili Sh. G., Giunashvili Dzh. Sh. *Phonetics of the Persian language. I. Sound composition. Narody Azii i Afriki = Peoples of Asia and Africa*. 1965;(6):190–193. (In Russ.)

24. Guseynov B. M. All-Union Conference on Iranian Philology. *Izvestiya Akademii nauk Azerbaidzhanskoi SSR. Seriya obshchestvennykh nauk = Proceedings of the Academy of Sciences of Azerbaijan. Social Science Series*. 1963;(4):129–130. (In Russ.)

25. Ivanov V. B. On the ratio of articulatory and acoustic characteristics of Persian vowels. *Moscow University Bulletin. Series 13. Oriental Studies*. 1982;(1):51–56.

26. Kramsky J. *Archiv orientalni*. Praha; 1966;(34):217–219:459–463.

27. Ivanov V. B. *Vocalism and prosodika in Persian and Dari. Dr. Thesis (Philology)*. Moscow; 1996. (In Russ.)

28. Rubinchik Yu. A. *Grammar of the modern Persian literary language*. Moscow: Vostochnaya literatura; 2001. (In Russ.)



29. Edelman Dzh. I. Persian language. In: Prokhorov A. M. (ed.) *Great Soviet Encyclopedia*. Moscow: Sovetskaya entsiklopediya; 1975;19:439–440. (In Russ.)
30. Soboleva A. *Professor Jemshid Gvishiani – in Memoriam*. Available at: <http://parstoday.com/ru/news/russia-i58723>
31. Giunashvili Dzh. The system of Persian literary phonemes. *Trudy Tbilisskogo gosudarstvennogo universiteta = Proceedings of Tbilisi State University*. 1965;(116):81–141. (In Russ.)
32. Machalsky F. *Przegląd Orientalistyczny*. Warszawa; 1967;(1):81.
33. Lazard G. Dz. K. Giunasvili, Sistema fonem persidskogo jazyka, Otdel'nyj ottisk iz Trudov Tbilisskogo osudarstvennogo universiteta, t. 116, str. 87–141. *Indo-Iranian Journal*. 1971;13(1):154–158.
34. Provasi E. *Iranica*. Naples; 1979:257.
35. Giunashvili Dzh. *Phonological structure of the Persian literary language. Dr. Thesis (Philology)*. Tbilisi; 1966. (In Russ.)
36. Giunashvili Dzh. *Pocket Georgian-Persian and Persian-Georgian Dictionary*. Tbilisi: Metsniereba; 1971. (In Georgian)
37. Giunashvili Dzh. *Concise Russian-Persian Technical Dictionary*. Tbilisi: Metsniereba; 1974. (In Russ.)
38. Giunashvili Dzh. Sh., Katsitadze D. *Persian historical texts*. Tbilisi: Tbilisi State University; 1972. (In Russ.)
39. Timokhin D. M. To the problem of studying the history of the state of Khorezmshahs – Anushteginids in Russian historical science. In: Minyazhtdinov I. Kh., Pakhomova M. A. (eds) *History of Oriental Studies: Traditions and the Present: Materials of the 2 All-Russian School-Conference*. Moscow: Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences; 2015: 95–112. (In Russ.)
40. Giunashvili Dzh. Sh. IV All-Union Scientific Conference on topical issues of Iranian philology. *Narody Azii i Afriki = Peoples of Asia and Africa*. 1970;(6): 202–207. (In Russ.)
41. Aini K. S, Baimatova T. International Symposium on “Encyclopedic Reference (Onomasticon) of Persian Language Literature”. *Proceedings of the Academy of Sciences of the Tajik SSR. Social Sciences*. 1983;113(3):111–113. (In Russ.)
42. Nachkebia I. N. The main works of Doctor of Philology, Professor Dzh. Sh. Giunashvili. *Vostok = Oriens*. 1992;(1):194–195. (In Russ.)
43. Giunashvili E. Selected bibliography of works by Jemshid Giunashvili. In: Gamkrelidze Th. (ed.) *Issues of Linguistics*. Tbilisi: Tbilisi State University; 2011, pp. 5–14. (In Georgian)
44. Giunashvili Dzh. Sh. President Ali Akbar Hashemi Rafsanjani is a defender of Islamic values and a realistic politician. *Sakartvelos Republic*. 1995;(42):3. (In Georgian)
45. Giunashvili Dzh. Sh. Islamic Iran is a regional superpower. *Sakartvelos Republic*. 2010;(168):6. (In Georgian)
46. Giunashvili Dzh. Sh. The explosion of a ray of justice: to the 32nd anniversary of the victory of the Islamic revolution in Iran. *Sakartvelos Republic*. 2011;(27):5. (In Georgian)
47. Giunashvili Dzh. Sh. “Our revolution was a ray of justice”: about the 33rd anniversary of the victory of the Islamic revolution. *Sakartvelos Republic*. 2012;(27):5. (In Georgian)



48. Giunashvili Dzh. Sh., Giunashvili E. Dzh. Notes about the dialect of the Fereidan Georgians. In: Ogloblin A. K., Telitsin N. N. (eds) *Orientalism. Historical and philological studies. Interuniversity collection of articles*. Iss. 30. St Petersburg: Publishing house of St Petersburg. University; 2014, pp. 20–24. (In Russ.)

49. Giunashvili E. Dzh. *Personal verbal forms in the Parthian and Early Middle Persian languages. PhD Thesis (Philology)*. Tbilisi; 1993. (In Russ.)

50. Archimandrite Augustine (Nikitin). Seventh notebook. Matter of the past. Tehran-29. *Neva*. 2002; (11):5–11. (In Russ.)

Информация об авторах

Мосаки Нодар Зейналович, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Центра изучения стран Ближнего и Среднего Востока Института востоковедения РАН, г. Москва, Российская Федерация.

Раванди-Фадаи Лана Меджидовна, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Центра изучения Центральной Азии, Кавказа и Урало-Поволжья Института востоковедения РАН; доцент кафедры современного Востока факультета истории, политологии и права, Российский государственный гуманитарный университет, г. Москва, Российская Федерация.

Раскрытие информации о конфликте интересов

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Информация о статье

Поступила в редакцию: 12 ноября 2018 г.

Одобрена рецензентами: 3 декабря 2018 г.

Принята к публикации: 6 декабря 2018 г.

Information about the authors

Nodar Z. Mossaki, Ph. D (Hist.), Senior Research Fellow, Center for Middle East Studies, Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russian Federation.

Lana Ravandi-Fadai, Ph. D (Hist.), Senior Research Fellow, Central Eurasia Research Center, Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences; Associate Professor of the Contemporary East in the Department of History, Political Science and Law, Russian State University for the Humanities, Moscow, Russian Federation.

Conflicts of Interest Disclosure

The authors declares that there is no conflict of interest.

Article info

Received: November 12, 2018

Reviewed: December 3, 2018

Accepted: December 6, 2018

Ориенталистика

Международный научный рецензируемый журнал

Главный редактор – *В. П. Андросов*

Ответственный редактор – *Ш. Р. Кашаф*

Научные редакторы – *Т. М. Мастюгина, Ш. Р. Кашаф, Е. И. Лакирева, С. С. Никифорова*

Редактор-переводчик (английский, немецкий языки) – *Н. И. Сериков*

Редактор-переводчик (арабский язык) – *Т. Ибрагим, В. Н. Настич*

Редакторы-переводчики (персидский язык) – *Л. З. Танеева-Саломатшаева, К. Идрисов*

Редактор-корректор – *М. П. Крыжановская*

Технический редактор – *Г. Ш. Адиатулина*

Ассистент редактора – *К. Ш. Кашаф*

Дизайн – *Ш. Р. Кашаф, Т. А. Лоскутова*

Компьютерная верстка – *Т. А. Лоскутова*

Веб-редактор – *А. Ю. Питенин*

Подписано в печать 25.12.2018. Формат 70x100 1/16. Усл. печ. л. 12,6. Тираж 500 экз.; первый завод 100 экз. Заказ № 624. Журнал распространяется по подписке (e-mail: orientalistica@ivran.ru). Свободная цена.

Отпечатано в типографии ООО «Паблит»
127282, Российская Федерация, г. Москва, ул. Полярная, д. 31В, стр. 1
Тел.: (495) 230-20-52

Orientalistica

International peer-reviewed academic journal

Editor-in-chief – *Valery P. Androsov*

Responsible editor, admin editor – *Shamil R. Kashaf*

Scientific editors – *Tatyana M. Mastuygina, Shamil R. Kashaf, Elena I. Lakireva,
Svetlana S. Nikiforova*

Editor-translator (English, German) – *Nikolaj I. Serikoff*

Editor-translators (Arabic) – *Tawfik Ibrahim, Vladimir N. Nastich*

Editor-translators (Persian) – *Lola Z. Taneeva-Salomatshaeva, Kurbonali Kh. Idrisov*

Proof-reader – *Marina P. Kryzhanovskaya*

Technical editor – *Gulnara Sh. Adiatulina*

Assistant editor – *Karina Sh. Kashaf*

Design – *Shamil R. Kashaf, Tatyana A. Loskutova*

Computer layout – *Tatyana A. Loskutova*

Web editor – *Alexander Yu. Pitenin*

Signed in the press on Dec 25, 2018. Format 70x100 1/16. Circulation 500 copies; the first factory 100 copies. Order № 624. The price is free.

Printed in the publishing house of LLC Pablit
31B, build. 1, Polarnaya str., Moscow, 127282, Russian Federation



Андросов В. П. Очерки изучения буддизма древней Индии. М.: ИВ РАН, 2019. 800 с.

В первой части монографии автор подводит итог 40 лет собственной исследовательской деятельности в буддологии, затрагивая актуальные проблемы Малой, Великой и Алмазной колесниц индийского буддизма. Во второй части даются комментированные переводы с санскрита 12 глав «Гухья-самаджа-тантры», считающиеся старейшими, и начальные главы «Хеваджра-тантры», что делается впервые в отечественной науке.

«Феномен буддизма исследуют западные и российские ученые в течение более 200 лет. Задействован весь комплекс гуманитарного знания, а в археологических раскопках – точные науки с их новейшими достижениями. Если имена, события, практики, доктрины и ритуалы буддистов XX в. более или менее известны, то история буддизма, этого крупнейшего религиозного течения Центральной, Южной и Восточной Азии, пока таит много загадок...»

**В. П. Андросов,
доктор исторических наук, профессор**

В.П. АНДРОСОВ
ОЧЕРКИ ИЗУЧЕНИЯ
БУДДИЗМА
ДРЕВНЕЙ ИНДИИ



Аникеева Т. А. Предания Коркута. Огузский героический эпос как источник по истории тюркских народов Центральной Азии IX–XI вв. М.: Наука – Восточная литература, 2018. 189 с.

«Книга моего деда Коркута на языке племени огузов» является единственным письменным памятником средневекового эпоса тюркоязычных (огузских) народов. В нем нашли отражение и предания ранней тюркской полупоэтической истории, и более поздние события, связанные с распространением владычества огузов на территории Малой Азии и их контактами с Византией. В монографии рассматриваются вопросы, затрагивающие историю культуры и мировоззрения огузских народов в период их продвижения на Запад и укрепления в Малой Азии и Закавказье, отраженной в эпических сказаниях «Книги моего деда Коркута» и некоторых других памятниках, а также изучения тюркского огузского эпоса в российской и зарубежной тюркологии и востоковедении в целом.

Т. А. Аникеева, кандидат филологических наук



Т.А. Аникеева

ПРЕДАНИЯ КОРКУТА

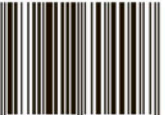
Огузский героический эпос
как источник по истории
тюркских народов Центральной Азии
IX–XI вв.



ОРИЕНТАЛИСТИКА

Т. 1, № 3-4
2018

ISSN 2618-7043



9 772618 704007 >

